

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА
им. Г. ИБРАГИМОВА

А.М. Салахов

**РАЗВИТИЕ
ТАТАРСКОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ
на материале грамматик
татарского и арабского языков
XIX – нач. XX века**

Казань
2017

УДК 811.512.145'36

ББК 81.2Тат-2

С 16

*Печатается решением Ученого совета
Института языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова АН РТ*

Научный редактор

доктор филологических наук **М.И. Ахметзянов**

Рецензент

кандидат филологических наук **Н.Ш. Насибуллина**

Салахов А.М.

С 16 Развитие татарской грамматической теории (на материале грамматик татарского и арабского языков XIX – нач. XX века) / А.М. Салахов. – Казань: ИЯЛИ, 2017. – 184 с.

ISBN 978-5-93091-237-1

Книга посвящена изучению грамматического материала пособий по арабскому языку, применявшихся в татарских медресе во второй половине XIX – начале XX в., и учебников татарского языка того же времени. На основе исследования как грамматических трактатов по арабскому языку, применявшихся в татарских медресе во второй половине XIX – начале XX в., так и татарских грамматик, созданных в указанный период, выявлена степень влияния арабской грамматики на становление и эволюцию грамматики татарского языка.

УДК 811.512.145'36

ББК 81.2Тат-2

ISBN 978-5-93091-237-1

© Салахов А.М., 2017;
© ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова
АН РТ, 2017

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. История татарского языкознания все еще содержит немало белых пятен, препятствующих воссозданию полной и четкой картины ее становления и развития, и арабская филология, как фактор, оказавший значительное влияние на формирование татарской грамматической теории, не исключение.

«В связи с тем, что татары в прошлом активно использовали арабский язык в качестве литературного как в богослужении, так и в школьном обучении и науке, овладение грамотой в определенной степени означало и овладение этим языком. На арабском языке существовала большая печатная продукция, почти равная печатной продукции на татарском языке. Эти факты преданы забвению, как и книги, вышедшие из употребления» [107, с. 3].

Как известно, арабский язык являлся одним из основных предметов преподавания в татарских учебных заведениях и важным элементом общего образования. Дж. Валиди в «Очерке истории образованности и литературы татар (до революции 1917 г.)» пишет о том, что предметы обучения делились на две категории: «улуму-аль-алия и на улумуль-шаргия. Первая из них состояла из наук, служащих оружием основательного и всестороннего понимания религии ислама, а вторая – из изучения собственно религии ислама. Улуму-ль-алия сами разделяются на две группы наук:

на улуму-ль-арабия или, короче, арабият, т.е. науки, изучающие арабский язык и литературу, и на улум-ль-аклия или, проще, – аклият, т.е. “умственные науки”» [17, с. 21].

Естественным образом в силу того, что татарская грамматическая наука была лишена преемственности как следствие многовекового уничтожения письменных памятников научной мысли со стороны колониальной власти и преследования ученой элиты, отправной точкой создания татарских грамматик середины XIX – начала XX вв. стали арабские грамматические трактаты.

«Влияние арабских грамматик ясно проявляется, в первую очередь, в грамматиках, составленных учеными-татарами на татарском языке. Это касается как системы их построения, так и терминологии» [108, с. 55]. «Классическим примером татарской грамматики, построенной по принципам арабской грамматики, является “Энмүзәж” К. Насыри» [108, с. 55]. Авторство татарских грамматик, написанных на русском языке, принадлежит, главным образом, востоковедам-тюркологам и христианским миссионерам, что было обусловлено, в значительной степени, политическими факторами. Данные пособия составлялись с ориентиром на грамматику русского языка.

«После Октябрьской революции влияние арабской грамматики уменьшается и возрастает влияние русских грамматик. Это выразилось в принципах классификации звуков, в принципах классификации и описания грамматических категорий частей речи, в делении связи слов на согласование, управление, примыкание, в принципах классификации предложений, в принципах пунктуации, в структурно-семантическом синтаксисе и т.д.» [108, с. 57].

Татарская филология, будучи тесно связанной в историческом плане с арабским языкознанием, до сих пор

испытывала настоятельную необходимость в изучении арабских грамматических трактатов, использовавшихся в татарских учебных заведениях, как легших в основу первых трудов по татарской грамматике середины XIX – начала XX в., а также пособий по татарскому языку того же периода в сравнительном плане с выявлением степени влияния первых на грамматику татарского языка как на терминологическом уровне, так и в отношении грамматических категорий. Изучение учебников арабского языка, применявшихся в татарских профессиональных школах, важно потому, что знание их содержания позволит более полно воссоздать картину эволюции татарского языкознания, начиная с середины XIX в., поскольку арабская грамматическая теория представляет собой те истоки, из которых черпали материал для своих трудов первые татарские филологи, описывая различные грамматические явления татарского языка. Исследование, наряду с учебниками арабского языка, пособий по татарскому языку также необходимо для понимания и интерпретации хода развития татарской грамматической теории. Анализ пособий по обоим языкам позволит в новом ракурсе осмыслить процесс становления грамматики татарского языка, даст объяснение способам описания грамматических явлений татарского языка, использовавшимся татарскими филологами второй половины XIX – начала XX в., а также возможность определить те оригинальные решения, которые применяли первые татарские грамматисты при изложении специфических аспектов татарского языка относительно арабского.

История изучения вопроса. К сожалению, тема влияния арабской лингвистической традиции на первые труды татарских филологов в области грамматики не

получила исчерпывающего освещения со стороны исследователей вплоть до настоящего времени. Фрагментарно вопрос наличия арабских заимствований в учебниках по грамматике татарского языка, составленных во второй половине XIX – начале XX в., отражен в критических статьях Г.Г. Ибрагимова [53, с. 109–129], Д.Д. Валиди [22, с. 168–177] и в труде Л.З. Заляя «Татар теленең тарихи морфологиясе» («История морфологии татарского языка») [40, 288 с.]. Вместе с тем, в татарском языкознании накоплен немалый материал по изложению содержания учебников обозначенного периода и точек зрения их авторов на различные грамматические явления. Сюда можно отнести вышеупомянутый труд Л.З. Заляя, в котором дается описание некоторых татарских грамматик конца XIX – начала XX в. и особенностей взглядов лингвистов того времени относительно грамматических категорий. Следует также отметить работу И.Б. Башировой «Татар әдәби теле тарихы: XIX гасыр ахыры – XX йөз башы» («Татарский литературный язык конца XIX – начала XX века»), в которой также нашли свое освещение некоторые морфологические явления татарского языка в историческом плане [13].

Из отдельно взятых работ наиболее обстоятельно была исследована грамматика выдающегося татарского учебного-просветителя К. Насыри – «Анмузадж», желавшего видеть максимально полно и подробно разработанную грамматику родного языка, которого не удовлетворяло не только качество вышедших до него грамматик татарского языка, но и собственные грамматики, написанные им в молодости [135, с. 100]. В.Н. Хангильдину принадлежит статья, в которой приводится довольно подробное описание вышеназванного трактата и отмечается, что в «труде

К. Насырова проанализированы почти все основные вопросы и грамматические категории современного татарского языка. Многие из них получили довольно полную и с современной точки зрения правильную характеристику. В частности, здесь освещены категория падежа в именах существительных, категория лица и числа в глаголах, категория залогов, а также другие вопросы грамматического строя татарского языка – образование частей речи при помощи суффиксов, отсутствие форм рода, вопросы словосочетания и структуры простого нераспространенного предложения и др.» [134, с. 100].

В 1975 г. было осуществлено издание перевода грамматики К. Насыри на русский язык, а также транскрипции текста оригинала с арабской графики на кириллицу, подготовленные Р.С. Газизовым под редакцией Я.С. Ахметгалиевой. В предисловии к данной работе также содержится информация описательного характера, где приводятся достоинства трактата ученого. Частично грамматическое наследие К. Насыри отражено в публикациях К.З. Зиннатуллиной «К проблеме залогов в современном татарском литературном языке» [52, с. 40–41] и Ф.А. Ганиева «О синтетических и аналитических падежах в татарском языке» [26, с. 75] и статьях других авторов.

Более подробно были описаны татарские грамматики, подготовленные для русскоязычных учащихся. Это объясняется тем, что они писались на основе кириллицы, в отличие от грамматик, написанных на татарском языке с использованием арабской графики. Среди многочисленных публикаций и статей по данной теме следует отметить книгу А.Н. Кононова «История изучения тюркских языков в России», в которой приводится достаточно полное изложение развития тюркского языкознания в России

и, в частности, деятельности таких ученых, как И.И. Гиганов, М.А. Казем-Бек, О.Н. Бетлингк, В.В. Радлов, П.М. Мелиоранский, А.Н. Самойлович, Н.Ф. Катанов и др.

Весьма обстоятельное описание получила грамматика Казем-Бека в статье А.М. Демирчизаде «Грамматика турецко-татарского языка профессора Казем-Бека» [35, с. 57–69]. Вопрос русскоязычных татарских грамматик также нашел свое освещение в статьях М.З. Закиева «Влияние Казанского университета на развитие тюркологии в первой половине XIX века» [43, с. 357–390], Н.А. Мазитовой «Мухаммед-Галей Махмудов» [79, с. 400–405], Ф.С. Сафиуллиной «Хусейн Фейзханов» [109, с. 413–415], К.З. Зиннатуллиной «К проблеме залогов в современном татарском литературном языке» [52, с. 40–41], З.М. Валиуллиной «К истории изучения частей речи в татарском языкознании» [21, с. 48–54] и других публикациях и работах.

Наиболее полно грамматики татарского языка, созданные в середине XIX – начале XX в., нашли свое освещение в диссертационной работе И.Г. Мифтаховой «Развитие грамматической теории в татарском языкознании. Самостоятельные части речи (по татарским грамматикам XIX – начала XX в.)», где «проводится первое в татарском языкознании, а возможно и в тюркологии, историко-лингвистическое исследование формирования и развития грамматической теории (по татарским грамматикам). Изучение этого бесценного научного наследия имеет огромное значение для дальнейшего развития татарской грамматической науки. В диссертации подробно и последовательно исследуется развитие учения о самостоятельных частях речи татарского языка и присущих им грамматических категориях, развитие лингвистической терминосистемы в татарских грамматиках; конкретно до-

казывается огромное влияние на данный процесс русских и арабских грамматик. Анализируются попытки отдельных языковедов самостоятельного освещения морфологического строя татарского языка, исходя из особенностей национального языка. В результате синтеза этих трех направлений в 20-е годы XX века татарская грамматика становилась на современные научные основы. Однако этот процесс был прерван в годы культа личности. Проведенные исследования являются ярким доказательством того, что лингвистическое наследие XIX – начала XX в. послужило основой для грамматических исследований в современном татарском языкознании» [90, с. 5–6]. В данной работе по группам в хронологическом порядке был проведен анализ около шестидесяти татарских грамматик, самоучителей и других учебных изданий грамматического характера.

В первую группу автором включены грамматики, составленные в XIX – 10-х гг. XX в. на русском языке для русскоязычных учащихся, в основу большинства которых легли грамматики русского языка. «Авторы татарских грамматик, составленных на русском языке, придерживались, в основном, схемы знаменитой “Российской грамматики” М. Ломоносова (1755 год), оказавшей свое влияние на последующие грамматики русского языка. Ученые же, писавшие грамматики на татарском языке (в конце XIX – 10-х гг. XX в.), за основу брали систему хорошо знакомых татарам арабских грамматик или же синтезировали принципы русских и арабских грамматик» [89, с. 4]. Тюркологи, преподававшие тюркский язык в русских аудиториях «при объяснении грамматических или иных особенностей тюркского языка пользовались русским языком, сравнивая с грамматическими

особенностями русского языка. Именно это обстоятельство привело их к тому, что при составлении грамматических трудов тюркских языков они использовали русские грамматики, которые были составлены не без влияния «Российской грамматики» [48, с. 16–17].

Во вторую группу включены грамматики, составленные в период с конца XIX до 10-х гг. XX в. для самих татар на их родном языке. В их основу легли пособия по арабскому языку.

Третью группу образовали грамматики 10–20 гг. XX в., основная масса которых была составлена на татарском языке, в том числе знаменитый учебник Г. Ибрагимова «Татар сарыфы» («Морфология татарского языка»), долгие годы служивший учебным пособием в татарских школах. Метаязык и терминологический аппарат грамматик этого периода содержит большее количество татарских лексем по сравнению с работами предшествовавших авторов. «В четвертую группу объединены практические грамматики татарского языка, составленные в 30-х гг. XX в. как для татар на их родном языке, так и для русскоязычного населения на русском языке. В них наблюдается постепенный переход на принципы построения русских грамматик того времени, что находит отражение в структуре самих грамматик, в принципе классификации слов по частям речи, в определении грамматических категорий и т.д.» [90, с. 9]. Главными итогами данного исследования стали выявления следующих фактов: 1) в грамматиках XIX – начала XX в. были заложены принципы классификации частей речи татарского языка; 2) авторы анализируемых грамматик приводили довольно полное описание самостоятельных частей речи и свойственных им грамматических категорий; 3) в данных грамматиках нашло освещение

большинство морфологических явлений татарского языка, известных в настоящее время [91, с. 153–154]. Работа И.Г. Мифтаховой представляет собой комплексное описание грамматик татарского языка XIX – начала XX в., как написанных с ориентиром на русскую, так и татарскую аудиторию. Автор исследования не ставит своей главной целью выявление степени влияния арабской грамматики, а также использования свойственных ей грамматических категорий и понятий при описании специфических аспектов татарского языка, в отличие от нашей работы, во главу угла которой поставлено определение заимствований из арабского грамматического учения при описании грамматики татарского языка, как имеющего свои особенности и отличительные черты.

Объектом изучения выступает грамматический материал пособий по арабскому языку, применявшихся в татарских медресе во второй половине XIX – начале XX в., и учебников татарского языка того же времени.

Предметом исследования является изложение грамматического строя татарского языка через призму арабской лингвистической традиции, предложенное татарскими филологами, а также расхождения, имевшие место между ними, при описании тех или иных грамматических явлений.

Цель данной работы состоит в выявлении заимствований из арабских грамматик, использовавшихся в трудах татарских ученых, которые употреблялись для описания аналогичных и специфических фактов татарского языка, а также в определении предложенных ими оригинальных решений, отражавших особенности татарской грамматической системы. В связи с тем, что синтаксический аспект в татарских грамматиках указанного периода освещался

лишь частично, в рамках настоящей работы были изучены исключительно вопросы морфологии. Исходя из цели, были определены следующие задачи исследования:

1) изложить исторические предпосылки, обусловившие превалирование арабского языка в татарских учебных заведениях до начала XX в.;

2) определить грамматические явления и категории, описанные в грамматиках арабского языка, использовавшихся в татарских медресе во второй половине XIX – начале XX в.;

3) определить грамматические явления и категории, описанные в грамматиках татарского языка обозначенного периода;

4) провести сопоставительный анализ между морфологическими явлениями, описанными в татарских грамматиках, составленных во второй половине XIX – начале XX в., и арабским грамматическим учением с целью выявления универсального и дифференциального.

Научная новизна диссертации заключается в выявлении степени влияния арабской грамматики на становление и эволюцию грамматики татарского языка, на основе исследования как грамматических трактатов по арабскому языку, применявшихся в татарских медресе во второй половине XIX – начале XX в., так и татарских грамматик, созданных в указанный период.

Теоретическую основу исследования составили труды современных арабских и татарских филологов в области грамматики. В процессе идентификации деривационных и релятивных морфем татарского языка мы обращались к работам Ф.А. Ганиева, Ф.М. Хисамовой, Ф.Ю. Юсупова, А.А. Юлдашева и др. При исследовании средневековых арабских грамматических трактатов были

использованы труды известных отечественных арабистов Б.М. Гранде, А.А. Ковалева, Г.Ш. Шарбатова, Б.З. Халидова и др.

Методологической основой исследования послужили положения, разработанные в трудах Л.З. Заляя, В.Н. Хангильдина, М.З. Закиева, Ф.С. Сафиуллиной, И.Б. Башировой, И.Г. Мифтаховой и других ученых.

Методы исследования. При исследовании использовались следующие методы: сравнительно-типологический метод, давший возможность сравнить как схожие, так и специфические явления неродственных языков (арабского и татарского); метод компонентно-семантического анализа терминов при определении того или иного термина-эквивалента; дедукция, индукция, классификация и обобщение.

Материалом исследования послужили научно-дидактические монографии, посвященные арабской грамматике, составленные средневековыми восточными авторами аз-Замахшари, Ибн Хаджибом, ал-Джурджани; грамматические трактаты «Мукадима-и Бедон», «Шарх Абд ‘Аллах», «Сарф Му‘иззи»; учебники арабской грамматики, подготовленные татарскими модернистами конца XIX – начала XX в., Г. и С. Баруди, А. Максуди, А. Умари; пособия по татарской грамматике, написанные К. Насыри, Г. Фейзхановым, М. Умидбаевым, А. Мухаммадрахимом, А. Максуди.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что проведенное в ней сравнительное исследование грамматик арабского и татарского языков в известной степени способствует реконструкции процесса формирования и развития татарского грамматического учения на базе арабской языковой традиции. Также материалы

исследования могут быть использованы при дальнейших исследованиях татарской лингвистики в диахроническом плане в общем и татарских грамматик указанного периода в частности.

Практическая ценность исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть включены в программу по изучению истории татарского языка, использоваться при составлении учебников по татарской морфологии, а также при обучении арабскому языку на основе компаративного метода.

Положения, выносимые на защиту:

1. История просвещения и система образования татарского народа неразрывно связаны с арабской филологией, в том числе и грамматическая теория татарского языка.

2. Авторы первых татарских грамматик, написанных для учащихся-татар, за основу брали хорошо известные им работы восточных авторов по грамматике арабского языка.

3. Терминологические заимствования из арабского языка представляли собой как прямой перенос для обозначения аналогичных понятий в татарском языке, так и использовались для названий явлений, свойственных лишь татарскому языку, либо представляли собой новые термины на основе арабской лексики.

4. Специфические явления татарского языка по-разному освещались в трудах татарских филологов второй половины XIX – начала XX в. на базе арабской грамматики как следствие процесса развития татарской грамматической теории в тот период.

1. УЧЕБНИКИ ПО АРАБСКОЙ ГРАММАТИКЕ, РАСПРОСТРАНЕННЫЕ СРЕДИ ТАТАР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX века

1.1. История проникновения мусульманского образования в татарское общество

Первые тюркские племена были исламинизированы уже в X–XIII вв. в Хорезме и Караханидском государстве. «По свидетельству Ибн ал-'Асира, в 349/960 г. тюрки, занимавшие 200 тысяч шатров, одновременно приняли ислам. Очевидно, что речь здесь шла о Караханидах, ставших первой тюркской династией, принявшей ислам. Начиная со второй половины X века они способствовали его распространению в Трансоксиании и Кашгаре» [8, с. 28].

Относительно начала распространения ислама в Волго-Уральском регионе непосредственно исследователями указывается период VIII–X вв. «Представляется, что без новых достоверных источников говорить о точном сроке появления ислама в Булгарии можно лишь гипотетически. Ясно, что с началом установления регулярных торгово-экономических контактов болгар со странами Востока (с конца VII в.) и возникновением магистрального Волго-Балтийского пути с особой инфраструктурой и зоной его влияния связи с мусульманами укрепляются и становятся регулярными. Однако

говорить в этот период о возникновении устойчивой общины мусульман вряд ли возможно. К VIII–IX вв., вероятно, относится появление первых проповедников и начальный этап знакомства с исламом» [61, с. 550].

«С внедрением ислама среди болгар стало распространяться восточное просвещение и грамотность» [34, с. 121–122]. «Став мусульманской страной и восприняв мусульманскую культуру, Болгария вошла в исламскую цивилизацию. С этого момента связи ее со странами Переднего и Ближнего Востока стали постоянным фактом истории» [61, с. 556].

Арабская графика служила своего рода мостом для усвоения тюрками культурных достижений мировой цивилизации [34, с. 119]. До этого ими использовался уйгурский, а еще ранее орхоно-енисейский алфавит [86, с. 2]. Современной наукой установлено, что руническое письмо употреблялось древними тюрками не позднее VI–VII вв., и, видимо, в IX–X было вытеснено арабским письмом [69, с. 224].

«Классический арабский язык играл большую роль в языковом развитии народов Среднего и Ближнего Востока, Среднего Поволжья, Приуралья и Западной Сибири.

Особенно возросло его значение на Востоке в связи с арабскими завоеваниями и распространением ислама. На протяжении многих веков ислам оказывал определяющее влияние на все области духовной жизни мусульман. Однако религия не являлась единственным каналом влияния арабов и арабского языка на все другие народы. Усвоив и переработав ряд культурных традиций античного мира и древних цивилизаций Востока, арабы познакомили с ними Европу и тем самым внесли свою лепту в культурный подъем Европы эпохи Возрождения. Именно через арабов

Европа впервые приобщилась к античной и восточной науке – философии, математике, астрономии, медицине и др.

В этот период в культурной жизни народов Ближнего и Среднего Востока арабский язык играл роль международного языка, т.е. примерно такую же, как латинский язык для народов Западной Европы» [115, с. 128].

К сожалению, мы не располагаем памятниками письменности болгарского периода, что объясняется бедствиями и войнами, унесшими их безвозвратно. В небольших количествах до нас дошли рукописи XVI–XVII вв., среди которых можно отметить ярлык казанского хана Сахиб Гирея, датируемый 1523 г., а также рукописный список поэмы периода Казанского ханства Мухамедьяра «Тухфа-и мардан» («Дар мужей»), переписанный в 1600 г. [69, с. 17]

«Самые ранние сведения о собственно болгарских ученых относятся к XI в. Известен Ходжа Ахмад ал-Булгари – наставник султана Махмуда Газневи (998–1030). Судя по имени, это был выходец из Булгара, получивший образование в одном из учебных центров среднеазиатского региона еще во времена Саманидов, а затем перебравшийся в Газну. Об уровне его учености говорит то, что он находился при дворе султана, куда были приглашены лучшие умы эпохи, включая великого Абу Райхана Бируни (973–1048)...

Шигабутдин Марджани называет также имя болгарского улема Абу-л-‘Ала Хамида ибн Идриса ал-Булгари (перв. пол. XII в.), которого упоминал в своей книге как передатчика хадисов другой Булгарский ученый – Сулейман ибн Дауд ас-Саксини» [59, с. 67–68].

В период с XIII по XIV вв. территория Болгарии входила в состав Золотой Орды, культурными центрами которой на территории Поволжья были города Булгар,

Билляр, Хаджи-Тархан, Сарай. В столице, Сарае, жили такие известные ученые как Са‘д ад-дин ат-Тафтазани (ум. 1390) – автор популярного труда по основам фикха «Шарх “ат-Талвих” ‘ала “ат-Тавдих”» («Комментарий “Указание” на “Разъяснение”»), ханафитский правовед Хафиз ад-дин Мухаммад ал-Хоразми, более известный как Ибн ал-Баззас (ум. 1414) – автор сборника фетв, богослов Мас‘уд Камал ад-дин Худжанди (ум. 1395). В Сарае останавливался крупный историк и путешественник Ибн Арабшах (ум. 1451) [58, с. 82–83].

«В последней четверти XIV – начале XV в. материальное и духовное наследие бывшей Золотой Орды переходит к ее преемнику – Казанскому государству, представлявшему собой мощное экономическое, политическое и культурное образование... Естественно допустить, что при сохранении своей государственности и дальнейшем социально-экономическом развитии общества, образование у татар обрело бы все более значительные масштабы и светский характер. Однако этот процесс был прерван захватом Казани войсками Ивана Грозного 2 октября 1552 г., завоеванием, положившим начало духовному геноциду татарского народа» [6, с. 215].

Что касается системы образования у татар до XVIII в., то о ее содержании можно рассуждать только гипотетически, поскольку достаточных источников в нашем распоряжении нет. «Можно лишь предположить, что влияние среднеазиатской традиции было доминирующим и проявлялось во всех отраслях знаний» [59, с. 64], как следствие тесных культурных и торгово-экономических связей между двумя регионами. Сетую на отсутствие исторических материалов этого периода времени, Р. Фахретдин отмечает, «что у нас нет сочинений ни о самом древнем народе,

жившем в этом государстве, о наших предках – булгарах и тюрках, ни об их ученых.

Известно, что ученый по имени Йа‘куб бин Ну‘ман ал-Булгари, умерший в 559 году по лунному календарю (1164 год), написал большое сочинение по истории города Булгара и его населения. Однако до нас не дошло ни одно известие или имя, упомянутые в данном труде. Кроме того, мы знаем, что еще ранее, в 310 году по лунному календарю, известный арабский ученый Абуль-Габбас Ахмед бин Фазлан, прибывший в Булгар в составе посольства из Багдада, написал об этом путешествии. Автор сочинения “Иктафаэль-конут” пишет, что это произведение Ибн Фазлана вместе с переводом на немецкий язык, благодаря трудам ученого по имени Фрайн, в 1823 году было издано в Петербурге, однако мы не смогли получить сведения об этом издании» [123, с. 217].

Самыми ранними рукописями, происходящими из Поволжья, из хранящихся в Санкт-Петербургском собрании считаются «Тафсир ас-Са‘лаби» («Комментарий [Корана] ас-Са‘лаби») (ум. 1733) и «Канз ад-дака’ик фи-л-фуру‘» («Кладезь нюансов исламского права») Хафиз ад-дина ан-Насафи (ум. 1746) [72, с. 301].

«На рубеже XVII–XVIII веков начинается возрождение мусульманской учености среди татар. Этот процесс возглавлялся либо самими татарами, получившими образование в мусульманских странах, либо выходцами из мусульманских государств. Религиозное возрождение вначале было связано с духовным влиянием Дагестана. Выходцы и лица, получившие образование на Кавказе, в XVIII веке оказали значительное влияние на возрождение и развитие классического мусульманского образования и суфизма в Казани, Заказанье и в Приуралье еще до

создания Духовного Собрании и превалирования влияния Бухары. К моменту создания Собрании татары обладали целым рядом медресе, где обучение велось по образцам, заимствованным в Дагестане и Мавераннахре» [125, с. 161].

В конце XVIII в. среди татар начинает формироваться просветительство, которое достигает своей зрелости в середине XIX в. Виднейшими его представителями были Г. Утыз-Имяни (1752–1834), Г. Курсави (1776–1812), И. Халфин (1778–1829), Ш. Марджани (1818–1889), К. Насыри (1825–1902), Х. Файзханов (1826–1866) и др. [1, с. 33–34]

«С конца 18 столетия в Среднем Поволжье и Южном Приуралье, на территории современных Республик Татарстан и Башкортостан, наблюдался расцвет мусульманского образования и литературы. Во многих городах и деревнях открывались мечети и медресе, в 1789 г. в Уфе был открыт центральный муфтият, а в первые десятилетия 19 в. в Казани началось мусульманское книгопечатание. Одновременно татарские и башкирские теологи и суфии создавали значительную литературу на арабском и тюркском языках, которая включала практически все классические мусульманские жанры» [72, с. 24].

Начало XIX в. ознаменовалось наступлением эпохи Нового времени для татарской духовной культуры [147, с. 65]. Это время начала проникновения в татарскую среду западноевропейских идей просвещения и секуляризации культуры, когда западная цивилизация оказала определяющее влияние на формирование татарской просветительской мысли, что привело к открытию татарских школ нового типа, заимствованию европейских методов образования и обращенности к светским наукам [147, с. 69].

**1.2. Труды по арабской грамматике
иностранных авторов,
распространенные среди татар
во второй половине XIX – начале XX века**

«Ал-Анмузадж» («Образчик») аз-Замахшари

Одним из самых распространенных грамматических пособий по арабскому языку, применявшихся в татарских медресе во второй половине XIX – начале XX в., являлся «ал-Анмузадж» Мухаммада бин ‘Умара аз-Замахшари (1074–1144) [107, с. 139]. Исследованное нами издание «ал-Анмузаджа», опубликованное в Казани в 1901 г., помимо непосредственно сочинения аз-Замахшари содержит комментарий к нему, составленный Джамал ад-дином ал-Ардабили [162, с. 2–97], примечания в виде глосс к комментарию ал-Ардабили, принадлежащие Мавлави Дауду [206, с. 2–57], а также разъяснение к тому же комментарию под названием «Тахрир ал-фава’ид ‘ала шарх “ал-Анмузадж”» («Редакция польз к комментарию “Образчика”») [173 с. 98–172]. Все это свидетельствует о широкой популярности данного грамматического трактата не только среди тюркских, но и других народов мусульманского Востока.

Как следует из содержания титульного листа книги, причиной издания «ал-Анмузаджа» с комментариями ал-Ардабили стали популярность последних как среди учащихся, так и ученых.

Во введении автор комментария, ал-Ардабили, упоминает причину, побудившую его к написанию своего пояснения к трактату аз-Замахшари, – это обильные смыслом лаконичные выражения «ал-Анмузаджа» и его полезность как для начинающих обучение, так и знатоков [162, с. 5–7].

Во вступительной части трактата аз-Замахшари приводит понятие «слово» (калима), говорит о том, что оно может быть представлено либо именем (исм), либо глаголом (фи‘л), либо частицей (харф); дает определение предложению (джумла) и упоминает наиболее типичные его составные варианты [182, с. 4–12]. Ал-Ардабили объясняет такое – традиционное – построение трактата тем, что предметом синтаксиса является познание изменений окончаний слов, возникающих в предложении, которое, в свою очередь, состоит из отдельных словоформ [162, с. 10].

Первая часть книги посвящена теории имени, где разъясняются его признаки и семантико-грамматические разряды: имя нарицательное (исм ал-джинс), имя собственное (ал-‘алам), имя с изменяемым окончанием (ал-му‘раб) и согласованные с ним второстепенные члены предложения (таваби‘), имя с неизменяемым окончанием (ал-мабни), двойственное (ал-мусанна) и множественное числа имени (ал-маджму‘), имя в определенном (ал-ма‘риф) и неопределенном состояниях (ан-накира), мужской (ал-музаккар), женский род имени (ал-му‘аннас), имя уменьшительное (ал-мусаггар), имя относительное (ал-мансуб), числительные (асма’ ал-а‘дад), отглагольные имена (ал-асма’ ал-муттасила би-л-аф‘ал). После перечисления упомянутых пятнадцати разрядов имени в соответствующем порядке рассматривается имя нарицательное, имя собственное, имя с изменяемым окончанием. Исходя из принципа от общего к частному, после разъяснения понятия *ал-му‘раб*, говорится о двухпадежных и трехпадежных именах, вводится понятие *и‘раб*, объясняются графические способы его выражения и то, в каких словоформах используются те или иные из них [182, с. 12–23]. «*И‘раб* – это изменение окончаний слова под влиянием грамматических факторов»

[182, с. 20]. Далее упоминаются случаи подразумеваемого *и'раба* и причины возникновения двухпадежности (ман'ас-сарф) у имени [182, с. 12–60]. Ниже излагаются члены предложения, синтаксическая позиция которых требует их постановки в именительном падеже (марфу'ат); здесь же упоминаются виды предложений. После этого объясняются члены предложения, функция которых требует винительного (мансубат), родительного падежей (маджрурат). Далее речь идет о согласованных второстепенных членах предложения, именах с неизменяемыми окончаниями, двойственном и множественном числах имени, именах в определенном и неопределенном состояниях, показателях мужского и женского родов; рассматривается уменьшительная форма имени, имя относительное, числительные, имена отглагольные [182, с. 25–78].

В следующей части излагается глагол. В ней описываются его признаки, грамматические категории времени и наклонения, переходность и непереходность, залог, обстоятельства, при которых глагол может принимать то или иное окончание, особенности употребления некоторых из них [182, с. 79–87].

Последняя часть посвящена частицам: перечисляются их виды, семантические особенности, то с какими из частей речи употребляются те или иные из них, и какие окончания принимают словоформы, которыми они управляют [182, с. 87–96].

О широком распространении этой книги среди татар свидетельствуют вошедшие в Краткий каталог АР ИВ АН СССР рукописи-списки, переписанные в Поволжье, в деревнях: Ашит, датирована 1618 г., Йурташ (1799 г.), Уруй (1805 г.), Казаклари (1836 г.) и др., а также его копия, хранящийся в Собрании Восточных Рукописей АН УзССР, –

полный список конца XVIII в. из Средней Азии, написанный индивидуальным татарским наста'ликом [107, с. 140–141].

Порядок изложения материала, примененный аз-Замахшари в «ал-Муфассале», сокращенным вариантом которого является «ал-Анмузадж», в котором в начале расположены разделы, посвященные имени, далее – глаголу, затем – частицам, более подходит для специалистов нежели для начинающих изучение грамматики, для которых целесообразнее начинать с базовых грамматических понятий, присущих всем разрядам слов [177, с. 11].

На фоне работы аз-Замахшари выделяется стихотворный грамматический трактат Ибн Малика (1220–1294) «Алфийа» («Тысячница»), названный так по той причине, что состоит из 1000 стихов. Многие грамматисты, писавшие свои сочинения после Ибн Малика, придерживались заведенного им порядка в данном трактате. Будучи в значительной мере приспособленным для ведения дидактического процесса, этот порядок остается наиболее популярным и сегодня [177, с. 11]. В связи с этим считаем необходимым привести краткое содержание данного сочинения.

Начало работы, согласно традиции, отведено рассмотрению частей речи и их признаков, далее слова рассматриваются с точки зрения их способности изменяться по окончаниям и оставаться неизменными, ниже освещается категория определенности и неопределенности, имена собственные, указательные местоимения, относительные местоимения, имена собственные, начинающиеся с артикля определенности [160, с. 9–14], подлежащее (ал-мубтада) и сказуемое именного предложения (ал-хабар), глаголы группы *кана* и их синтаксическая роль, глаголы

группы *лайса*, глаголы близости (аф'ал ал-мукараба), глаголы группы *инна*, частица полного отрицания («ла» ли нафй ал-джинс), глаголы группы *занна*, глаголы, управляющие тремя дополнениями, подлежащее глагольного предложения (ал-фа'ил) [160, с. 24–44], обороты, начинающиеся с дополнения, в которых опускается глагол с целью усиления его действия (ал-иштигал), переходность и непереходность глагола, абсолютное дополнение (ал-маф'ул ал-мутлак), обстоятельство причины действия (ал-маф'ул лах), обстоятельство места и времени (ал-маф'ул фик), обстоятельство соучастия (ал-маф'ул ма'ах), конструкции исключения (ал-истисна'), обстоятельство образа действия (ал-хал), выделение (ат-тамйиз), предлоги [160, с. 44–66], несогласованное определение (ал-идафа), имя действия (ал-масдар) и его функции, причастие действительного залога и его функции, формы масдаров, формы причастий действительного и страдательного залогов, прилагательное, уподобленное причастию действительного залога (ас-сифа ал-мушаббаха), глагольные конструкции удивления (ат-та'аджуб), глагольные обороты хвалы и упрека (аф'ал ал-мадх ва-з-замм), прилагательное сравнительной степени, определение [160, с. 66–87], усиление (ат-тавкид), соединительное приложение разъяснительное (харф ал-байан), соединительное приложение порядка расположения (харф ан-насак), приложение (ал-бадал), обращение (ан-нида'), обороты просьбы помощи (ал-истигаса), обороты причитания (ан-нудба), отбрасывание последней буквы при обращении (ат-тархим), обособление (ал-ихтисас), обороты предостережения (ат-тахзир) и побуждения (ал-игра'), имена-глаголы и междометия, «нун» усиления, имена двухпадежные, изменение глагола по наклонениям и их грамматические

факторы, конструкции с частицами условия *лав, амма, лав ла, лав ма* [160, с. 88–119], употребление в функции подлежащего относительного местоимения, случаи употребления сказуемого с определенным артиклем, числительные, вопросительные частицы со значением количества, цитата (ал-хикайа), грамматические показатели женского рода, долгий и короткий алиф, двойственное и множественное числа, имя уменьшительное, имя относительности [160, с. 119–140], правила остановки, смещение при произнесении фатхи в сторону даммы (ал-имала), словоизменение и словообразование (ат-тасриф), случаи произношения и выпадения соединительной хамзы в начале слова, замена одной буквы на другую (ал-ибдал), ассимиляция [160, с. 140–163]. Как можно заметить, данный труд Ибн Малик посвятил грамматике в целом: синтаксису и морфологии. При чем некоторые морфологические разделы приводятся среди синтаксических, но их основная часть расположена во второй половине «Алфиййа».

В архиве рукописей, научного и архивного фондов ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова нами была обнаружена брошюра с переводом на татарский язык и комментариями к первым 112 стихам из 1000 «Алфиййа», выполненные А. Губайдуллиним, изданная в Казани в 1907 г. В предисловии к переводу автор упоминает о широкой популярности этого трактата в арабском мире, называя его «Солнцем среди прочих звезд», и сетует на его слабую распространенность на территории России, исключая Дагестан [164, 1–3].

Помимо способов подачи материала, предложенных аз-Замахшари и Ибн Маликом, существуют и другие структурные варианты составления грамматических сочинений, которые обладают своими особенностями и преи-

мушествами, но в целом уступают двум вышеописанным методам [177, с. 11].

«Ал-Кафийа» («Достаточный [трактат]»)

Ибн Хаджиба

«Ал-Кафийа» является самым ранним произведением Ибн Хаджиба (1174–1249), посвященным грамматике арабского языка, ставшее популярным еще при жизни автора, что объясняется новаторской системностью в изложении материала, которую отличала легкость и доступность для усвоения учащимися по сравнению с аналогичными трудами предшественников. Позже к данному трактату Ибн Хаджиб написал три комментария: «Шарх ал-Кафийа» («Комментарий к “Достаточному”»), «ал-Вафийа фи назм ал-Кафийа» («“Полный [трактат]” в стихотворном изложении “Достаточного”»), «Шарх ал-Вафийа назм ал-Кафийа» («Комментарий “Полного”, стихотворного изложения “Достаточного”»). Всего же известно о 124 комментариях к «ал-Кафийе», в том числе 1 на турецком и 6 на персидском языках. В целом Ибн Хаджиб является автором 24 сочинений в различных областях знания: грамматике, просодии, литературе, истории, законоведении и методологии права, что свидетельствует о широте познаний этого выдающегося грамматика [190, с. 25–51].

Учебный трактат «ал-Кафийа» был одним из самых распространенных среди татар. Он имеется почти в каждом рукописном хранилище и не раз издавался как на Западе, так и на Востоке. Впервые эта книга была напечатана в 1592 г. в Риме в типографии Медичи под названием «И‘раб “ал-Кафийа”» («Грамматический разбор “Достаточного”»). В 1876 г. вышло в свет первое турецкое

издание этого сочинения. В Казани «ал-Кафийа» издавалась в 1886, 1889, 1900, 1904, 1908, 1909 годах [107, с. 141].

В начале трактата автор знакомит с частями речи: «Слово – это речение, указывающее на одно значение. Оно может быть именем, глаголом и частицей. Поскольку оно может указывать и не указывать на значение в себе. Второе – частица. Первое – либо связуется с одним из трех времен, либо нет. Второе – имя, первое – глагол» [159, с. 2]. Затем вводит понятие «предложение», далее дает определение имени, упоминает его признаки, делит слова на те, окончания которых способны принимать изменения и остаются неизменными, поясняет, что *и‘раб* может не всегда иметь формальных показателей. Далее говорится о том, каким членам предложения свойственны те или иные флексические показатели; дается определение управляющего слова (*‘амил*). Ниже приводятся категории слов, исходя из того, какими показателями в них выражен *и‘раб*, которые могут быть основными и вторичными; дается пояснение слов, изменение флексий в которых носит подразумеваемый характер (*и‘раб такдири*); ниже рассматриваются имена двухпадежные [159, с. 2–4].

Затем речь идет об именах, функция которых требует их постановки в именительном, винительном падежах и варианты их расположения в предложении. Далее рассматриваются имена, употребляемые в родительном падеже, и обуславливающие это грамматические факторы [159, с. 4–14]. После этого дается определение понятия *алмабни*, перечисляются категории слов, для которых данное явление характерно. Ниже рассматриваются имена в определенном и неопределенном состояниях, числительные, показатели мужского и женского родов, двойственное и множественное числа, имя действия, причастия дей-

ствительного и страдательного залогов, прилагательное, уподобленное причастию действительного залога, сравнительная степень прилагательного и особенности ее употребления [159, с. 14–20].

Следующий раздел посвящен рассмотрению глагола. Дается его определение, общие признаки, структурные особенности форм прошедшего и настоящего времен, показатели наклонений (для глагола настоящего времени), обстоятельства и частицы, требующие его употребления в том или ином из них. Отдельно рассматривается глагол в форме повелительного наклонения. Далее излагается переходность и непереходность глагола, недостаточные и фазовые глаголы, «глаголы хвалы» и «порицания», как имеющие особенности употребления. Заключительный раздел посвящен частицам, где приводится их классификация и значения [159, с. 20–27].

Большой популярностью пользовался комментарий «ал-Кафийи», известный под названием «Шарх-и Мулла», принадлежащий знаменитому ‘Абд ар-Рахману бин Мухаммаду ал-Джами (1414–1493). Подлинное название этого сочинения «ал-Фава’ид ад-Дийа’ийа» («Полезь Дийа’ ад-дина»), а обиходное – «Мулла джами ‘ала “ал-Кафий-а”» («[Комментарий] муллы Джами к “Достаточному”»). Эта книга была названа автором в честь его сына Дийа’ ад-дина Йусуфа, для которого и была составлена. Она получила широкое распространение в медресе Средней Азии, как учебное пособие по изучению арабской грамматики [107 с. 142].

«Н.Ф. Катанов указывал, что первое издание этой книги было выпущено в Казани М.А. Кадыровым в 1896 г. в количестве 15000 экземпляров, что оно было “перепечатано с турецкого литографированного издания Мустафы

Шефтек-эфенди”» [107, с. 142]. Но, как отмечает Р.Р. Сафиуллина, эта книга начала издаваться татарами еще раньше: в 1885, 1890, 1891, 1893, 1896 (2 раза), 1909, 1910 годах как под названием «Шарх мулла Джамии ‘ала “ал-Кафийа”», так и «“ал-Кафийа” шархи фава’ид ад-Дийа’ийа.

К данному трактату Ибн Хаджиба в Казани также издавался комментарий под названием «‘Исмаат ‘ала-л-Джами». Титульная страница книги содержит восхваление «ал-Кафийи» и информацию о том, что ей посвящены различные комментарии, самый знаменитый и полный из которых принадлежит ‘Абд ар-Рахману ал-Джами, пользующийся популярностью и сегодня. Автором около половины сочинения является ученик ал-Джами ‘Абд ал-Гафур ал-Лари; оставшуюся часть составил ‘Исмаат Аллах бин Мухаммад ал-Бухари, в честь которого и была названа книга [107, с. 142].

«Ал-‘Авамил ал-ми’а»

(«Сто [грамматических] факторов») ал-Джурджани

‘Абд ал-Кахир ал-Джурджани (ум. 1078 г.) по признанию многих ученых считается основоположником стилистики арабского языка как отдельной науки. Помимо широкоизвестного труда «Асрар ал-балага» («Тайны красноречия») перу этого выдающегося ученого принадлежит ряд других работ, в том числе и в области мусульманского права [180, с. 13–16].

Трактат ал-Джурджани «ал-‘Авамил ал-ми’а» посвящен описанию грамматических факторов, обладающих функциями управления. Предмет описания данного трактата выбран далеко не случайно. Как известно, основное внимание арабского синтаксиса посвящено рассмотрению

грамматических факторов, управляющих тем или иным падежом/наклонением относительно имен и глаголов соответственно, и, как следствие, изменений, которые происходят в окончаниях слов. К этой монографии ал-Джурджани были написаны различные комментарии, и наряду с «Алфиййа» Ибн Малика она остается одним из наиболее популярных пособий по арабской грамматике, говоря точнее, по синтаксису [198, с. 22–23].

Грамматические факторы делятся на две большие группы: выраженные морфологически (лафзиййа) и смысловые (ма'навиййа). Вторые, в свою очередь, делятся на две подгруппы: образованные по аналогии (киасиййа), которых 7, и образованные по традиции (сама'иййа), которых 91. К первой группе относятся лишь 2 управляющих грамматических фактора [174, с. 28–29].

Грамматические факторы, образованные по традиции, бывают 13 видов: 1) предлоги (частицы, управляющие родительным падежом в отношении только одного имени), число которых 17; 2) частицы, управляющие винительным падежом имени и именительным падежом сказуемого, число таковых 6; 3) две частицы, управляющие именительным падежом имени и винительным падежом сказуемого; 4) частицы, управляющие винительным падежом только одного имени, их количество 7; 5) частицы, управляющие сослагательным наклонением глагола в форме настоящего-будущего времени, – 4; 6) частицы, управляющие усеченной формой настоящего-будущего времени глагола, – 5; 7) имена, управляющие усеченной формой настоящего-будущего времени глагола, – 9; 8) имена, управляющие винительным падежом имен, выступающих в качестве выделения (тамиййиз), – 4; 9) так называемые «имена-глаголы», некоторые из них управляют именительным падежом, их 3, некоторые –

винительным, – 6; 10) недостаточные глаголы, управляющие именительным падежом имени и винительным падежом сказуемого, – 13; 11) «глаголы близости», которые управляют именительным падежом одного имени и винительным падежом сказуемого, – 4; 12) «глаголы хвалы и порицания», управляющие именительным падежом имени нарицательного, находящегося в определенной форме, – 4; 13) «глаголы сомнения и уверенности», требующие после себя двух дополнений, – 7 [174, с. 29–46].

Грамматические факторы, образованные по аналогии, представлены семью: глагол, причастие действительного залога, причастие страдательного залога, прилагательное, уподобленное причастию действительного залога, имя действия, первая часть изафетной конструкции, имя полное [174, с. 46].

Смысловые грамматические факторы состоят из двух: 1) нахождение слова в начале предложения; 2) нахождение глагола на позиции имени [174, с. 46–47].

«Мукаддима-и Бедон» («Введение “Знай”»)

Долгое время в качестве учебника по изучению морфологии арабского языка татары использовали трактаты «Мукаддима-и Бедон», «Шарх ‘Абд Аллах», написанные на фарси, а также арабоязычный трактат «Сарф Му‘иззи».

Первое сочинение, вероятный автор которого имам деревни Ура Казанского уезда Юнус бин Иванай (род. 1639) [123, с. 238], представляет собой краткий свод морфологии арабского языка и предназначено для начинающих знакомство с арабской грамматикой. Оно получило такое название по своему первому слову «бедон», что в переводе с персидского означает «знай» [16, с. 40].

В начале трактата упоминается о наличии в арабском языке частей речи, представленных именем, глаголом и частицей. Далее рассматривается вопрос о количестве коренных и дополнительных букв, из которых могут состоять имена и глаголы в отдельности; вводится понятие *ал-мизан* (образец) и объясняются принципы его использования. «В арабских грамматиках общие морфологические явления принято обозначать условными формулами, образуемыми от корня *فعل*, в которых первая коренная обозначается буквой *ف*, вторая – буквой *ع*, и третья – буквой *ل*; если есть четвертая коренная, то она обозначается также буквой *ل*» [73, с. 85]. Далее глаголы делятся на правильные и неправильные. «Трехбуквенный глагол называется правильным, если у него все три коренные согласные различны и если в составе его корня нет хамзы и так называемых “слабых букв” (*ا, و, ي*). Например: *كتب, جلس* и т.п. Все остальные глаголы называются неправильными. К ним относятся: удвоенные, хамзованные и слабые глаголы» [132, с. 333]. Масдар (имя действия) имеет двенадцать производных: глагол прошедшего времени, глагол настоящего будущего времени, причастие действительного залога, причастие страдательного залога, отрицательная форма глагола прошедшего времени, отрицательная форма глагола настоящего времени, повелительное наклонение глагола, отрицательная форма повелительного наклонения глагола, имя места, имя времени, имя орудий, сравнительная степень прилагательного. Спряжение глагола в арабском языке оформляется путем слитных местоимений – показателей деятеля в глаголе, указывающих на число и лицо. Затем следует описание механизмов образования причастий действительного и страдательного залогов; объясняется способ образования отрицательной формы

глагола для прошедшего и настоящего времен, повелительного наклонения и его отрицательной формы; имени места и времени, имени орудий, сравнительной степени прилагательного [200, с. 2–18].

«Шарх ‘Абд Аллах» («Комментарий ‘Абд Аллаха»)

«Шарх ‘Абд Аллах» является комментарием ко второму разделу первой части «Сарф Му‘иззи», автор, как следует из вводной части, – ‘Абд Аллах бин Ак-Мухаммад. Первую, большую часть «Комментария», в соответствии с упомянутым во введении, занимает подробное освещение каждой из шести пород трехбуквенного глагола, не имеющего в своем составе дополнительных букв (суласи ал-муджаррад). Приводятся варианты масдаров данных пород и раскрываются особенности образования их двенадцати производных (глагол прошедшего времени, глагол настояще-будущего времени, причастие действительного залога, причастие страдательного залога, отрицательная форма глагола прошедшего времени, отрицательная форма глагола настоящего времени, повелительное наклонение глагола, отрицательная форма повелительного наклонения глагола, имя места, имя времени, имя орудий, сравнительная степень прилагательного) в зависимости от наличия удвоенных и слабых букв.

Следующая часть посвящена рассмотрению двенадцати пород трехбуквенного глагола, имеющего в своем составе дополнительные буквы – *суласи ал-мазид*; объясняются их семантические особенности и, так же как в случае с *суласи ал-муджаррад*, приводятся правила образования производных масдара с учетом вышеупомянутых особенностей состава слова.

Далее следует часть, посвященная единственной породе четырехбуквенного глагола, не имеющего в своем составе дополнительных букв – *руба ‘и муджаррад*, и так же разъясняются механизмы образования производных масдара в тех или иных случаях.

В последней, четвертой части, в подобном свете рассматриваются три породы четырехбуквенных глаголов, в составе которых имеются дополнительные буквы – *руба ‘и мазид* [184, с. 19–100].

«Сарф Му‘иззи» («Морфология Му‘изза»)

«Сарф Му‘иззи» учебный трактат, посвященный спряжению глагола. Флюгель в переводе текста Хаджи Халифы читает это название «му‘аззи» и переводит «Утешитель относительно грамматической флексии». В среднеазиатском и татарском обиходах название трактата читается «му‘иззи» и приписывается ‘Изз ад-дину аз-Занджани [107, с. 147]. Это сочинение представляет собой описание изменений, происходящих в парадигме глагола, являясь своего рода введением в морфологию; состоит из четырех частей. Первая часть содержит четыре раздела. Первый ее раздел посвящен рассмотрению и классификации глаголов относительно наличия в них слабых либо удвоенных букв. Во втором разделе освещаются породы глагола. В третьем разделе объясняется механизм образования страдательного залога глагола. В четвертом – способ образования повелительного наклонения. Вторая часть состоит из пяти разделов. В первом разделе говорится о таких комбинаторных изменениях глагольных фонем, обусловленных наличием «слабых» и удвоенных букв, как ассимиляция (идгам), диссимиляция (калб), элизия короткого гласного

после согласного (таскин), отбрасывание буквы (харф); в оставшихся четырех – об условиях их осуществления. Третья часть состоит из четырех разделов. В первом говорится об особенностях употребления местоименных суффиксов и сопутствующих этому фонемных изменениях в глаголах; во втором – о случаях удвоения и разделения одинаковых рядом стоящих коренных букв в зависимости от типа присоединяемых суффиксов; в третьем – объясняются случаи наличия и выпадения средних коренных слабых букв; в четвертом – излагаются аналогичные случаи применительно к слабой третьей коренной букве и соответствующие фонемные изменения в составе глагола. Четвертая часть, состоящая из восьми разделов, посвящена подробному описанию спряжения глагола в зависимости от времени, наличия/отсутствия удвоенных либо слабых букв и породы [185, с. 101–112].

«Татарами эта книга издавалась многократно. Всего известно 22 издания тиражом от 1500 до 6000 экз. Это объясняется тем, что она широко использовалась в татарских медресе в качестве учебного пособия» [107, с. 148]. «В медресе обыкновенно поступали грамотные мальчики, побывавшие в мектебе. Вновь поступавшему давали книгу под названием “шерх-абдулла”; это был сарф, т.е. этимология арабского языка, и потому мальчики, изучившие эту книгу, назывались “Сарф-хан” или “Шарх-Абдуллахан” и составляли первую ступень. Здесь странным кажется то, что книга эта написана на персидском языке. Она по-видимому, составлена для бухарских таджиков, т.е. коренного населения Средней Азии, и принесена к нам из Бухары. Таким образом, мальчик, знающий только свой родной язык, который принадлежит, между прочим, к урало-алтайскому семейству языков, должен

был обучаться арабскому языку, принадлежащему к семитической группе, посредством персидского языка, принадлежащего уже к третьему семейству языков – индоевропейскому» [17, с. 25].

К началу XX в. популярность этого учебного пособия уменьшается и уже в 1913 г. в «Перечне учебных книг, принятых в мусульманских конфессиональных школах губерний Казанской, Уфимской, Самарской, Вятской, Оренбургской и Симбирской», указано, что «к числу редких книг по употреблению изданий относятся малоизвестные персидские авторы: Абдаллах и Муиззи» [107, с. 148]. К этому времени стали появляться труды татарских знатоков арабской грамматики, составлявших современные пособия на родном для учащихся языке.

Вышеописанные трактаты средневековых восточных авторов достаточно полно освещали грамматические явления арабского языка, что позволяло учащимся совершенным образом познакомиться со всеми его разделами. При чем, если «ал-Кафийа» Ибн Хаджиба была более приспособлена для ведения дидактического процесса, то «ал-Анмузадж» аз-Замахшари носил справочный характер, будучи более пригодным для знатоков арабского языка. Главным же их «недостатком» было то, что они были написаны на иностранном для учащихся языке. Данное обстоятельство в значительной степени осложняло процесс его освоения. Естественно, что такое положение дел не могло удовлетворять будущих поборников обновления системы образования у татар, последователей Курсави и Марджани, – джадидистов, которым на собственном опыте довелось испытать все сложности получения знаний, и которыми впоследствии был создан целый ряд новометодных пособий по этой дисциплине.

1.3. Учебники арабской грамматики татарских авторов конца XIX – начала XX века

Как упоминалось выше, мы не располагаем сведениями о содержании учебного процесса татарских медресе вплоть до XVIII в. Первой известной работой по арабской филологии дидактического характера, принадлежащей перу татарского ученого, считается комментарий Мансура ал-Бурундуки «Таракиб Мансуриййа» («Словосочетания Мансура») к книге ‘Абд ал-Кахира ал-Джурджани «ал-‘Авамил ал-ми’а» («Сто [грамматических] факторов»), написанный в 1727 г. на персидском языке [123, с. 234]. Известно и о другом комментарии к той же работе «Шарх “ал-‘Авамил”» («Комментарий к “[Грамматическим] факторам”»), написанном Баширом бин ‘Абд ар-Рахимом бин Уразмухаммадом ал-Джабали (служил имамом в 1795 г.) [85, с. 241].

Номенклатура описанных во втором разделе данной главы пособий по арабской грамматике ярко свидетельствуют об ориентированности содержания учебного процесса в татарских медресе дореформенного периода на среднеазиатскую модель обучения. Так, самыми авторитетными пособиями по арабскому языку в бухарских медресе являлись «Анмузадж» и «ал-Кафийа» [57, с. 25].

Вторая половина XIX в. ознаменовалась проникновением в общественную жизнь татар новых веяний, «а до этого татарские медресе представляли собой традиционное мусульманское учебное заведение бухарского типа» [94, с. 61], которое к середине XIX в. уже не отвечало потребностям татарского общества. Национальные профессиональные школы «необходимо было адаптировать

к новым реалиям российской действительности и идеологическим потребностям самого татарского общества, в первую очередь, зарождающейся буржуазии. Старометодная (кадимистская) школа не могла оставаться в прежнем состоянии, ибо требовался качественный сдвиг в сторону серьезного изучения светских наук для практической подготовки подрастающего поколения к жизни» [93, с. 85].

В начале XX в. у татар начинает формироваться собственная система образования, ориентированная на европейскую; появились знаменитые медресе «Касимия», «Мухаммадия», «Хусайния», «Галия» и др. [9, с. 4–5]. «Для того, чтобы познать весь спектр классической мусульманской учености, не было надобности ехать в Бухару, было достаточно совершить путешествие с целью учебы в Казань или Стерлитабашево» [72, с. 573–574]. К этому времени созрела необходимость облегчения и рациональной организации дидактического процесса и, соответственно, создания учебных пособий на родном для учащихся языке – татарском [126, с. 80]. Впервые идеи о необходимости приближении содержания обучения к требованиям времени и внедрении светских наук были выдвинуты Ш. Марджани [1, с. 7], в медресе которого получили образование будущие авторы новометодных учебников и пособий, в том числе и по арабской филологии.

В нашей работе мы проведем исследование наиболее популярных арабских грамматик, созданных татарскими учеными конца XIX – начала XX в. Это работы А. Максуди, Г. и С. Баруди, А. Умари.

Грамматические трактаты А. Максуди «Истифтах» («Начало»)

Слово *истифтах* в переводе с арабского означает «начало». Таким образом автор указывает, что содержание данного трактата является началом изучения грамматики. Титульный лист содержит информацию о том, что предметом данного учебника является курс арабской морфологии для учащихся начальных классов. Во введении объясняется необходимость изучения грамматики любого языка наряду со знанием его лексического состава, поскольку от выбора той или иной грамматической формы слова зависит точность и правильность высказывания.

Материал учебника автор делит на параграфы, число их достигло восьми десятков, в конце каждого из которых помещены контрольные вопросы. Вначале дается определение понятий «буква», «слово», «огласовка», «сукун». Далее слова делятся на способные изменяться по грамматическим категориям (мутасаррифа) и остающиеся неизменными (джамида), вводится понятие грамматическая форма (сига). Буквы делятся на коренные (аслийя) и дополнительные (за'ида); ниже вводится понятие «образец» и объясняются принципы его использования в свете примеров. Далее говорится о возможных количественных вариантах состава корня, объясняется роль дополнительных букв, дается определение частей речи. При этом автор заменяет традиционное для арабской грамматики наименование частицы *харф* на термин *ада* во избежание использования одного и того же слова (*харф*) как для буквы, так и для частицы. Ниже излагается категория времени глагола.

Следующий параграф посвящен разрядам имени: имя действия (масдар), прилагательное, имя собственное, ме-

стоимение, числительное. Далее отдельно рассматриваются производные масдара, которые делятся на глагольную (аф‘ал муштакка) и именную группы (асма’ муштакка). Ниже приводится деление глаголов на состоящие исключительно из коренных букв (муджаррад) и имеющие в своем составе дополнительные буквы (мазид); перечисляются породы глагола, где показываются формы прошедшего, настоящего времен и масдары каждой из них. Далее приводятся их производные: глагол прошедшего времени, отрицательная форма глагола прошедшего времени, глагол настоящего времени, его отрицательная форма, повелительное наклонение глагола, его отрицательная форма, причастие действительного залога, причастие страдательного залога, имя усиленного качества (исм фа‘ал), имя места, имя времени, имя орудий, сравнительная степень прилагательного. Объясняется способ образования причастий для пород длинных глаголов¹. Затем перечисляются масдары каждой из пород.

В следующем параграфе освещается категория залогов – приводятся формы действительного и страдательного залогов каждой из пород; затем излагается категории рода, числа и лица [201, с. 1–22].

Далее описываются местоимения, приводится таблица их склонений по родам и числам. Следующие три параграфа посвящены глаголу прошедшего времени. В первых двух приводятся таблицы его спряжения для форм действительного и страдательного залогов первой породы. В третьем – аналогичные таблицы спряжений

¹ Под «длинными» породами подразумеваются глаголы, имеющие в своем составе более трех коренных либо дополнительные буквы.

его отрицательной формы. В заключительной части параграфа объясняется способ образования вышеперечисленных форм для глаголов остальных пород. Последующие два параграфа посвящены настояще-будущему времени глагола. В них также приводятся таблицы спряжения его первой породы для обоих залогов, а также отрицательная форма, где формы настоящего и будущего времен рассматриваются каждая в отдельности. В конце параграфа раскрывается способ образования соответствующих форм для остальных пород.

Ниже рассматривается повелительное наклонение глагола и его отрицательная форма для обоих залогов первой породы и поясняется механизм образования залоговых форм других пород; причастие действительного залога, приводятся варианты его множественного числа, объясняются этимологические особенности. Далее освещается причастие страдательного залога, где также приводятся различные варианты его форм. Следующий параграф посвящен имени усиленного качества. В нем приводятся варианты его разнообразных словоформ в зависимости от породы исходного глагола. Далее говорится о сравнительной степени прилагательного, его формах в зависимости от рода и числа; рассматривается имя места и времени. Первая часть параграфа отведена для имени места, образованного от трехбуквенных глаголов, в которой приводятся его возможные формы; вторая – для имени места, получаемого от глаголов остальных пород, с объяснением способа его образования. Ниже в подобном свете рассматривается имя орудий. Следующий параграф посвящен имени, уподобленному причастию действительного залога, где приводятся варианты форм данного разряда слов и их глагольные основы [201, с. 22–42]. Далее приводится

список масдаров пород длинных глаголов и их возможные варианты; затем – виды масдаров и их семантические особенности. Позже рассматриваются типы глаголов в зависимости от наличия в них удвоенных, слабых букв и хамзы, где приводятся таблицы их спряжений и производные от них имена. В следующем параграфе глаголы рассматриваются с точки зрения изменяемости и неизменности их окончаний, вводится понятие *и'раб* (изменение слова по флексиям). Затем освещаются наклонения глагола, соответствующие показатели и грамматические факторы, управляющие тем или иным наклонением. Ниже приводятся таблицы спряжений глагола настоящего-будущего времени, употребленного в формах сослагательного и условного наклонений, имеющего в своем составе слабую букву, которая может располагаться в середине и в конце слова, либо как в начале, так и в конце слова [201, с. 42–88]. В следующих параграфах излагаются частицы, которые употребляются с глаголами и привносят в них изменения семантического характера (хуруф мугаййира); рассматривается «“нун” усиления», ее разновидности, особенности употребления и соответствующие изменения в глаголах.

Далее освещаются слитные местоимения, выполняющие роль дополнения; подлежащее (фа'ил) и дополнение (маф'ул), варианты расположения первого и способы его выражения в зависимости от лица глагола, а также падежные окончания, присущие данным членам предложения.

Ниже освещается переходность и непереходность глаголов, в том числе глаголы, обладающие двойной переходностью; описываются средства преобразования непереходных глаголов в переходные; перечисляются семантические особенности глаголов длинных пород; рассматрива-

ются глагольные конструкции экспрессивного характера, выражающие удивление и восхищение (аф‘ал та‘аджуб), так называемые «застывшие»² глаголы (аф‘ал джамида) и словосочетания с их участием. Последующие параграфы посвящены информации фонетического и орфографического характеров³, где находят освещение такие явления как протеза, диаре́за, ассимиляция, гаплогло́гия, метатеза [201, с. 89–116].

«Истикмал» («Завершение»)

Значением слова *истикмал* является «завершение». По всей видимости, под этим подразумевается то, что материал данного трактата – синтаксис – следует изучать после материала предыдущего пособия, посвященного морфологии.

Титульный лист информирует о том, что правила синтаксиса арабского языка в данном сочинении собраны и упорядочены в соответствии с грамматиками европейских языков. Материал этого учебника автор, так же как и свое пособие по морфологии, делит на параграфы. Первый параграф представляет собой введение, где говорится о том, что для совершенного овладения арабским языком необходимо изучение всех его дисциплин, основными из которых являются лексикология, морфология, синтаксис, графика и риторика. Затем автор знакомит с понятием лексикология и приводит названия наиболее известных толковых словарей, рекомендует преподавателю наглядно показать способ

² Глаголы, имеющие лишь одну грамматическую форму.

³ В арабской грамматике данные разделы языкознания так же являются предметом морфологии (сарф).

использования какого-либо из них. Далее объясняется то, что изучает морфология, предшествующая изучению синтаксиса, определению и раскрытию значимости которого посвящена заключительная часть вступления.

Изложение материала книги автор начинает с теории о частях речи и непосредственно с имени, поскольку словосочетания и предложения, являющиеся предметом изучения синтаксиса, состоят из отдельных слов. Согласно традиции, рассмотрение частей речи начинается с имени, приводятся его определение и разряды. Первым из разрядов имени освещается существительное и его грамматические категории (собственность/ нарицательность, определенность/ неопределенность). Далее излагается имя прилагательное, имя действия (масдар), обстоятельное наречие, числительное, его разряды и правила согласования с исчисляемым, местоимения и их разряды, особенности употребления и возможные фонемные изменения в тех или иных словосочетаниях (личные, указательные и относительные местоимения рассматриваются как отдельные разряды имени).

Следующие параграфы посвящены глаголу, где описываются его временные формы; вводятся понятия подлежащего и дополнения, категория переходности и непереходности; объясняются правила согласования подлежащего и глагола; описываются разновидности глаголов, исходя из их синтаксических особенностей (глаголы хвалы, порицания, восхищения, фазовые глаголы (аф‘ал мукараба), имена-глаголы. Последними являются имена, обладающие семантикой глагола, но лишенные его морфологических признаков [202, с. 155]. Ниже освещаются частицы, куда входят предлоги, союзы, частицы, уподобленные глаголам, которые названы так, поскольку подоб-

но глаголу (прошедшего времени) оканчиваются на фатху и имеют его семантические признаки [202, с. 298]; их влияние на слова, к которым они относятся, обращения, вопросительные частицы, частицы ответа, побудительные, отрицательные частицы, частицы привлечения внимания. Отдельно рассматриваются междометия и звукоподражательные слова [202, с. 1–34].

Далее излагается категория рода, где упоминаются признаки женского рода, а также такое явление, как принадлежность слова к тому или иному роду, не обладая при этом его грамматическими показателями. Затем приводятся словоформы, которые одновременно могут принадлежать к различным разрядам слов, а также словоформы, применимые к обоим родам. Следующие параграфы посвящены категории числа; в них раскрываются способы образования двойственного и различных типов множественного чисел, а также происходящие в этих словах изменения морфемного состава, обусловленные их синтаксическим применением. Дальнейший материал учебника посвящен имени уменьшительному и имени относительному и способам их образования в зависимости от морфемного состава исходных слов. Ниже вводится категория определенности/неопределенности имени, перечисляются типы слов, обладающих определенностью изначально, и упоминаются способы выражения состояния определенности. Затем вводятся такие лексикологические понятия как синонимы и омонимы; рассматриваются понятия о словоформах с изменяемыми окончаниями и постоянными с перечислением соответствующих разрядов слов. Согласно традиции, первым из частей речи на предмет изменений по флексиям рассматривается имя; разъясняются его падежи и соответству-

ющие им окончания (первичные и вторичные). Изменения окончаний слов по падежам в зависимости от числа слова рассматриваются отдельно. Предметом особого представления являются имена двухпадежные. Ниже говорится о таких явлениях, как изменение окончаний слов, имеющее формальные показатели (и'раб лафзи) и условное (и'раб такдири); восстановленная синтаксическая позиция опущенных слов в предложении (и'раб хукми) [202, с. 34–65]. В следующих параграфах излагается изменение окончаний глагола настоящего времени в зависимости от наклонения, объясняются его грамматические показатели, перечисляются частицы и имена, управляющие тем или иным наклонением, и соответствующие синтаксические конструкции; рассматриваются глагольные словоформы, имеющих удвоенные либо слабые буквы в корне. Ниже освещаются виды предложений и словосочетаний; перечисляются типы словосочетаний с раскрытием характеров грамматических связей между главным и зависимым словами. Типы простых предложений также находят свое описание, которые делятся на именные и глагольные; показываются различные варианты их синтаксических структур. Далее рассматриваются второстепенные члены предложения, их грамматические показатели, обороты исключения. Следующие параграфы посвящены изложению словосочетаний с частицами, управляющими родительным падежом имени. Ниже описываются конструкции, в начале которых стоит глагол, предшествующий именованному предложению и требующий постановки одного из главных членов предложения либо обоих в винительном падеже [202, с. 66–111]. Дальнейший материал посвящен однородным членам предложения; описываются варианты обращений; конструкции, в

начальной позиции которых стоят частицы, требующие постановки одного из главных членов предложения в винительном падеже; приводится перечень членов предложения с указанием падежей, в которых они употребляются; описываются виды приложений. В следующих параграфах рассматриваются типы сложносочиненных и сложноподчиненных предложений. В заключительной части приводятся правила орфографии и пунктуации [202, с. 112–176].

«Ал-Каванин ан-нахвийя» («Законы синтаксиса»)

А. Максуди

Объем учебника – 60 страниц. Во введении автор приводит определение синтаксиса и говорит о важности этой науки для правильного произнесения речи и понимания прочитанного. Предполагается, что учащиеся перед изучением материала книги уже ознакомились с предметом морфологии. Пособие состоит из введения, трех основных разделов и заключения.

В соответствии с традицией, вначале дается определение частей речи, этому следует определение словосочетания, предложения и их классификация; вводятся понятия *му'раб* и *мабни*.

Первый раздел посвящен теории имени. Первое место в нем отведено именам с постоянными окончаниями, куда входят главным образом местоимения (личные, указательные, относительные, слитные), часть обстоятельственных наречий, имена условия и вопроса, составные числительные от 11 до 19. Далее вводится понятие падежного склонения и его показатели (первичные и вторичные). Ниже упоминается понятие числа (единственное, двойственное,

множественное); деление множественного числа на правильное и разбитое; способы образования данных словоформ; перечисляются падежи. Затем перечисляются категории слов, изменение падежных окончаний в которых происходит на уровне конечной огласовки и на уровне последних букв; говорится о возможности для падежного окончания иметь грамматическое оформление и быть подразумеваемым. В следующих подразделах рассматриваются грамматические факторы, управляющие падежом имени [204, с. 1–32].

Далее освещаются члены предложения с точки зрения свойственного для каждого из них падежа, возможность целого предложения выступать в роли одного из членов главного предложения, описываются виды приложений, перечисляются признаки имени, рассматривается категория рода, вводится понятие определенности и неопределенности имен, где освещаются разновидности первого. Ниже следует деление имен на непроезводные (джамида) и производные (муштакка), имена также рассматриваются с позиции выполняемых ими функций в предложении; описываются двухпадежные имена. Следующие подразделы посвящены числительным и их разрядам; освещаются имена абстрактные (ал-масдар ас-сина‘и), относительные (ал-исм ал-мансуб) и уменьшительные (ал-исм ал-мусаггар).

Второй раздел посвящен теории глагола. Вначале приводятся его временные варианты, далее объясняется парадигма спряжения глагола прошедшего времени и повелительного наклонения. Глаголу же настоящего времени, как изменяемому по флексиям, посвящено отдельное рассмотрение, где также приводится парадигма его спряжения в зависимости от наклонения. Затем освещаются

частицы, управляющие наклонениями глагола, и соответствующие конструкции; перечисляются частицы, конкретизирующие время глагола настоящего-будущего времени; признаки глагола; вводится категория залога; способность и неспособность глаголов быть направленными на объект. Ниже перечисляются глаголы, требующие постановки сказуемого именного предложения в винительном падеже (глаголы бытия и становления); глаголы, требующие употребления как подлежащего, так и сказуемого в винительном падеже, обращая их в дополнения (глаголы суждения); глаголы, требующие постановки сказуемого, выраженного глагольным предложением, в винительном падеже (глаголы близости и наступления действия), глаголы хвалы и порицания; глаголы восхищения и удивления и их конструкции; имена-глаголы и их значения.

В третьем разделе излагаются частицы: описываются их разновидности и семантические особенности. В завершении трактата перечисляются служебные слова вопроса и условия [204, с. 32–58]. Отметим, что под «служебными словами» подразумеваются различного рода частицы и местоименные наречия.

Помимо вышеописанных грамматических трактатов А. Максуди принадлежит уникальная работа лексикографического характера «‘Арабиййат» («Арабизмы»), в которой содержится перевод более тысячи арабских и персидских заимствований, использовавшихся в татарской литературе и печати, и правила их употребления.

Во введении автор говорит о том, что причиной заимствования научных терминов из арабского языка является отсутствие таковых в татарском. Для того, чтобы правильно излагать на литературном татарском языке свои мысли и понимать содержание статей и книг, необходимо не

только знать по меньшей мере тысячу арабских слов, но и изменение их значений в зависимости от контекста. В арабском языке имеется множество правил, которые невозможно узнать без изучения грамматики (морфологии и синтаксиса). Таким образом, каждому цивилизованному мусульманину не обойтись без знания арабских слов, используемых в книгах и газетах, и правил их употребления.

В начале книги автор знакомит со специфическим способом передачи на письме гласных и согласных звуков в арабском языке, в котором для обозначения коротких гласных используются огласовки (харакат), а для обозначения долгих – «буквы продления» (ахруф ал-мадд), располагающиеся после соответствующих огласовок. Далее объясняется способ написания и прочтения на татарском языке арабских слов, оканчивающихся на *ат-та' ал-мар-бута* («завязанную “та”»), ◦ (ха), удвоенных букв, хамзы и долгих слогов, в зависимости от занимаемых ими позиций в слове; приводятся варианты слов исходя из количества образующих их букв, которые делятся на коренные и дополнительные; раскрывается понятие «весы» и способ его употребления; описываются, как наиболее часто заимствуемые, имя действия, имя прилагательное, имя существительное и варианты их форм; имена места, имена орудий. Ниже приводится классификация слов в зависимости от наличия в их составе удвоенных либо слабых букв, соответствующие варианты масдаров, причастий действительного и страдательного залогов. Далее перечисляются заимствования из пород «расширенных глаголов» с упоминанием соответствующих имен действия, причастий обоих залогов. Тема глагольных пород заканчивается упражнением, где дается ряд масдаров, из которых по известным формулам следует образовать причастия

действительного и страдательного залогов [205, с. 1–39]. Ниже приводятся арабские заимствования причастий действительного залога, имена, уподобленные причастию действительного залога, имена усиленного качества, прилагательные сравнительной степени, масдары, используемые для обозначения причастий обоих залогов, имена существительные, буквы, ассимилирующие с определенным артиклем, правила прочтения и написания хамзы в конце слова, заимствования, оканчивающиеся на букву *am-ta'* *ал-марбута* и способы ее передачи на письме в татарском языке. Далее приводятся заимствованные словосочетания атрибутивного характера, несогласованные определения, их комбинационные варианты и правила употребления, предложные конструкции, обстоятельства места и времени (маф'ул фих), обстоятельства причины (маф'ул лах), обстоятельства цели (гайа), выделения (тамйииз). Ниже перечисляются словосочетания, в которых одна форма атрибута употребляется как для мужского, так и женского родов; вводится категория числа, где приводятся заимствованные слова, представленные его различными формами; имя относительное; имя уменьшительное; имена абстрактные; в завершении книги даются заимствования из персидского языка [205, с. 39–108].

**«Хусн ал-машраб фи сарф лисан ал-'араб»
(«Благой напиток в морфологии языка арабов»)
Г. Баруди**

Общий объем трактата – 100 страниц. Во вступительной части своего учебника Г. Баруди отмечает, что среди более чем десяти наук, образующих филологию, наиболее важными являются морфология и синтаксис. В этом от-

ношении автор приводит цитату из трактата Ахмада бин ‘Али бин Мас‘уда «Марах ал-арвах» («Место отдохновения душ»), где первая именуется матерью наук, а вторая – отцом, что указывает на первостепенность знания морфологии. В другой цитате, приводимой из труда аз-Замахшари «ал-Муфассал» (Разъясненная [книга]), говорится о невозможности освоения шариатских наук без знания морфологии и синтаксиса. Далее Г. Баруди упоминает, что, несмотря на то, что на протяжении многих веков мусульманскими учеными были созданы многочисленные труды по арабской морфологии и синтаксису, тем не менее, их освоение на начальном этапе представляет трудность для тюркоязычных учащихся, поскольку они писались либо на арабском, либо персидском языках. Эти обстоятельства и подтолкнули автора к написанию данного пособия. Несмотря на то, что разделы, посвященные мужскому и женскому родам, двойственному и множественному числам, имени уменьшительному и имени относительному, не упоминаются в получивших распространение книгах по морфологии, но, по примеру труда Ибн Хаджиба «аш-Шафи» («Исцеляющая [книга]»), они включены в состав пособия, поскольку имеют прямое к ней отношение. Разделы, посвященные глаголам, приведены в соответствии с популярной у татар книгой «Сарф Му‘иззи»; комментарии же к ним составлены на основе достоверных книг по грамматике. Автор заранее выражает признательность тем, кто обнаружит в ней возможные недостатки. Далее даются рекомендации учителям, в частности: доступное изложение материала урока с учетом возможностей учащихся; закрепление материала урока путем заучивания и повторения; в целях недопущения утомления учащихся, избегать отвлечений на посторонние правила и темы; объяснять новые термины

и понятия на родном языке; перед началом нового занятия проводить контроль степени усвоения предыдущих уроков; использовать максимальный период готовности учащихся для усвоения знаний, не допуская запозданий с временем начала урока. В заключении автор упоминает о своем намерении в дальнейшем подготовить аналогичное пособие и по арабскому синтаксису на тюркском языке.

Материал учебника автор начинает с определения науки морфология, затем объясняются части речи, вводится понятие «образец». Далее рассматривается имя со стороны количества составляющих его коренных и дополнительных букв. Имена и глаголы квалифицируются по наличию/отсутствию в них двойных, слабых букв и хамзы. Ниже объясняется явление переходности и непереходности глаголов; приводятся некоторые комбинаторные и позиционные изменения фонем. Далее объясняются виды словообразования в зависимости от изменений, которые происходят в исходном слове. В следующем разделе показывается деление слов на те, которые имеют неизменный фонемный состав и при этом не могут служить для образования для новых словоформ (джамид) и те, которые могут являться исходной словоформой (масдар), с упоминанием их производных. Ниже перечисляются варианты масдаров глаголов, состоящих исключительно из трех корневых букв, с упоминанием некоторых особенностей их форм в зависимости от семантики глагола. Далее объясняется масдар мима, масдар однократности и масдар образа действия; перечисляются способы образования масдаров двенадцати пород трехбуквенного глагола, имеющего в своем составе дополнительные буквы (суласи мазид). В следующих разделах освещаются причастия действительного и страдательного залога и механизмы их образования в

зависимости от исходной породы глагола, излагается прилагательное, уподобленное причастию действительного залога, имя усиленного качества, имя места и времени, имя орудий, сравнительное прилагательное, имя уменьшительное, имя относительное, категория рода, числа. Следующий раздел посвящен правилам образования множественного числа в зависимости от исходной словоформы. Далее освещаются грамматические формы глагола как производные масдара, которых шесть: глагол прошедшего времени, глагол настоящего времени, отрицание действия в прошедшем времени, отрицание действия в настоящем времени, повелительное наклонение, отрицательная форма повелительного наклонения, форма удивления; перечисляются имена, являющиеся производными масдара (причастие действительного залога, причастие страдательного залога, имя места и времени, имя орудий, прилагательное сравнительной степени), для которых прилагается таблица образования двойственного и множественного чисел в зависимости от рода. Ниже раскрываются значения суффиксов, указывающих на лицо и число глагола прошедшего времени, и приводится соответствующая таблица спряжения. Затем излагается способ образования страдательного залога. Далее перечисляются суффиксы, служащие для образования глагола настоящего времени, приводится соответствующая таблица спряжения, объясняется способ образования страдательного залога для глагола настоящего времени. Ниже вводятся частицы, управляющие сослагательным наклонением глагола, с объяснением их значений и изменений во флексиях глагола в зависимости от его числа, лица и рода; следом объясняются грамматические показатели усеченного наклонения; частицы, определяющие отрицание в настоящем, будущем временах глагола.

Этому следует описание способа образования повелительного наклонения с учетом лица и морфемных особенностей глагола [171, с. 1–44]. В следующем разделе объясняется «“нун” усиления»; словоизменительные и словообразовательные особенности и соответствующие правила для глаголов, имеющих в своем составе удвоенные, слабые буквы, с их возможными позиционными вариантами в свете парадигмы, включающей, в том числе, и имена отглагольные. Далее излагаются породы трехбуквенных глаголов, имеющих в своем составе дополнительные буквы, с учетом наличия в их корнях удвоенных либо слабых букв. Последний раздел посвящен четырехбуквенному глаголу [171, с. 44–99].

В отношении иллюстративного материала автор не ограничивается отдельно взятыми словами, но также приводит аяты Священного Корана и отрывки из арабской поэзии. Примечательно то, что для их разъяснения брат Галимджан Баруди – Салихждан составил отдельный трактат объемом 30 страниц под названием «‘Айн ал-матлаб фи шарх абйат “Хусн ал-машраб”» («Источник для питья в толковании стихов “Благого напитка”»), где наряду с переводом стихов и указанием их источников дается их грамматический анализ.

Помимо данного пособия по грамматике Г. Баруди составил трехязычный словарь для учащихся начальных классов «Лугат салас зебон» («Трехязычный словарь») объемом 40 страниц.

Во вступительной части автор отмечает, что поскольку арабский язык является языком шариата, то, соответственно, овладение им является одной из религиозных обязанностей. Но ввиду того, что изучение арабского языка по арабским же книгам на начальном этапе представ-

ляет определенную трудность, то целесообразно начинать изучение языка с отдельных слов и некоторых правил, постепенно знакомясь со словосочетаниями. Для чего в настоящем словаре и были собраны наиболее употребляемые и необходимые слова для юных учащихся. Для каждого арабского слова помимо тюркского приводится и персидский аналог, в связи с чем словарь и получил название «Трехязычный». Словарь имеет тематическую структуру; его лексический материал приводится не в алфавитном порядке, а в соответствии с предложенными тематическими разделами. Среди прочих разделов имеются следующие: названия органов человека, виды животных, предметы домашнего обихода, числительные и доли, наиболее часто употребляемые масдары в разделе фикха – поклонение⁴, глаголы, причастия, имена орудий, имена места и времени, категории родства, предложные конструкции и частицы [170].

«Сарф ‘араби» («Арабская морфология»)

С. Баруди

Объем учебника – 71 страница. Материал книги распределен по разделам, на краях страниц дается комментарий. В соответствии с традицией, вначале дается определение науки морфология, далее объясняется понятие «слово», приводится классификация частей речи, вводится понятие «образец». Слова делятся на те, которые в своем составе имеют только коренные буквы (муджаррад), и те, что имеют в своем составе, помимо

⁴ Как известно, одной из основных дисциплин, преподававшихся в медресе, являлось мусульманское право (фикх).

коренных, дополнительные буквы (мазид), и их варианты. Затем дается деление слов (имен и глаголов), исходя из наличия в их составе слабых, удвоенных букв и хамзы. В следующем разделе объясняется переходность и непереходность глагола. Ниже объясняются виды словообразования в зависимости от изменений, которые претерпевает исходное слово; приводится деление имен на те, что имеют постоянную форму и не могут служить для образования для новых слов (джамид) и те, которые могут являться исходной словоформой (масдар), и ее производные. Далее говорится о том, что масдары могут иметь как традиционное фонемное оформление (сама‘и), что относится к трехбуквенным глаголам, так и образовываться по аналогии (кийаси), что относится к глаголам остальных пород. Существует и так называемый «масдар “мима”», имеющий собственный способ образования.

Затем освещаются причастия действительного и страдательного залогов, прилагательное, уподобленное причастию действительного залога (сифа мушаббаха), имя усиленного качества (исм мубалага), имя времени и места, имя орудий, прилагательное сравнительной степени и способы образования вышеупомянутых разрядов имени. Следующие разделы посвящены породам глагола, для которых вначале дается их общий перечень; затем освещается первая порода, где приводятся производные ее масдара, список спряжения в прошедшем и настоящем временах, объясняется способ образования страдательного залога для обоих времен, объясняется «“нун” усиления», приводится список спряжения в повелительном наклонении. Далее, по аналогии с описанием первой породы, освещаются оставшиеся пять пород трехбуквенного глагола, в составе которого нет дополнительных букв. Затем сле-

дуют разделы, посвященные трехбуквенным глаголам, в составе которых имеются дополнительные буквы (*иф‘ал, таф‘ил, муфа‘ала, ифти‘ал, инфи‘ал, иф‘илал, иф‘ишлал, тафа‘ул, тафа‘ул, истиф‘ал, иф‘и‘ал, иф‘иввал*). Ниже освещаются четырехбуквенные глаголы. Трехбуквенные глаголы, имеющие в своем составе удвоенные буквы, рассматриваются отдельно по числу пород [167, с. 2–33]. Подобным образом освещаются глаголы, имеющие большие буквы с учетом занимаемых ими позиций. Последние разделы учебника посвящены аналогичному объяснению глаголов, имеющих в своем составе хамзу [167, с. 33–61].

Учебники А. Умари Трактат по морфологии

Подлинным названием сочинения является «Му‘аллим сарф лисан ал-‘араб» («Учитель морфологии языка арабов»). Работа состоит из 90 страниц. Во введении автор указывает, что данное пособие содержит все основные правила арабской морфологии, изложенные в доступной форме, успешное усвоение которых позволит учащимся овладеть навыками арабской речи, а следующим этапом обучения является синтаксис.

Учебник состоит из разделов, в конце каждого из которых помещены контрольные вопросы. В первом разделе приводится определение понятия *сарф*, а также основных частей речи: имя, глагол, частица. Во втором разделе говорится о правильных и неправильных типах глагола. В следующем разделе кратко сообщается о двенадцати производных масдара (имя действия): глагол прошедшего времени, глагол настоящего-будущего времени, причастие действительного залога, причастие страдательного залога,

отрицательная форма глагола прошедшего времени, отрицательная форма глагола настояще-будущего времени, повелительное наклонение глагола, отрицательная форма повелительного наклонения глагола, имя места и времени, имя инструментов и орудий, сравнительная степень прилагательного. Далее дается определение переходного и непереходного глаголов, приводится парадигматический ряд глагола в действительном и страдательном залогах с объяснением способа образования последнего. Затем рассматривается причастие действительного залога; объясняется механизм его образования от глаголов, состоящих из трех и более букв; описывается так называемое «прилагательное, уподобленное причастию действительного залога»; причастие страдательного залога. Далее приводится таблица спряжения отрицательной формы глагола в прошедшем и настояще-будущем временах; описывается механизм образования повелительной формы глагола первого, второго и третьего лиц для действительного и страдательного залогов, отрицательная форма повелительного наклонения; объясняется «“нун” усиления». Затем следует описание имени времени и места, имени орудий, сравнительной степени прилагательного и способы их образования. Оставшаяся, большая часть, посвящена подробному освещению глаголов каждой из 12 пород трехбуквенного глагола и 4 пород четырехбуквенного глагола с объяснением лексических особенностей каждой породы [175].

Трактат по синтаксису

Учебник состоит из 36 страниц. Во вступлении к пособию автор упоминает о важности знания грамматики родного языка, что облегчит усвоение иностранного.

Учебник, также как и трактат по морфологии, предназначен для начинающих изучение арабского языка и является вторым этапом освоения его грамматики после сарфа. Авторское название учебника «Му‘аллим нахв лисан ал-‘араб» («Учитель синтаксиса языка арабов»).

В начале трактата дается определение термина *нахв*, понятий «слово», «речь»; дается определение именного и глагольного предложений; объясняется понятие *и‘раб* и его грамматические показатели. В следующем разделе вводятся и объясняются термины *му‘раб* и *мабни*. Далее рассматриваются показатели каждого из трех падежей имени: именительного, родительного и винительного, выражаемые либо посредством огласовок, либо букв, в зависимости от морфологических особенностей слова. Далее рассматриваются показатели всех из трех наклонений глагола: изъявительного (раф‘), сослагательного (насб) и условного (джазм). Этому следует описание двухпадежных имен. Далее подробно освещается имя в каждом из трех падежей в зависимости от выполняемой им синтаксической роли, наличия частиц или предлогов. Затем дается аналогичное освещение глагола. Последний раздел посвящен словам с неизменяемыми окончаниями, в котором описываются слитные, раздельные, указательные и относительные местоимения [176].

Материал обоих пособий отличается простотой выражений и точностью грамматических формулировок, что свидетельствует о совершенном владении предметом и педагогическом таланте автора. Оба учебника выдержали несколько изданий.

В татарских учебных заведениях большое внимание уделялось также преподаванию таджвида, главной целью которого было обучение правильному чтению Корана

посредством познания законов артикуляции арабских звуков. Из учебников по этой дисциплине наибольшее распространение получили следующие книги: «Фатх ат-таджвид» С. Баруди, «Фанн ат-таджвид» Ш. Гауни, «Мунтахаб таджвид» З. Касимова, «Таджвид» И. Галави, «Муфассал таджвид» З. Бикмухамметова и др [19, с. 246]. Знание таджвида не только позволяло правильно рецитировать текст Священного Корана, но также способствовало и доскональному изучению орфоэпии и фонетики арабского языка. В качестве примеров пособий по данной дисциплине рассмотрим две работы С. Баруди – «Фатх ат-таджвид» («Начало таджвида») и «Такриб ал-азхан мин таджвид ал-Кур'ан» («Приближение умов к рецитации Корана»)

Объем певого пособия – 12 страниц. Оно предназначено для малолетних учащихся, начинающих изучение таджвида, где в стихотворной форме представлены основные правила рецитации Корана: варианты артикуляции лишенной огласовки буквы «нун» и танвина в зависимости от следующих за ними букв: *изхар* (открытое прочтение), *идгам* (ассимиляция), *иклаб* (диссимиляция), *ихфа'* (неполная ассимиляция), прочтение лишенной огласовки буквы «мим» (идгам, ихфа', изхар), прочтение удвоенных «мима» и «нуна», виды растяжения долгого слога (мадд) [168].

Объем второго пособия – 24 страницы. Оно, также как и предыдущее, предназначено для учащихся на начальной стадии, но правила таджвида представлены в нем более подробно. Материал учебника состоит из вводной части, посвященной разъяснению терминов, восьми разделов и заключения. В первом разделе описывается речевой аппарат и места образования звуков; во втором – правила чтения буквы «нун», лишенной огласовки, и танвина; в треть-

ем – чтение удвоенных «нуна» и «мима», а также прочтение «мима», лишённого огласовки; в четвертом разделе говорится о прочтении буквы «лям» в составе артикля и глагола; в пятом – о видах ассимиляции; в шестом о видах растяжения долго слога; в седьмом разделе объясняется произнесение (мягкое/твёрдое) звука «ра» в зависимости от его позиции в слове, аналогичное прочтение буквы «лям» в слове الله «Аллах» в зависимости от предшествующего звука, прочтение мягких и твёрдых букв, аккомодация алифа, соединение хамзы со стоящей рядом другой хамзой с образованием долгого алифа, отдельный случай прочтения огласовки «дамма» в словах Всевышнего لَا تُأْمِنُنَا (Коран, Йусуф: 11) и прочтения алифа в словах Всевышнего مَجْرَبَهَا (Коран, Худ: 41); в восьмом разделе объясняются правила совершения пауз между словами. В заключительной части говорится о семи вариантах рецитации Корана и их эпонимах, о значимости изучения таджвида и невозможности овладения правильным произношением звуков лишь посредством их самостоятельного изучения по книге без непосредственного рецептивного перенимания от наставника, а также некоторых ошибках при чтении Корана [166].

Выводы

Изучение содержания пособий, применявшихся в татарских медресе во второй половине XIX – начале XX в., позволило нам сделать следующие выводы.

1. До появления новометодных учебных пособий по арабскому языку в татарских медресе использовались трактаты известных средневековых восточных авторов аз-Замахшари, Ибн Хаджиба, ал-Джурджани и др.,

которые, в силу своей универсальности, были написаны на арабском языке. Комментарии же к ним, по причине доминирования среди татарского населения среднеазиатской системы обучения, были составлены на арабском языке и фарси.

2. Трактаты аз-Замахшари и Ибн Хаджиба представляют собой грамматические пособия общего характера, вобравшие в себя как материал по морфологии, так и по синтаксису арабского языка, причем обе области языкознания не имеют четкого разделения в структурном плане целого. Если в труде аз-Замахшари синтаксический материал, касающийся каждой из частей речи, излагается после морфологического, будучи раздробленным по их числу, то Ибн Хаджиб отводит ему место в заключительной части своего трактата – после синтаксиса.

3. Трактат ал-Джурджани «ал-‘Авамил ал-ми’а» посвящен синтаксису арабского языка, а именно, описанию грамматических факторов, обладающих функциями управления.

4. В качестве учебников по изучению морфологии арабского языка татары использовали трактаты «Мукаддима-и Бедон», «Шарх ‘Абд Аллах», написанные на фарси, а также арабоязычный трактат «Сарф Му‘иззи».

«Мукаддима-и Бедон» представляет собой краткий курс морфологии арабского языка и предназначен для начинающих знакомство с арабской грамматикой.

«Шарх ‘Абд Аллах» является комментарием ко второму разделу первой части «Сарф Му‘иззи», в котором подробно освещаются породы глагола.

«Сарф Му‘иззи» – сочинение, посвященное описанию изменений, происходящих в парадигме глагола; является своего рода введением в науку морфологии.

5. Изучение правил чтения Корана (таджвид) позволяло в совершенной степени овладеть фонетикой арабского языка и знакомило с правилами чтения. В татарских медресе по этой дисциплине использовались пособия, написанные татарскими учеными.

6. В конце XIX – начале XX в. в условиях формирования татарского народа как отдельного этноса, становления татарской буржуазии и смещения вектора культурной ориентации от среднеазиатского на европейский, происходит принципиальное обновление содержания учебного процесса в татарских школах, внедряются новые методы преподавания, в том числе создаются и современные пособия по арабскому языку на родном для учащихся языке – татарском с учетом новых дидактических приемов.

Наиболее удачными трудами в этой области стали учебники: «Хусн ал-машраб фи сарф лисан ал-‘араб» Г. Баруди, «Истифтах», «Истикмал», «ал-Каванин ан-нахвиййа» А. Максуди, «Му‘аллим сарф лисан ал-‘араб», «Му‘аллим нахв лисан ал-‘араб» А. Умари и др.

Пособия, подготовленные татарскими модернистами, приобрели большую практическую направленность в сравнении с аналогичными грамматическими трактатами эпохи Средневековья, носившими в большей степени теоретический характер. Учебники татарских реформаторов отличались упрощенным изложением материала и наглядностью, благодаря достаточному количеству примеров, контрольным вопросам и закрепительным упражнениям; описанию различных грамматических явлений отводились отдельные параграфы, расположенные в логической последовательности, исходя из их первостепенности.

Трактаты татарских просветителей давали развернутое описание грамматики арабского языка в отличие от

средневековых пособий, представлявших собой предельно лаконичные сочинения, для которых требовались отдельные комментарии. Другим преимуществом учебников татарских ученых было то, что материал по морфологии и синтаксису излагался в отдельных книгах.

Такого рода структурно-тематическая организация пособий способствовала более быстрому и качественному усвоению материала и, что немаловажно, предоставляла учащимся возможность самостоятельного ознакомления с предметом.

2. ГРАММАТИКИ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА, НАПИСАННЫЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX века

2.1. Формирование татарского литературного языка и его грамматической теории

Как отмечают исследователи, «татарский литературный язык имеет уже давно установившиеся фонетические, грамматические и лексические нормы. Безусловно, формирование этих литературных норм произошло не сразу.

Обычно принято считать, что литературный язык возник с появлением письменности, так как последняя, в свою очередь, тесно связана с развитием литературного языка. Однако литературный язык имеет не только письменную форму, но и устную. Устная разговорная форма, несомненно, существовала задолго до появления письменного языка. Поэтому в историческом плане изучаются устная и письменная формы литературного языка в их отношении друг к другу.

Основные лексические, фонетические и грамматические особенности татарского языка были заложены еще в древнетюркском языке» [128, с. 14], о чем свидетельствуют надписи на каменных стелах, найденные в бассейнах рек Орхон и Енисей, которые относят к V–VIII вв.

Этот язык, в свою очередь, восходит к тюркоязычным хуннам, жившим в начале нашей эры на Востоке, недалеко от Амура, которые применяли, по мнению некоторых ученых, китайскую письменность.

Наряду с руническим алфавитом тюрки использовали и уйгурский. После принятия в X в., некоторыми тюркскими племенами ислама, он был вытеснен арабским письмом. Тем не менее, уйгурский алфавит еще долгое время продолжал сохраняться. Так, в XIII–XIV вв. им пользовались в канцелярии джучидов, а в XIV–XV вв. в канцелярии тимуридов [75, с. 20].

«В течение X–XI вв. на основе сложившихся лексических и грамматических норм древнетюркского литературного языка, в результате обогащения его лексическими единицами общенародного языка Караханидского государства, а также арабскими и персидскими словами, формируется новый тюркский письменный язык» [46, с. 139].

«По единодушному мнению исследователей, язык поволжских тюрки (старотатарский литературный язык) своими корнями непосредственно восходит к литературному языку периода Золотой Орды (Джучиева Улуса) и Мамлюкского Египта XIII–XIV вв.» [139, с. 419]. Как считает большинство ученых, основу этого литературного языка составляет кыпчакский, но по своим структурным особенностям он заметно отличается от предшествовавшего караханидско-уйгурского литературного языка [139, с. 420].

«Период существования Казанского ханства – XV–XVI вв. – является периодом образования единой татарской народности, и на основе консолидации булгарских и кыпчакских племенных диалектах в этот же период окончательно формируется татарский общенародно-разговорный язык» [139, с. 421].

«В конце XIX и в первой четверти XX в. среди некоторых тюркских народностей определенное развитие получают капиталистические отношения буржуазных наций. Возникает необходимость в увеличении числа грамотных людей и расширении сферы употребления письменного языка. В этих условиях старый, малопопулярный письменный литературный язык становится непригодным для массового использования. Появляется общественная потребность в письменном употреблении общественного разговорного языка, формировавшегося в виде городского койне или языка фольклора. При этом грамматические и стилистические нормы старого письменного языка обычно сохранялись» [46, с. 141–142]. Таким образом, именно в этот период были заложены основы татарского национального литературного языка, в развитии и становлении которого огромную роль сыграли произведения Г. Тукая, Г. Ибрагимова, М. Гафури, Ф. Амирхана и других авторов, а также работы татарских филологов в области грамматики. Особое место в их ряду занимает великий татарский просветитель К. Насыри, который «впервые предложил развивать литературный язык на основе разговорной речи казанских татар. Он один из первых обосновал становление татарского национального литературного языка, раскрыл его потенциальные возможности и художественные особенности, а также заложил основы грамматических, орфографических и орфоэпических норм» [87, с. 49–50].

«Татарское языкознание было и остается неотъемлемой частью тюркологии, зачатки которой были заложены еще в IX–XI вв. под влиянием арабской филологии. По мере того, как арабы начали входить в экономические, а затем в политические и религиозные связи с тюркскими

племенами, они, естественно, стали интересоваться языком и бытом тюркских племен» [42, с. 44].

Пробуждению интереса к тюркским языкам способствовало, вероятно, и то, что уже в IV в. по мусульманскому летоисчислению тюркские народы не только воспринимали арабско-мусульманскую культуру, но и содействовали ее развитию. Не позже VII в. по хиджре тюркским языком начали интересоваться в Египте, поскольку у мамлюкских султанов завязались тогда различного рода отношения с золотоордынскими ханами [86, с. 6–7].

После принятия тюркскими племенами ислама начинается активное использование ими арабского языка не только в связи с необходимостью его изучения с целью постижения смыслов Корана и овладения мусульманскими науками, но и по той причине, что он являлся общим языком для всех народов, исповедовавших ислам. Так, древнейший сохранившийся до нашего времени труд, содержащий тексты на тюркском языке «Диван лугат ат-турк» («Словарь тюркской лексики») Махмуда ал-Кашгари, датированный 1074 г., написан на арабском языке. Его тюркский лексикон, подобран по образу лексикона арабского словаря «Диван ал-адаб фи байан лугат ал-‘араб» («Словарь арабского языка в литературных цитатах») Исхака ал-Фараби (ум. 961) [8, с. 36]. На страницах своей работы ал-Кашгари также упоминает и о том, что им был написан труд, посвященный тюркской грамматике «Китаб джавахир ан-нахв фи лугат ат-турк» («Книга грамматических перлов тюркских наречий»), который, к сожалению, не дошел до наших дней [8, с. 38].

Известно и о другом труде лексикографического характера анонимного автора, датированного 1245 г., – «Кита-

бы мәжмуг тәржемәне төрки вә гаҗәми вә моголи вә фарси» («Книга-сборник-переводчик тюркский, иностранный, монгольского и персидский»). Рукопись представляет собой тюркско-арабский, монгольско-персидский и арабско-монгольский словари объемами 1500, 240 и 400 слов соответственно [129, с. 30].

В отделе рукописей научной библиотеки КФУ хранится рукопись арабско-тюркского словаря XVI в. Хаджи-Байрам Хаджи-Булата, которое, наряду с другими аналогичными трудами, представляет собой «очень важное языковое и орфографическое значение для изучения истории татарского языка» [4, с. 343–344].

Многие из подобного рода произведений не сохранились до нашего времени, но их названия упоминаются в других сочинениях и библиографических списках. П.М. Мелиоранский приводит наименования 12 трудов, наиболее древним из которых он считает не дошедшее до нас сочинение Мухаммада бин Кайса, датированное 1231 г. [18, с. 107].

Впервые издание грамматики татарского языка было осуществлено в 1801 г.; ею стала работа И. Гиганова «Грамматика татарского языка», написанная для русскоязычных учащихся. Позже в свет вышли татарские грамматики и других авторов, составленные для русскоязычной аудитории: И. Хальфина (1809), М. Иванова (1842), А. Троянского (1860) и др.

В конце XIX в. в связи с ростом национального самосознания татар преподавание татарского языка вводится не только в русских гимназиях, но также и в татарских конфессиональных школах; «появляются грамматики, составленные для самих татар на их родном языке, предназначенные для медресе и школ. Их авторы, как и

составители грамматик на русском языке, ставили перед собой прежде всего практическую цель – обучение правильной письменной и разговорной речи. При написании данных учебных изданий за образец берутся грамматики арабского языка, система которых была хорошо знакома татарам» [89, с. 4]. Первым из подобного рода работ стал трактат младшего брата Хусейна Фейзханова Габделгалляма – «Татар телгә кыскача гыйлем сарыф» («Краткая морфология татарского языка»), вышедший в свет в 1887 г. [90, с. 11]. Фундаментальные исследования по морфологии и синтаксису татарского языка провел К. Насыри в своей работе «Анмузадж» («Образчик») (1895) [87, с. 47].

Начало XX в. ознаменовалось ростом активности по созданию учебных пособий на фоне пробуждения общественно-политической мысли и реформы национального образования. В этот период вышли труды М. Умидбаева «Татарча нәхүнең мохтәсары» («Краткая грамматика татарского языка») (1901 г.), А. Мухаммадрахима «Төрки сарыфы» («Морфология татарского языка») (1905 г.), одноименная монография А. Максуди (1910 г.). Особую популярность получили работы Г. Ибрагимова «Татар нәхүе» («Татарский синтаксис») (1911), «Татар сарыфы» («Татарская морфология») (1911), «Татар имлясы» («Татарская орфография») (1914), ставшие учебными пособиями в таких ведущих татарских медресе как «Мухаммадия», «Хусайния», «Галия», «Касимия» и др. [20, с. 26].

Отдельное место занял труд Дж. Валиди «Татар теле грамматикасы» («Грамматика татарского языка»), изданный в 1920 г. Эта работа явилась новым витком в содержании грамматик татарского языка, поскольку, в отличие от учебников предшественников, ориентированных на

начинающих обучение, предназначалась для учащихся национальных заведений среднего уровня [22, с. 22].

В 1926 г. вышла в свет «Шэкли нигездэ татар грамматикасы» («Формальная грамматика татарского языка») Г.Х. Алпарова, в которой автор предложил оригинальную классификацию частей речи, выдвинул новый взгляд на проблему падежа, суффикса, придаточного предложения [117, с. 116].

«В изучение вопросов грамматики, особенно словообразования, определенный вклад внес Ш.А. Рамазанов. Очень обстоятельные его исследования посвящены им деривации глаголов.

По морфологии татарского литературного языка опубликовала учебное пособие для вузов Д.Г. Тумашева.

Вопросами грамматики занимался видный ученый Л. Залаяй, его работы, анализирующие залого, наречия, сложные предложения, не потеряли свою значимость и в настоящее время.

Много и плодотворно работал в области грамматики известный ученый В. Н. Хангильдин» [24, с. 4].

«В изучение грамматики, особенностей синтаксиса татарского языка внес крупный вклад видный ученый нашего времени М.З. Закиев, который опубликовал фундаментальный труд “Синтаксический строй татарского языка”, где на громадном фактическом материале описывается синтаксическая структура татарского языка с точки зрения достижений современных теорий по синтаксису, а в других крупных работах развивает идеи, заложенные в этом труде, углубляет и уточняет свои концепции по отдельным проблемам синтаксиса. Им создана своя школа по изучению татарского синтаксиса, известными специалистами в этой области стали его ученики

Ф.С. Сафиуллина, С.М. Ибрагимов, которые по синтаксису татарского языка имеют по несколько монографий» [24, с. 4].

В 2006 г. было издано пособие для вузов по морфологии татарского языка Ф.М. Хисамовой.

В настоящее время опубликовано три тома академической грамматики татарского языка, основными составителями которой являются М.З. Закиев, Ф.А. Ганиев, Д.Г. Тумашева, С.М. Ибрагимов, К.З. Зиннатуллина, М.А. Сагитов, Ф.М. Хисамова, Х.Х. Салимов и др. [24, с. 5].

2.2. Учебники татарского языка второй половины XIX века, составленные на русском языке

С усилением в XVIII в. влияния Русского государства на восточные страны, особенно на Среднюю Азию, возникла необходимость в посредниках-мусульманах для налаживания торговых и дипломатических связей. В большинстве случаев таковыми оказывались татары, проживавшие в непосредственной близости с русскими [42, с. 44]. Первые официальные мероприятия, целью которых была подготовка специалистов по тюркским языкам, связаны с именем Петра I, который отчетливо сознавал, что будущее России в силу ее географического положения неразрывно связано с Востоком и что изучение Востока и его языков является одной из первостепенных задач, возникших перед Россией [74, с. 34–35].

«Расширение территории России за счет земель, населенных тюркскими народами, дальнейшее проникновение в казахские земли и в Среднюю Азию диктовали

необходимость подготовки русских переводчиков и администраторов, знающих тюркские языки. В этих целях уже в начале XVIII в. вводится обучение восточным языкам в Иностранной коллегии...» [68, с. 100].

«Научное изучение татарского и вообще тюркских языков в России начинается с того момента, когда эти языки стали вводиться как самостоятельные предметы в русских гимназиях, а затем и в университетах. Известно, что преподавание старотюркского языка, который назывался тогда тюркско-татарским или просто татарским, начинается в Первой Казанской гимназии еще в 1769 году, а в Казанском духовном училище и того раньше. В 1783 году изучение татарского языка было введено в Тобольской семинарии. Примерно в эти же годы татарский язык преподавался и в Главном народном Тобольском училище. В этом году было введено преподавание татарского, мордовского и чувашского языков в Нижегородской духовной семинарии. Татарский язык входит в программу Омской Азиатской школы, открытой в 1789 году» [48, с. 15].

«С 60-х годов XVIII в. в русских гимназиях, духовных училищах и семинариях вводится преподавание татарского языка. В связи с этим начинается составление более полных словарей и азбук этого языка. Самыми значительными из них являются труды учителя татарского языка Казанской гимназии С. Хальфина. В 1778 г. в Москве была напечатана его «Азбука татарского языка с обстоятельным описанием букв и складов...», которая, хотя и не представляет из себя грамматики, является одним из первых печатных трудов этого типа по татарскому языку» [42, с. 45]. Книга состоит из трех частей. В первой приводится татарский алфавит (на основе арабской графики), объясняются способы образования и артикуляционные

особенности звуков татарского языка; во второй – способы написания букв в начале, середине и конца слова; третья, большая часть, отведена правилам прочтения арабских слогов с огласовками, как часто встречающихся в татарских текстах; в четвертой части приводится список первой («Открывающая»), начало второй («Корова») и тридцать шестой («Йа Син») сур Священного Корана [134].

Наиболее ранние из дошедших до нас рукописных трудов лексикографического характера относятся к концу XVII – началу XVIII вв., в том числе и анонимный недатированный русско-татарский словарь объемом около 300 слов, составленный, предположительно, купцами [74, с. 74–77]. В 1785 г. преподаватель татарского языка С. Хальфин по поручению директора 1-й Казанской гимназии Ивана Федоровича фон Людемана подготавливает список русско-татарского словаря «Татарский словарь в пользу обучающегося при Казанских гимназиях юношества татарскому языку, сочиненный при оных же гимназиях в 1785 году» общее число татарских слов которого достигает 25 000 [74, с. 92–93].

«В декабре 1800 года в Казани открылась типография. Первой лингвистической книгой, по которой ученик начинает знакомиться с буквой, слогом, письменным словом родного языка, является букварь. Изданный в 1802 году букварь назывался “Шараит аль-иман” (“Условия веры”). В этой книге содержится арабская азбука: алфавит, слоги и числа. Затем излагается вероучение: разные молитвы, обязанности мусульман и основы исламского вероучения. Каждое издание этого букваря исправлялось и дополнялось новыми молитвами. В течение 125 лет по нему учились читать и писать, за это время он сохранил первоначальный вид не только по внешнему виду, но и по содержанию» [87, с. 45].

В начале XIX в. преподаватели различных учебных заведений выпускают пособия по татарскому языку, в том числе и грамматики, написанные по образцу русских учебников. К таковым относится «Грамматика татарского языка» И. Гиганова, преподававшего этот язык в Тобольском главном народном училище, изданная в 1801 г. «Данный труд, написанный на материале тобольского наречия сибирского диалекта, представляет наиболее полное для того времени описание грамматической структуры татарского языка, сделанное по образцу русских грамматик» [90, с. 6]. В одном переплете с пособием, вобравшим материал по фонетике, орфографии и морфологии татарского языка, содержится татарско-русский словарь объемом около 1800 слов, лексический материал которого представлен не в алфавитном, а в тематическом порядке [32, с. 75].

В 1809 г. была издана «Азбука и грамматика татарского языка с правилами арабского чтения, преподаваемая в Казанской Императорской Гимназии» И. Хальфина, которая стала второй печатной продукцией типографии Казанского университета после издания «Объявления» о ее открытии в том же году [69, с. 146]. Книга состоит из двух частей: в первой описывается фонетика и правила чтения татарского языка, во второй – его морфологический строй [133, с. 106].

В 1842 г. издается «Татарская грамматика» М. Иванова. Как следует из предисловия, в основу данной грамматики легли дополнения и пояснения в виде записок, которые автор делал к трудам И. Хальфина, А. Троянского и в особенности И. Гиганова в процессе преподавания татарского языка в Оренбургском Неплюевском военном училище. В пособии представлен материал по фонетике, орфографии, морфологии и синтаксису татарского языка [54].

В 1860 г. в свет выходит «Краткая татарская грамматика священника Александра Троянского». В отличие от работы И. Гиганова в ней содержится не только материал по фонетике, орфографии и морфологии татарского языка, но и некоторые сведения по синтаксису. Пособие также снабжено словарем и разговорником [119].

Данные татарские грамматики ориентировались на грамматику русского языка. Это объясняется тем, что, с одной стороны, они предназначались для русскоязычной аудитории, а с другой – недостаточной разработанностью грамматики татарского языка, которая стала приобретать современные очертания лишь в начале XX в.

«Первую попытку создания сравнительной грамматики тюркских языков сделал А. Казем-Бек в своей “Общей грамматике турецко-татарского языка” (I изд. – Казань, 1839, II изд. – Казань, 1846) переведенной в свое время на немецкий язык» [42, с. 46]. «“Грамматика турецко-татарского языка” Казем-бека заложила твердые основы в тюркологической науке. Она явилась настольной книгой языковедов-тюркологов XIX века, по своей значимости и постановке проблем представляет научную ценность и в наши дни» [35, с. 57]. «Грамматика» Казем-бека стала образцом грамматики нового типа как по научной системе, так и по своей структуре, поскольку была написана под влиянием системы изложения и конструкции европейских грамматик [35, с. 57]. В основу Грамматики Казем-Бека положена, по его собственным словам, схема французского тюрколога А.П. Жобера, которая была дополнена и уточнена многими собственными наблюдениями автора [74, с. 301].

«Грамматика турецкого языка» Казем-бека состоит из трех частей. Первая часть содержит восемь глав, которые

охватывают фонетику и почти половину морфологии. Вторая часть включает в себя одиннадцать глав, освещающих морфологию, начиная с глагола и кончая междометием. Третья часть состоит из трех глав, посвященных вопросам синтаксиса» [35, с. 58–59].

«Эпохальное значение имел выход в свет труда О.Н. Бётлингга “Über die Sprache der Jakuten” (St.-Pb., 1851), в котором фактический материал якутского языка систематически приводится в сравнении с данными тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языков; труд Бётлингга является первым плодотворным опытом сопоставительной грамматики алтайских языков, основывающимся на прочной базе передовых лингвистических воззрений того времени» [74, с. 301].

В том же году была выпущена в свет «Краткая татарская грамматика, изложенная в примерах» выдающегося ученого, литератора и педагога К. Насыри, получившего образование в Казанском университете. Данная работа носила в большей степени практический характер, поскольку не содержала правил и определений [90, с. 8].

В 1862 г. была налитографирована автором «Краткая учебная грамматика татарского языка» Х. Фейзханова, написанная на основе «Практического руководства по татарскому языку» Г. Махмудова (1857), в которой Х. Фейзханов еще больше систематизирует грамматические правила, делает примечания, более приспособляя учебник для непосредственного обучения татарскому языку [109, с. 413–414].

Выдающимся событием в истории изучения грамматического строя тюркских языков явился выход в свет в 1869 г. «Грамматики алтайского языка», составленной членами Алтайской духовной миссии, основанной в

1828 г. для обращения в христианство татар и калмыков. Главным автором и редактором данного труда был тюрколог-лингвист Н.И. Ильминский, первый в России тюрколог-лингвист [74, с. 302], «вслед за которым эту линию лингвистических исследований продолжали Ф.Е. Корш, К.Г. Залеман, П.М. Мелиоранский, Н.И. Ашмарин, А.Н. Самойлович.

Новая эпоха в истории отечественной и мировой тюркологии прочно связана с именем В.В. Радлова (1837–1919), основные лингвистические идеи которого вызревали под благотворным воздействием идей О.Н. Бётлингка и И.А. Бодуэна де Куртенэ (1845–1929), возглавлявшего казанский лингвистический кружок, в котором сам В.В. Радлов играл важную роль» [74, с. 302].

В числе выдающихся отечественных востоковедов-тюркологов нельзя не упомянуть имя Н.Ф. Катанова (1862–1922), профессора Казанского университета, автора многочисленных работ, в новом свете раскрывших различные аспекты тюркологии, наиболее известной из которых является «Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его с другими языками тюркского корня».

2.3. Учебники татарского языка конца XIX – начала XX века, составленные на татарском языке

«Анмузадж» («Образчик») К. Насыри

К. Насыри (1825–1902) является одним из тех ученых-языковедов, усилиями которых были заложены ос-

новы современного татарского литературного языка. Ученый внес значительный вклад в разработку научной терминологии татарского языка, написал весьма содержательные книги по грамматике и синтаксису. Его первая книга по татарскому языку – «Кыскача нэхү китабы» («Сокращенная книга по синтаксису») – была издана в 1860 году. А итогом многолетних исследований ученого-просветителя по татарскому языкознанию явилась книга «Анмузадж», изданная в 1895 году. В этой работе были заложены основы научной грамматики татарского языка, давался всесторонний анализ его фонетики и морфологических особенностей. Этой книгой К. Насыри подготовил солидную почву для дальнейших исследований татарского языка [2, с. 35–36].

«Анмузадж» состоит из вводной и основной частей. Вводная часть посвящена фонетике и орфографии, основная – морфологии и синтаксису.

Давая определение морфологии и синтаксису, автор использует классическую формулировку, принятую в арабской грамматической теории: Морфология – это такая наука, которая изучает построение и изменение слова. Синтаксис же – наука, которая изучает изменения, происходящие в конце слов [95, с. 117]. Относительно классификации частей речи видим аналогичную ситуацию. Слова делятся на три группы: первая – имена, вторая – глаголы, третья – частицы (служебные слова). Определения частей речи также заимствованы у арабов. Именем называется слово, которое имеет самостоятельное значение, но времени не выражает, например: *кеше* «человек». Глаголом называется слово, которое также имеет самостоятельное значение, но кроме этого указывает и на время, например: *сукты* «он ударил». Частицей называется

такое слово, которое не имеет самостоятельного значения и не выражает времени, например: *-дән* «от».

В разделах об именах существительном (исме зат) и прилагательном (исме сыйфат) даются их определения, отмечается, что эти части речи не имеют определенных морфологических показателей, приводятся разнообразные варианты их словоформ, оканчивающиеся на различные буквы, которые могут быть как гласными, так и согласными. Освещается вопрос отсутствия категории рода (тэскир вэ тэънис) в татарском языке при том, что родовой признак можно выразить лексическими средствами. Для названия детенышей животных также используются специальные слова. Далее рассматривается имя нарицательное (исме женес), собственное (исм галэм), конкретное (исме гэен), абстрактное (исме мэъгнэ), уменьшительное (исме мосаггар), категория падежа. В случае с последним автор прибегает к арабской грамматике и выделяет два типа имен: склоняемые (исме мограб), изменяющиеся по падежам, и несклоняемые (исме мэбни), не имеющие падежных окончаний. Под несклоняемыми в арабском языке подразумевается имена, имеющие постоянную грамматическую форму. Из известных в настоящее время четырех степеней прилагательного описываются три – положительная (собственно прилагательное), превосходная, для которой использован уникальный термин *исме зиядэ вэ гайэ*, что в переводе с арабского означает «имя усиления», и сравнительная степень, для названия которой использован арабский термин *исме тэфзыйль*, что переводится как «имя превосходства». Ниже описывается имя числительное (исме гадэд), которое может быть как простым, так и сложным (мөраккэб исме гадэд). Последнее образуется путем прибавления к третьему

члену числительного частицы (соединительного союза) *-да/-дә*: *йөз кырык алты миллион да алты йөз ун алты мең дә йөз утыз бер* «один миллион четыреста шестьдесят шестьсот шестнадцать тысяч триста тридцать один» (146 616 331). Разряды числительного следующие: обычные (исме гадэд гадэти): *бер* «один», *ике* «два», *өч* «три»; порядковые (исме гадэд тэртиби): *беренче* «первый», *икенче* «второй», *өченче* «третий»; количественные (исме гадэд микьдэри): *берәү* «один», *икәү* «два», *өчәү* «три»; разделительные (исме гадэд тэкьсими): *өчәр* «по три», *дүртәр* «по четыре», *бишәр* «по пять»; имя счета (исме гадэд зати): *-лык/-лек – берлек* «единица», *икелек* «двойка»; имя описательное (исме гадэд васфи): *-лы/-ле – берле* «единичный», *икеле* «двойной». По мнению К. Насыри, числительные на *-ау/-әү* используют при внимательном счете во избежание ошибок [116, с. 266]. Здесь мы не досчитываемся приблизительных, собирательных и дробных числительных. Кроме вышеназванных разрядов числительных, автор приводит такие подклассы слов как счетное существительное (исме гадэд зати) и счетное прилагательное (исме гадэд васфи). Первые образуются посредством добавления суффикса *-лык/-лек – берлек* «единица», *икелек* «двойка»; вторые – через добавление суффикса *-лы/-ле – өчле* «третий», *дүртле* «четвертый». В современной грамматике данные подклассы относятся к существительным и прилагательным.

Для местоимений К. Насыри приводит чисто арабское их разделение на два вида: отдельные (замир мөнфасыйль), имеющие три лица, которые в настоящее время соответствуют личным местоимениям, и слитные (замир мөттасыйль), соответствующие суффиксам принадлежности. Продолжая арабскую классификацию, автор

выделяет имена указательные (исме ишарэ): *шул* «тот/та/то», *бу* «этот/эта/это» и имена присоединяемые (исме мәүсуль), отмечая, что в татарском языке имен последнего разряда нет, но вместо них употребляются такие слова как *андыйн*, *шундыйн* «такой» и т.п., соответствующие арабскому слову *аллази* «который», которое есть имя присоединяемое. В современной татарской грамматике эти две именные формы причисляют к указательным местоимениям [116, с. 8–16].

В следующей части рассматривается глагол. Ему, также как и имени, дается арабское определение: глагол это такое слово, которое имеет свое собственное значение и указывает на время. Рассмотрение этой части речи начинается с перечисления залогов, которых пять: основной залог (асыл) – *бирмэк* «давать»; понудительный (мөтәгадди) – *бирдермэк* «приказать отдать»; взаимный (мөфагалә) – *бирешмэк* «давать друг другу»; страдательный (мәжһүл) – *бирелмэк* «быть отданным»; возвратный (инфигаль) – *биренмэк* «отдаваться». Помимо них упоминается и инфинитив (масдар), имеющий то же окончание, что и глагол основного залога. Ниже приводятся таблицы изменения форм глагола в зависимости от залога.

«К. Насыров при выделении залогов исходит исключительно из морфологической структуры глагольного слова и все отглагольные глагольные образования с суффиксами *-л, -н, -ш, -т, -тыр/-дыр* и т.д. рассматривает как производные залоговые формы исходных глаголов, объединенных им, в свою очередь, в основной непродуцируемый залог. Однако наблюдения над фактами языка показывают, что, во-первых, эти так называемые производные залоговые формы нерегулярны, т.е. не все глаголы характеризуются стройной системой пяти залогов» [52, с. 41].

Глаголы разделены, исходя из количества слогов, образующих их основы, на однослоговые, двухслоговые, трехслоговые, четырёхслоговые и пятислоговые. Все глаголы разделены на две большие группы: в первой показаны глаголы с твердыми звуками (*алмак* «брать», *агызмак* «проливать»), во второй – с мягкими (*тимәк* «касаться», *бирмак* «давать»), – свидетельство такого явления татарского языка как сингармонизм [95, с. 16–60].

Следующая часть посвящена служебным словам, для определения которых автор использует арабский термин *харф*. Служебные слова могут выполнять функцию наречий, предлогов и союзов [31, с. 393].

Исконным значением слова *харф* в арабском языке является «край», «сторона» [192, с. 718]. В лингвистической терминологии под ним может подразумеваться как буква, так и частица. В первом случае полным названием термина является *харф ал-мабна*, что значит «частица, образующая слово», во втором – *харф ал-ма'на*, что значит «частица, обладающая значением». Частицы, во втором понятии, К. Насыри делит на следующие: послелогои (хәрфе жәрләр), союзы (гатыф хәрэфләре), противительные союзы (истисна хәрэфләре), сравнительные союзы (хәрфе тәшбиһ), пояснительные союзы (эхруф бәйәниә), разделительные союзы (тәүзиг хәрэфләре), частицы обращения, удивления (тәнбиһ хәрфе), условные союзы (хәрфе шарт), причинные союзы (эхруф әс-сәбәб), частицы просьбы, желания (хәрфе тәвәккугъ вә интизар вә тәмәнни), утвердительные частицы (хәрфе ижәб), разъяснительный союз (хәрфе тәфсир), частица восклицания (хәрфе зәжер), частица подтверждения (хәрфе тәсдик), частицы отрицания (нәфи хәрэфләре), вопросительные слова (истифһәм кәлимәләре) или вопросительные частицы (истифһәм хәрэфләре).

Освещая раздел о послелогох (хәрфе жәрләр), К. Насыри указывает, что данные частицы названы так, поскольку большинство из них соответствует предлогам в арабском языке (харф джарр). Их шесть: 1) *белән* (*берлән, берлә, илә, билә, билән*) «с», «вместе»; 2) *өчен* (*ичүн*) «для», «чтобы»; 3) *-ча* (*чаклы*) «до», «по»; 4) *-да/-дә* (совр. суффикс место-временного падежа); 5) *-дан/-дән/-дин* (совр. суффикс исходного падежа); 6) *-сыз/-сез* (совр. словообразовательный суффикс прилагательного).

Разделы о союзах автор начинает с перечисления некоторых из них: *дә, вә, һәм* «и»; *вә һәм* «а также»; *-ук/-үк* «же» (совр. частица ограничения); *дәхи* «еще»; *тагы* «еще», «опять»; *-генә/-кенә* «лишь» (совр. частица ограничения); *яки, яйсә* «или»; *балки* «а», «вероятно»; *амма* «но», «однако»; *ләкин* «но»; *гәрчә* «хотя»; *жә* «или». Союзы могут быть как простыми, так и сложными. Исходя из их семантических особенностей, они делятся на следующие разряды: противительные, сравнительные, пояснительные, разделительные, условные, причинные и разъяснительные.

Противительные союзы: *ләкин, амма* «но», *гәрчә* (совр. подчинительный союз) «хотя».

Сравнительные союзы: *кебек, кеби* «как», *шикелле, сыман* «как», «подобно» (совр. послелоги).

Пояснительные союзы: *ки* (совр. подчинительный союз) «так, что» *хәттә* (совр. частица) «даже».

Разделительные союзы: *жә, жә, дә* «или», *яки* «или», *яйсә* «или».

Условные союзы: *әгәр, әгәр дә* «если», *бәнагяһ* «внезапно».

Причинные союзы (совр. подчинительные союзы): *чөнки* «ибо, потому что», *аның өчен* «вследствие того», *шуның өчен* «оттого».

Разъяснительный союз: *ягъни* (совр. подчинительный союз) «то есть».

Частицы получили следующую классификацию.

Частицы обращения, удивления: *а, йа, ай-эй*.

Частицы просьбы, желанья: *-чы/-че* (совр. частица упрашивания), *иде* (совр. вспомогательный глагол) «бы», *кәшки* (о, если бы).

Утвердительные частицы: *а, ай, нагәм, бәлә, әйе* «да», *шулай* (совр. местоимение/наречие) «так».

Частица восклицания: *һи* «да нет же».

Частицы подтверждения: *алай* (совр. местоимение), *шулай* (совр. местоимение) «так», *бәлә, әйе, ә-ә* «именно», «да, так».

Частицы отрицания: *түгел* «не», *юк* «нет», *лә* «не», *гайре* «кроме», «не», «без».

Вопросительные частицы (слова). К. Насыри отмечает, что «еще до конца не изучено, сколько в нашем языке вопросительных слов и вопросительных частиц, так что здесь будут разъяснены только известные» [95, с. 133]. *Му* (совр. вопросительная частица), *-мы/-ме* (совр. вопросительная частица), *микән* (совр. вопросительная частица) «ли», *мени* «разве», *качан* (совр. наречие времени) «когда», *кайда* (совр. местоимение времени) «где», *ни* (совр. вопросительное местоимение) «что», *ничә* (совр. вопросительное местоимение) «сколько», *ничек* (совр. вопросительное местоимение) «как», *кем* (совр. вопросительное местоимение) «кто».

Ниже дается описание наречий. Давая определение наречию, автор приводит арабскую дефиницию этому классу частей речи, указывая, что лексическим значением слова *зарф* является «сосуд» («емкость»), а в грамматической терминологии оно употребляется для обозначения

времени и места совершения действия или события; и делит их, как и арабские грамматисты, на два вида: наречие времени (зарфы заман) и наречие места (зарфы мэкэн). К первому относятся: *буген* «сегодня», *көндөз* «днем», *төнлә* «ночью», *төнәген* «вчера», *але* «пока», *байә* «давече», *иртә* «утром», *кич* «вечером», *өйләдә* «днем», «в полдень», *иртә белән* «утром», *кич белән* «вечером», *кыш көне* «зимой», *яз көне* «весной», *жәй көне* «летом», *көз көне* «осенью» и др.

Наречия места представлены следующими словами: *анда* «здесь», *монда* «там», *шунда* «там», *эчтә* «внутри», *тышта* «снаружи», *уңда* «направо», «справа», *сулда* «налево», «слева», *артта* «позади», *алда* «впереди», *аста* «внизу», *өстә* «наверху» [95, с. 60–64].

Следующий раздел посвящен категории склонения имени, для чего также использован арабский термин *и'раб*, который означает изменение слов по флексиям в целом и применяется в арабском языке не только для указания на наличие склонения в имени, но также на изменение глагола по наклонениям.

В пособии упоминается шесть падежей: 1) начальный (мөбтәда) – *кул* «рука»; 2) притяжательный (мәфгуль иләйһ) – *-ның/-нең* – *кулның* «руки»; 3) винительный (мәфгуль биһ) – *-ны/-не* – *кулны* «руку»; 4) направительный (мәфгуль ләһ) – *-га/-гә* – *кулга* «руке»; 5) совместный (мәфгуль мәгәһ) – *белән* «вместе», «с» – *кул белән* «рукой»; 6) место-временной (мәфгуль фиһ) – *-да/-дә* – *кулда* «в руке».

Говоря о склонении прилагательного, автор отмечает, что «имя прилагательное без существительного не употребляется. В нашем языке по общему правилу имя прилагательное в позиции перед существительным, не

склоняется, склоняется только имя существительное. Суффикс множественного числа также присоединяется только к существительному. Имя прилагательное всегда стоит перед определяемым существительным» [95, с. 135–136]. Таким образом указывается на то, что прилагательное всегда предшествует определяемому слову и не согласуется с существительным. Здесь же говорится о том, что суффиксом множественного числа в словах с мягкими буквами является *-ләр*, а в словах с твердыми буквами – *-лар*. Ниже приводится таблица склонения местоимений (личных, указательных, вопросительного (*кем* «кто») и слитных). Последние в современной грамматике рассматриваются как суффиксы принадлежности [95, с. 64–71].

В разделе о правилах морфологии описываются способы спряжения глагола в каждом из трех времен: прошедшем (мазый), настоящем (хэл) и будущем (мозариг), для которых приведены формы прошедшего категорического, преждепрошедшего (*-ган/-гән* + иде), прошедшего результативного в будущем (*-ган/-гән* + *булыр*: *алган булыр* «он возьмет» [116, с. 129]) настоящего, будущего неопределенного времен; образование повелительного наклонения глагола и отрицательных форм. Ниже излагается образование причастий (исме фагыль) прошедшего и настоящего времен.

К. Насыри выделяет также такой разряд слов, как деепричастие (исме фигыль), имеющее четыре формы: *ала* «беря», *алыб* «взяв», *алгач* «взяв», *алганча* «прежде, чем взять»; описывает повелительное наклонение (эмер) – *ал* «бери», *алыйм* «мне взять», *алсын* «пусть он возьмет»; условное наклонение настоящего времени (фигыль шарт хэл) – *язсам* «если я напишу»; условное наклонение

прошедшего времени (фигыль шарт мазый) – *язган булсам* «если бы я написал» и сослагательное (жэзэи шарт) – *язар идем* «я бы написал» наклонения.

Условный глагол настоящего времени образуется путем присоединения к корневой форме суффикса условия *-са/-сә*. В некоторых случаях перед условным глаголом ставится союз *әгәр* «если».

Глагол условного наклонения прошедшего времени состоит из сочетания причастия прошедшего времени со спрягаемой условной формой глагола *булмак* «быть» – *язган булсам* «если бы я написал (а)», *язган булсак* «если бы мы написали».

Сослагательное наклонение образуется путем сочетания глагола будущего времени 3-го лица со спрягаемым вспомогательным глаголом *иде* «был» – *язар идем* «я написал (а) бы», *язар идек* «мы написали бы».

Формула высказывания желания (сыйгаи тәмәнни), выражающая желание совершить какое-либо действие, состоит из сочетания спрягаемого смыслового и вспомогательного глагола *иде*: *язсам иде* «если бы я написал (а)», *язсак иде* «если бы мы написали».

Недостаточные глаголы (эфгаль накыйса), к которым относятся *булмак* «быть», *итмәк* «делать», «совершать», *кылмак* «делать», «совершать» служат для образования аналитических глагольных форм, в которых смысловой глагол представлен арабским либо персидским заимствованием: *әмет итмәк* «надеяться», *дога кылмак* «обращаться с мольбой». Подобного рода глаголы в современной грамматике называют вспомогательными. Определение «недостаточные глаголы» заимствовано из арабской грамматики, в которой под таковыми подразумеваются глаголы, предшествующие именному предложению и управляющие имени-

тельным падежом подлежащего и винительным падежом сказуемого.

Инфинитив склоняется подобно имени существительному (но только в форме единственного числа) и приобретает значение отглагольного имени: *кылмак, кылмакның, кылмакка, кылмакны*.

Ниже приводятся списки суффиксов, служащих для образования: 1) существительных от глаголов с объяснением их семантических особенностей; 2) существительных от существительных; 3) существительных от прилагательных; 4) прилагательных от глагола; 5) прилагательных от существительных; 6) прилагательных от числительных; 7) прилагательных от прилагательных; 8) прилагательного от отглагольного имени; 8) глаголов от имени; 9) глаголов от прилагательных; 10) глаголов от глагола; 11) глаголов от прилагательного, образованного от глагола [95, с. 64–71].

Разделы, посвященные морфологии, заканчиваются рассмотрением двух глагольных форм протекания действия (фигыль дәрәжәләре): периодическая повторяемость и нерегулярная повторяемость или неполнота.

Первая образуется путем добавления суффиксов *-гала/-гәлә, -кала/-кәлә* – *язгаламак* «писать изредка»; вторая – через суффикс *-штыр/-штер* – *караштыргаламак* «по-сматривать» [95, с. 71–86]. Здесь мы также не встречаем суффикс *-ыштыр/-ештер* вследствие особенностей арабского письма, в котором короткие гласные фонемы как правило не обозначаются. Данное обстоятельство пред-полагает со стороны лица, читающего арабский текст, владение правилами грамматики, в частности знание этимологии.

**Арабские термины,
использованные в пособии К. Насыри «Анмузадж»**

Части речи: исме зат (существительное), исме сый-фат (прилагательное), фигыль (глагол), исме замир (местоимение), исме гадэд (числительное), зарфы заман (наречие времени), зарфы мэкэн (наречие места), хэрэф (служебное слово, частица, суффикс);

семантические разряды существительных: исме женес (имя нарицательное), исме галэм (имя собственное), исме гэен (имя конкретное), исме мэгънэ (имя абстрактное);

категория числа: мөфрэд (единственное число), жэмг (множественное число);

падежи: мөбтэда (начальный), мэфгуль биһ (винительный), мэфгуль ләһ (направительный), мэфгуль мэгәһ (совместный), мэфгуль фиһ (место-временной);

времена глагола: мазый (прошедшее), хэл (настоящее), мозариг (будущее);

наклонения: эмер (повелительное), фигыль шарт хэл (условное настоящего времени), фигыль шарт мазый (условное прошедшего времени), жэзэи шарт (сослагательное);

разряды числительных: исме гадэд тәртиби (порядковое), мөраккэб исме гадэд (сложное);

разряды местоимений: замир мөттасыйль (слитные), замир мөнфасыйль (раздельные), исме ишарэ (имена указательные – указательные местоимения), исме мәүсуль (имена присоединяемые – относительные местоимения);

безличные формы глагола: исме фагыль (причастие), исме фигыль (деепричастие);

частицы: тәнбиһ хәрфе (частицы обращения, удивления), хәрфе тәвәккугъ вә интизар вә тәмәнни (частица просьбы, желания), хәрфе ижәб (утвердительная частица), хәрфе зәжер (частица восклицания), хәрфе тәсдик (частица подтверждения), нәфи хәрәфләре (частицы отрицания), истифһәм хәрәфләре (вопросительные частицы);

союзы: гатыф хәрәфләре (соединительные союзы), истисна хәрәфләре (противительные союзы), хәрфе тәшбиһ (сравнительный союз), хәрфе шарт (условный союз), әхруф әс-сәбәб (причинные союзы), хәрфе тәфсир (разъяснительный союз);

различные термины и наименования: тәзкир (мужской род), тәънис (женский род), хәрфе жәрләр (послелог), масдар (инфинитив), әфгаль накыйса (неполнозначные глаголы), истифһәм кәлимәләре (вопросительные слова), сыйга тәмәнни (формула высказывания желания), исме мосаггар (имя уменьшительное), исме тәфзыйль (сравнительная степень прилагательного), игъраб (категория склонения имени), исме мограб (имя склоняемое), исме мәбни (имя несклоняемое).

Собственно татарские термины на основе арабских слов

Разряды числительных: исме гадәд микъдәри (количественные), исме гадәд тәкъсими (разделительные);

залог: асыл (основной), мөтәгадди (понудительный), мөфагалә (взаимный), мәжһүл (страдательный), инфигаль (возвратный);

союзы: тәүзиг хәрәфләре (разделительные союзы), әхруф бәйәниә (пояснительные союзы);

различные термины и наименования: мәфгуль иләйһ (притяжательный падеж), исме гадэд зати (счетные существительные), исм гадэд васфи (счетные прилагательные), исме зиядә вә гайә (превосходная степень прилагательного), фигыль дәрәжэләре (глагольные формы протекания действия).

Как упоминалось выше, первой грамматикой татарского языка, которую составил К. Насыри, является «Краткая татарская грамматика, изложенная в примерах». Несмотря на то, что пособие написано на русском языке и ориентировано, в большей степени, на русскоязычных учащихся, автор наряду с русскими наименованиями приводит также и татарские эквиваленты грамматических терминов. В связи с чем, считаем целесообразным провести исследование и этой работы ученого.

Материал учебника автор делит на четыре «отдела», которые состоят из параграфов, их общее число – 96.

Первый отдел, называемый «Письмо и чтение в татарском языке», посвящен вопросам звукового состава татарского языка, правилам написания и чтения букв. В нем приводится татарский алфавит, за основу которого взята арабская графика. Он состоит из 33 букв, 4 из которых – гласные (ا – а, у – у, ي – и, я – я). Как известно, арабский алфавит насчитывает 28 букв, по этой причине для обозначения недостающих татарских звуков было предложено использование дополнительных четырех символов: پ – п, چ – ч, ژ – ж, ك – г, نك – н.

Для обозначения гласных, помимо букв, также как и в арабском языке, используются огласовки. Поскольку предметом нашей работы является рассмотрение области морфологии татарской грамматики, мы не станем подроб-

но останавливаться на содержании этой части учебника К. Насыри [95, с. 1–5].

Название второй части («отдела») – «Лексический состав татарского языка». В нем перечисляются части речи: имя существительное, имя прилагательное, местоимение, глагол, послелог, союзы, междометия, наречия, имена числительные; отмечается, что принадлежность слова к мужскому или женскому роду в татарском языке передается посредством соответствующих лексем; описываются залогии глагола. Как видно, от современной классификации частей речи грамматическое учение К. Насыри отличается отсутствием частиц, звукоподражательных и модальных слов. Последние выделены в татарском языкознании сравнительно недавно [108, с. 418].

В предложенной автором классификации частей речи явно прослеживается ориентированность на грамматику русского языка, тем не менее, использование арабских терминов занимает значительное место в терминологическом аппарате пособия: *исме зат* – существительное, *исме сыйфат* – прилагательное, *исме мусаггар* – форма уменьшительного имени, *замир* – местоимение, *фигыль* – глагол.

Из принятых в современной грамматике татарского языка четырех степеней прилагательного: положительной (*гади дэрэжэ*), сравнительной (*чагыштыру дэрэжэсе*), превосходной (*артыклык дэрэжэсе*) и уменьшительной (*кимлек дэрэжэсе*) К. Насыри упоминает лишь три: положительную, сравнительную и превосходную степени, называя последнюю «напряженное выражение качества».

Для местоимений автор дает следующую классификацию: личные, указательные, вопросительные, относительные (*-зы/-зе*), притяжательные (*-м, -ң, -ы/-е, -сы/-се*).

Мы не находим здесь суффикса *-ым/-ем*, вероятно, по той причине, что арабское письмо подразумевает прочтение коротких гласных, которые принято не отмечать. Притяжательные местоимения в современной грамматике татарского языка рассматриваются как отдельная категория имени – принадлежности (тартым категориясе), обозначающая принадлежность предмета к определенному лицу и имеющая специальные суффиксы: *атам* «мой отец», *атаң* «твой отец», *атасы* «его отец», *атабыз* «наш отец», *атагыз* «ваш отец», *аталары* «их отец». Таким образом, К. Насыри излагает свой взгляд относительно притяжательных местоимений, не относя их ни к притяжательным суффиксам, ни к падежу.

С точки зрения автора, суффиксы *-гы/-ге* (*авылдагы* «который в деревне», *жылкәдәге* «который на плече») являются относительными местоимениями, поскольку переводятся на русский язык как «который/которая». Суффикс *-да/-дә* своего освещения не находит. Возможно, это связано с тем, что К. Насыри в числе падежей не рассматривает место-временной, о чем будет сказано ниже. В настоящее время морфему *-дагы/-дәге* принято относить к словообразовательным суффиксам прилагательного [141, с. 93]. В целом же данный вопрос не имеет окончательного решения и остается открытым по настоящее время.

В параграфах, посвященных глаголу, автор рассматривает два времени: прошедшее (мазый) на *-ды/-де* и настоящее (мозариг) на *-ыр/-ер*, шесть наклонений: неопределенное (масдар), повелительное (әмер), изъявительное (хәл), условное (фигыль шарт), сослагательное (жәзәи шарт), желательное. Как видно, здесь также заимствована арабская терминология, за исключением последнего определения.

В современном татарском языке выделяют четыре наклонения: повелительное (боерык фигыль), желательное (телэк фигыль), условное (шарт фигыль), изъявительное (хикэя фигыль). Неопределенное наклонение соответствует неличной форме глагола – инфинитив, сослагательное же заимствовано из русского языка. Кроме инфинитива в пособии также нашли освещение такие неличные формы глагола как причастие (исме фагыйль) и деепричастие (исме фигыль).

Система залогов глагола аналогична современной. Так, описанные в пособии пять залоговых форм глагола: коренной, причинительный, взаимный, страдательный, возвратный, соответствуют действительному (төп юнәлеш), понудительному (йөкләтү юнәлеше), взаимно-совместному (уртаклык юнәлеше), страдательному (төшем юнәлеше) и возвратному залогам (кайтым юнәлеше).

Для обозначения послелогов и союзов приняты арабские названия: *хәрфе жәр*, которое в большей степени соответствует предлогу, и *хәрфе гатыф*.

Семантическая классификация наречий ориентирована на русскую, при наличии уникальных разрядов: вопросительные: *кайчан* «когда» (совр. наречие), *кайда* «где» (совр. местоимение/частица), *кая* «где» (местоимение/частица), *ничә* «сколько» (совр. местоимение), *-мы/-ме* (совр. частица), *ничек* «сколько» (совр. местоимение/часть союза); утверждения: *алай* «так» (совр. местоимение/междометие), *шулай* «так» (совр. местоимение/наречие), *әйе* «да» (совр. модальное слово); отрицания *түгел* «не так» (совр. частица/союз), *юк* «нет» (совр. предикат/вводное слово).

Из насчитываемых в современном татарском языке шести разрядов числительных (исме-л-гадәд) К. Насыри

приводит только три. Это количественные, порядочные (порядковые) и разделительные. Помимо предложенной классификации автор вводит и такой разряд слов как «существительные числительные имена», к которым, в частности, относит следующие слова: *берлек* «единство», *икелек* «двойственность», *өчлек* «тройственность» и т.п. Этот разряд слов в современной грамматике относится к существительному. Прилагательные типа *берле* «единичный», *икеле* «двойной», *өчле* «тройной» автор причисляет к «числительным, показывающим количество частей».

В завершающих параграфах второй части помещены сведения фонетического характера, касающиеся случаев «перемены коренных букв в словах по разным наречиям тюркского языка», а именно: добавление букв в начале слова, опущение букв, замена одной буквы на другую, перестановка букв. В силу того, что данные вопросы находятся вне рамок нашего исследования, мы их обойдем стороной [96, с. 5–14].

Третья часть называется «Флексические качества татарского языка». В ней приводятся таблицы склонения существительного, прилагательного и местоимений (по лицам) в единственном и множественном числах, а также таблицы спряжения глагола в зависимости от наклонения.

Число падежей, в отличие от шести, принятых в современной грамматической теории, равняется четырем. Это именительный (совр. основной), родительный, дательный (совр. направительный) и винительный падежи. Иными словами, мы не досчитываемся исходного и место-временного падежей. Оставшаяся часть отдела посвящена рассмотрению различных разрядов в систе-

ме частей речи, куда входят: 1) отглагольные существительные имена, 2) отыменные существительные имена, 3) отглагольные прилагательные, 4) отыменные прилагательные.

Отглагольные существительные имена, в свою очередь, делятся на:

1) неопределенное наклонение как имя, *ашамак* «ядение», *язмак* «писание», *укымак* «чтение»;

2) имя действия (исме-л-фигыль): *язу* «писание», *килу* «приход», *киту* «уход», *ашау* «еда», *эчу* «питье»;

3) имя взаимности (исме-л-мөфагалә): *табыш* «прибыль», *китмеш* «уход», *йөреш* «походка», *алыш* «брать»;

4) имя количества (исме-л-микдар): *үлем* «смерть», *аерым* «отдел», *атым* «бросок»;

5) имя орудия (исме-л-аләт): *угыч* «терка», *чәнечке* «вилка», *чалгы* «коса»;

6) имя, означающее что-нибудь сделанное (исме-л-мәфгуль): *ярык* «щель», *тишек* «дыра»;

8) имя, выражающее какое-нибудь состояние предмета (исме-л-кәйфиә): *ышаныч* «надежда», *кызганыч* «жалость», *сөөнеч* «радость»;

9) имя предмета в определенной границе или форме (исме-л-һәйә): *бүлмә* «комната», *төймә* «пуговица», *ашамаклык* «ядение», *эчемлек* «питье», *тормыш* «житие», *очкын* «искра», *көлке* «смех»;

Отыменные существительные имена делятся на:

1) имя действующего (исме-л-фагыль): *язучы* «писец», *килүче* «пришлый», *балтачы* «плотник».

2) имя количества и качества (исме-л-микдар): *байлык* «богатство», *яшылык* «доброта», *данлык* «слава»;

3) имя собирательное (исме-л-кәсрә): *каенлык* «березняк», *имәнлек* «дубровник».

Отглагольные прилагательные: *көләч* «много смеющийся», *басынчак* «скромный», *очкыр* «быстро летящий».

Отыменные прилагательные:

1) имя отношения (исме-л-мәнсүб): *казанлык* «казанский», *сумлык* «рублевый», *ышанчлы* «надежный»;

2) имя сходства (исме тэшбиһ): *комсыман* «песчано-видный», *алсыман* «аловатый»;

3) уменьшительное имя (исме тәсгыйр): *кызгылт* «красноватый», *әчкелт* «кисловатый», *кара-су* «черноватый».

Ниже приводятся формы производных глаголов (образованных путем суффиксации): *ашамак* «есть», *коткармак* «спасать», *агылырмак* «делаться белым», *башламак* «начинать», *торгызмак* «поставить», *зарыкмак* «беспокоится»; глаголы, образовавшиеся через сложение (сложные глаголы, образующиеся путем слияния двух основ): *азсынмак* «считать малым», *саргаймак* «желтеть», *кимемәк* «убавляться».

Заключительные подразделы посвящены формам, означающим неполное действие, которые образуются посредством суффиксов *-сымак/-семәк*, *-сырмак/-сермәк*: *арусамак* «приустать», *көлемсермәк* «улыбнуться»; формам, не имеющим аналогии (шәз): *күрсәтмәк* «показывать», *иснәмәк* «нюхать»; формам учащательных глаголов (совр. формы, выражающие многократное и нерегулярное действия): *баргаламак* «хаживать», *типкәләмәк* «попинывать», *караштырмак* «посматривать» [96, с. 14–33].

Четвертая часть пособия посвящена синтаксису и находится за рамками нашего исследования.

***Арабские термины, использованные в пособии
К. Насыри «Краткая татарская грамматика,
изложенная в примерах»***

Части речи: исме зат (существительное), исме сый-фат (прилагательное), замир (местоимение), исме-л-гадэд (числительное), фигыль (глагол), хэрфе жэр (послелог), хэрфе гатыф (союз);

времена глагола: мазый (прошедшее), мозариг (настоящее);

наклонения глагола: масдар (неопределенное), эмер (повелительное), хэл (изъявительное), фигыль шарт (условное), жэзэи шарт (сослагательное);

безличные формы глагола: исме фагыйль (причастие), исме фигыль (деепричастие);

формы производных существительных: исме-л-фигыль (имя действия), исме-л-алэт (имя орудия), исме-л-мэфгуль (имя, означающее что-нибудь сделанное), исме-л-һэйъэ (имя предмета в определенной границе или форме), исме-л-фагыйль (имя действующего);

формы производных прилагательных: исме-л-мән-сүб (имя отношения), исме тэсгыйр (уменьшительное имя); исме мусагар (форма имени уменьшительного).

***Собственно татарские термины
на основе арабских слов***

Формы производных существительных: исме-л-мөфгалә (имя взаимности), исме-л-кэйфиә (имя, выражающее какое-нибудь состояние предмета), исме-л-микдар (имя количества и качества), исме-л-кэсрә (имя собирательное); исме тэшбиһ (имя сходства, как форма

производного прилагательного), шэз (формы, не имеющие аналогии).

**«Татар телгә кыскача гыйлем сарыф»
(«Сокращенная морфология татарского языка»)
Г. Фейзханова**

Объем трактата 32 страницы. Во введении автор говорит о том, что человек, с самого детства начавший изъясняться на каком-либо языке, говорит на нем правильно, с небольшой долей ошибок, не зная при этом его грамматических правил. Но в таком случае человек говорит правильно не осознанно, а благодаря запоминанию слов и выражений, услышанных им с детства. Для того, чтобы говорить правильно осознанно, необходимо изучение морфологии и синтаксиса. Кроме того, эти две науки способствуют правильному письму. Далее высказывается сожаление о том, что большая часть выпускников современных татарских медресе, в которых преподавание ведется по бухарскому методу, проучившиеся в них по десять и более лет, допускают ошибки в татарском письме по причине малого уделения внимания татарской грамматике. Из чего следует, что лицу, желающему правильно говорить и писать даже на знакомом ему языке необходимот знать его морфологию и синтаксис. Вследствие отсутствия на сегодняшний день описания грамматики языка казанских татар, были приложены усилия по написанию двух небольших трактатов, посвященных его морфологии и синтаксису. Поскольку эти две науки являются самостоятельными, было решено для каждой из них посвятить отдельную книгу, начав с морфологии, и издать ее первой. Небольшая часть трактата по синтаксису остается неза-

вершенной. В скором будущем, по его окончании, также планируется его опубликование [193, с. 2–3].

Материал пособия автор начинает с определения терминов «сарыф» и «нэхү». Сарыф – это наука, изучающая образования слов и изменения их окончаний; нэхү – наука, изучающая словосочетания и предложения. Далее дается определение «букве», «слову». Количество букв в татарском алфавите равняется 32. Кроме 28 букв арабского алфавита имеются 4 буквы для обозначения специфических татарских звуков: پ – п, چ – ч, ژ – ж, ڭ – н. Буквы делятся на трудные для произношения и легкие для произношения; исходя из особенностей арабской графики, некоторые буквы соединяются с последующей буквой; некоторые – нет; для обозначения гласных звуков используются огласовки, которые в сочетании с соответствующими буквами служат для обозначения долгих гласных. Здесь же описываются графемы, применяющиеся исключительно в арабском письме. В завершении вводной части перечисляются пять частей речи (имя существительное, прилагательное, местоимение, глагол, частица), каждая из которых будет рассмотрена в соответствующем разделе.

Первый раздел посвящен имени существительному (исем). Имя существительное может быть собственным (исме галэм) и нарицательным (исме женес), употребляться в единственном (мөфрэд) и множественном числах (жэмг). Последнее образуется посредством суффикса *-лар/-ләр*, но, в отличие от арабского языка, в татарском языке двойственного числа не существует. При необходимости указания на таковое используются числительное *ике* «два». Принадлежность слова к мужскому либо женскому роду достигается лексическим способом: используются

такие слова как *ата* «отец», *ир* «мужчина», *ана* «мать», *хатын* «женщина» и т.п. Число падежей в татарском языке восемь: 1) основной (фагыйль); 2) притяжательный (мозаф); 3) принадлежный (мозаф илэйһ), суффиксы которого (-ы/-е, -сы/-се) в настоящее время рассматриваются как показатели категории принадлежности; 4) направительный (мәфгуль ләһ); 5) винительный (мәфгуль биһ); 6) совместный (мәфгуль мәгәһ), образующийся через послелог *белән*; 7) исходный (мәфгуль минһ); 8) место-временной (мәфгуль фиһ). Падежные показатели присоединяются после суффикса множественного числа *-лар/-ләр*, при наличии последнего. Слова *кем* «кто» и *ни* «что» употребляются для обозначения разумных и неразумных объектов соответственно [193, с. 3–8].

Как можно заметить, для названия падежей применены арабские наименования членов предложения с дополнениями на их основе для недостающих падежных форм.

Второй раздел посвящен имени прилагательному (сыйфат). Вслед за определением для данной части речи говорится, что прилагательное всегда стоит перед определяемым словом (мәүсуф). Прилагательные делятся на традиционные (сыйфа сәмагыя), представляющие собой причастные формы действительного и страдательного залогов (*язучы* «пишущий», *язылмыш* «написанный»), а также оформляющиеся через присоединяемый к именам суффикс *-лы/-ле* (*акыллы* «умный», *хөрмәтле* «уважаемый»), и образованные по аналогии (сыйфа кыясия) (совр. качественные прилагательные). Показателем сравнительной степени у качественных прилагательных является частица *бик* «очень»; показателем аналогичной степени у традиционных прилагательных является частичное повторение основы. Для обозначения превосходной степени исполь-

зуются суффикс *-рак/-рәк*. В татарском языке прилагательное не согласуется с определяемым словом ни в роде, ни в числе. В некоторых случаях заимствованные арабские прилагательные употребляются без изменений, т.е. с учетом показателя принадлежности к тому или иному грамматическому роду.

Числительные (исме гадәд) бывают двух разрядов: количественные (асыл сан) и порядковые (тәртипле сан). Количественные числительные делятся на определенные (билгеле) и неопределенные (билгесез). Если к первой группе относятся такие числительные как *бер* «один», *ике* «два», *өч* «три», *ун* «десять» и т.п., то в качестве примеров, образующих вторую группу, приведены такие наречия как *аз* «мало», *күп* «много», *бераз* «немного» и местоимени-е-числительное *берничә* «несколько».

От основы определенно-количественных числительных образуются еще три подгруппы: 1) прибавительные (арттыру саны) – *мең дә өч йөз дүртенче ел* «тысяча триста четвертый год»; 2) разделительные (бүлү саны) – *өчәр* «по три», *дүртәр* «по четыре»; 3) собирательные (йыйу саны) – *берәү* «один», *икәү* «двое», *өчәү* «трое» [193, с. 8–14].

В данном трактате арабский термин для обозначения числительного (исме гадәд) упорядочен только в начале раздела, далее автор – впервые – использует татарское слов «сан». Предложенные автором наименования подгрупп числительных сохранились и сегодня.

В третьем разделе излагаются местоимения (киная), представленные личными (замир шәхси): *мин* «я», *без* «мы», *син* «ты», *сез* «вы», *ул* «она/она», *алар* «они»; принадлежными (замир изафи): *-м*, *-быз/-без*, *-ң*, *-гыз/-гез*, *-ы/-е*, *-лары/-ләре*; глагольными (замир фигъли) –

суффиксы лица в глаголах прошедшего категорического времени (мазый шөһуди) и глаголах условного наклонения (фигыль шарт); указательными (исме-л-ишарэ): *теге* «тот», *бу* «этот» и относительными (исме мәүсүль): *кайсы* «который», *шул* «такой». В письменной речи с последними может употребляться частица *ки*, служащая для раскрытия смысла предшествующего именного предложения [193, с. 14–17].

В четвертом разделе освещается глагол (фигыль). Глаголы, в зависимости от наличия и отсутствия показателей лица и времени, делятся на основные (фигыль асли), временные (фигыль замани) и вторичные (фигыль фэрги). Основные глаголы указывают на безличное действие вне рамок времени. По той причине, что такие глаголы являются исходными для остальных глагольных форм, они называются *масдар* (основа). Масдар бывает трех видов: глагольный (фигыли), именной (исми) и описательный (васфи). Первый образуется посредством присоединения к основе, представленной глаголом, суффикса *-мак/-мэк* (*кайтмак* «возвращаться»), второй – через присоединение к имени суффикса *-ламак/-лэмэк* (*кышламак* «зимовать»), третий – с помощью суффиксов *-лашмак/-лэшмэк*, *-ланмак/-ләнмэк*, присоединяемых к прилагательному (*татулашмак*, *татуланмак* «примиряться»).

Глаголы временные могут быть употреблены в одном из трех основных времен: прошедшем, настоящем, будущем.

Общее же число временных форм достигает восьми. Таковыми являются: прошедшее категорическое (мазый шөһуди) – суффиксы: *-ды/-де*, *-ты/-те*; прошедшее результативное (мазый нэкъли) – суффиксы: *-ган/-гән*, *-кан/-кән*; настоящее (хэл) – суффикс: *-а/-ә*, *-ый/-и*; будущее не-

определенное (мозариг) – суффикс: *-р, -ар/-әр, -ыр/-ер*; будущее категорическое (мөстәкбаль) – суффикс: *-асы/-әсе*; условное наклонение (фигыль шартый) – суффикс: *-са/-сә*; желательное наклонение (өндәү фигыле), которое образуется посредством частиц *-ла/-лә, -сана/-сәнә*; повелительное наклонение (фигыль әмри). Также глаголы могут быть утвердительными (мөсбәт) (совр. утвердительный аспект) и отрицательными (мәнфи) (совр. отрицательный аспект). Вторые образуются посредством суффикса *-м*. В зависимости от известности либо неизвестности субъекта глаголы могут быть употреблены в одной из двух форм (совр. действительный и страдательный залого). Последняя образуется через добавление к основе суффикса *-л* или *-м*.

Глаголы вторичные – это безличные и безвременные глагольные формы, указывающие либо на субъект, либо на объект действия. К ним относятся: имя действителя – причастие действительного залога (исме фагыйль), образующееся путем прибавления к основе суффикса *-чы/-че*, имя поддественное – причастие страдательного залога (исме мәфгуль), формирующееся посредством суффикса *-ылмыш/-елмеш*.

Помимо упомянутых синтетических форм глагола существуют и его аналитические формы. Сюда входят: глаголы скорого действия (ашыкмак фигыле), глаголы способности (көч житмәк фигыле), глаголы времени (заман фигыле). Первые образуются при помощи вспомогательного спрягаемого глагола *бирмәк* «исполнять» и неизменного смыслового глагола, принимающего суффикс *-ап/-әп, -ып/-еп*, например: *язып бирдем* «я тотчас написал». Вторые образуются посредством сочетания неизменяемого смыслового глагола, принимающего суффикс *-а/-ә*,

и спрягаемого вспомогательного глагола *алмак* «быть в силе», например: *яза алдым* «я смог написать». Третьи представляют собой конструкцию, состоящую из неизменного смыслового глагола, выраженного либо глаголом прошедшего результативного, либо будущего времени, и спрягаемого вспомогательного глагола *булмак* «быть», например: *язган булдым* «я написал», *язасы булдым* «я решил написать». Кроме вышеописанных конструкций существуют повествовательные формы (хикяэ фигыле), образующиеся посредством сочетания смыслового глагола, который может употребляться в прошедшем результативном, настоящем, будущем неопределенном, будущим временах, и спрягаемого вспомогательного глагола *иде* «был», например: *язган идем* «я уже написал» (совр. преждепрошедшее время), *яза идем* «я писал» (совр. прошедшее незаконченное), *язар идем* «я бы написал», *язасы идем* «мне следовало написать» (совр. форма выражения долженствования).

В зависимости от способности и неспособности управлять объектом глаголы делятся на переходные (лэзим) и непереходные (мөтэгадди). Глаголы, образованные от именного масдара, являются переходными; глаголы, образованные от описательного масдара, – непереходными; глаголы, полученные от глагольного масдара, могут быть как переходными, так и непереходными. Для преобразования непереходного глагола в переходный используются суффиксы *-т*, *-дыр/-дер*, *-тыр/-тер*, которые ставятся перед суффиксом масдара, например: *йокламак* – *йоклатмак* «спать» – «усыпать», *көлмәк* – *көлдөрмәк* «смеяться» – «смешить» (совр. понудительный залог). Путем добавления к переходным глаголам одновременно двух суффиксов образуются в вдвойне и втройне переходные глаголы: *яз-*

мак «писать» – *яздырмак* «заставить писать» – *яздыртмак* «заставить писать». Отметим здесь арабское решение вопроса, поскольку понятия «вдвойне переходные» и «втройне переходные», по всей видимости, заимствовано из арабской грамматики.

В заключительной части раздела о глаголе излагается взаимно-совместный залог (уртак фигыль) [193, с. 17–31].

Пятая часть трактата посвящена частицам (адэт). Частицы служат для связи слов и предложений. В рубрику частиц входят не только собственно частицы (*түгел, әйе, аллә, иң*), но также союзы (*әгәр, чөнки, зира ки, ки, һәм, дәхи, ләкин, я, яки, юкса*), послелогии (*өчен, чаклы, тикле, хәтле, кеби, кебек*), суффиксы (*-дан/-дән, -тан/-тән, -сыз/-сез, -мас/-мәс, -м, -да/-дә, -та/-тә, -чак/-чәк -лы/-ле, -гы/-ге, -кы/-ке, -ча/-чә, -лык/-лек*), местоимения (*кем, ни, кайда, кая*), наречия (*бик*), вводные слова (*икән*) и междометия (*әйдә, эй, хай-хай, их*) [193, с. 31–32].

Арабские термины, использованные в пособии
Г. Фейзханова «Татар телгә кыскача гыйлем сарыф»

Части речи: исем (имя существительное), сыйфат (прилагательное), фигыль (глагол), исме гадэд (числительное), киная (местоимение), адэт (частица, суффикс);

семантические разряды существительных: исме женес (имя нарицательное), исме галәм (имя собственное);

категория числа: мөфрэд (единственное число), жәмг (множественное число);

падежи: фагыйль (основной), мозаф (притяжательный), мозаф иләйһ (принадлежащий), мәфгуль ләһ (направительный), мәфгуль биһ (винительный), мәфгуль мэгәһ (совместный), мәфгуль фиһ (место-временной);

разряды прилагательных: сыйфа сәмагыя (качественные), сыйфа кыясия (относительные);

времена глагола: хәл (настоящее), мозариг (будущее неопределенное), мөстәкбаль (будущее);

безличные формы глагола: исме фагыль (причастие действительного залога), исме мәфгуль (причастие страдательного залога);

разряды местоимений: замир (личные), исме-л-и-шарә (указательные), исме мәүсүль (относительные);

различные термины и наименования: эт-тәзкир (мужской род), эт-тәънис (женский род), фигыль әмри (повелительное наклонение), фигыль шартый (условное наклонение), фигыль мөтәгадди (переходный глагол), фигыль ләзим (непереходный глагол).

Персидские термины

Времена глагола: мазый шөһуди (прошедшее категорическое), мазый нәкъли (прошедшее результативное).

Собственно татарские термины на основе арабских слов

разряды местоимений: замир шәхси (личные), замир изафи (принадлежащие), замир фигъли (глагольные);

разряды числительных: асыл сан (количественные), тәртипле сан (порядковые);

аналитические формы глагола: ашыкмак фигыле (глаголы скорого действия), көч житмәк фигыле (глаголы способности), заман фигыле (глаголы времени);

аспекты глагола: фигыль мөсбәт (утвердительный глагол), фигыль мәнфи (отрицательный глагол);

различные термины и наименования: мэфгуль минһ (исходный падеж), масдар фигъли (глагольный масдар), масдар исми (именной масдар), масдар васфи (описательный масдар), фигыль асли (основной глагол), фигыль замани (временной глагол), фигыль фэрги (вторичный глагол), хикэя фигыле (изъявительное наклонение), өндәү фигыле (желательное наклонение), уртақ фигыль (взаимно-совместный залог).

**«Татарча нэхүнең мохтэсары»
(«Сокращенная грамматика татарского языка»)
М. Умидбаева**

Объем трактата – 52 страницы. На титульном лице автор указывает, что данное пособие составлено по принципу западных грамматик. Первые страницы, по традиции, отведены материалу фонетического и орфографического характера. Татарский алфавит помимо двадцати восьми арабских букв содержит четыре символа для обозначения персидских звуков: پ – п, چ – ч, ژ – ж, گ – г. Имеется и специфичный для татарского языка носовой звук ң, передаваемый на письме через лигатуру ڭ. Звуки делятся на гласные: ا و ی ه и согласные: ض ص ش ز ر ذ ذر ز س ش ص ض. а е г х ч х ч х в: ض ص ش ز ر ذ ذر ز س Ш С С З Р З С Ш С Ш С, б т т ж д д р з с ш с в: ض ص Ш С Ш С Ш С Ш С, гортанные: ھ. [165, с. 1–5].

Автор классифицирует слова, исходя из их синтаксических свойств. Так, слова в зависимости от выполняемых ими функций в предложении делятся на главные (жөмләнең олуг кыйсемләре) и второстепенные части предложения (жөмләнең кечек кыйсемләре). Главные части предложения: имя существительное (исме вөжүд),

имя прилагательное (исме сыйфат), местоимение (киная), глагол (фигыль), причастие (фигыль истимрари), деепричастие (фигыль мокарабэ), наречие (адэт). К второстепенным частям предложения относятся обстоятельство (зарыф – сүз азагы), союзы (гатыф – кушучы, ялгаучы) и междометия (нидэ – чакыру).

По составу слова подразделяются на состоящие из одной только основы: *боз* «лед», *ак* «белый», *кара* «черный»; производные: *куймак* «класть», *куйма* «не клади» и сложные: *аккош* «лебедь», *ишегалды* «двор». Родовой признак в татарском языке выражается посредством добавления слов, указывающих на мужское либо женское начало, или применяется слово другого корня. Показателем множественного числа является суффикс *-лар/-лэр*.

Существительные делятся на три типа: собственные (исме галэм), например: *Муса* (Моисей), *Мәскәү* (Москва), нарицательные (исме женес): *агач* «дерево», *дарья* «река» и собирательные (исме мәжмәг): *кетү* «стадо», *гаскар* «войско»; склоняются по падежам «төшем». Число падежей для одушевленных предметов семь, для неодушевленных – шесть.

Именительный (исем төшеме): *кем* «кто»? *ни* «что»?

Родительный (изафә төшеме): *кемнең* «кого»? *нинең* «чего»?

Дательный (бирү төшеме): *кемгә* «кому»? *нигә* «чему»?

Винительный (булдыру төшеме): *кемне* «кого»? *нине* «что»?

Звательный (чакыру төшеме): частицы обращения *йә*, *эй*. Данная падежная форма не имеет суффиксов и применяется только в отношении одушевленных предметов.

Совместный падеж (мәдәд төшеме): *кем белән* «с кем»? *ни белән* «с чем»? *кемдән* «от кого»? *нидән* «от чего»?

Предложный падеж (зарыф төшеме): *кем хакында* «о ком»? *ни хакында* «о чем» [165, с. 6–10].

М. Умидбаев первым из татарских авторов отказывается от арабских терминов для названия падежей, использовавшихся в составленных ранее грамматиках на татарском языке. Для большинства из них он применяет татарские слова, представляющие собой кальки русских терминов, как и название самой категории падежа (төшем) [90, с. 72].

Прилагательные – вторая часть пособия – делятся на основные (төп сыйфат), сравнительные (нисбэт сыйфат) и превосходные (бөек сыйфат). Вторые образуются посредством суффикса *-рак/-рәк*, последние путем частичного повторения основы либо при помощи усилительных частиц: *бик* «очень», *зиядә* «весьма», *гайтә* «в значительной степени», *иң* «самый».

Числительные состоят из пяти разрядов: количественные (баш хисабы): *бер* «один», *ике* «два», *өч* «три»; порядковые (рәтләү хисабы): *беренче* «первый», *икенче* «второй», *өченче* «третий»; разделительные (бүлем хисабы): *берәр* «по-одному», *икешәр* «по-двое», *өчәр* «по-трое»; дробные (ваклау хисабы): *биштән өч* «три пятых», *алтыдан дүрт* «четыре шестых»; собирательные (жыю саны): *икәүләп* «вдвоем», *унаулашып* «вдесятером» [165, с. 11–13].

Местоимения, которые излагаются в третьей части, дробятся на семь разрядов и включают личные (замир шәхси), имеющие три лица (вәжһ) и два числа: *мин* «я», *без* «мы»; возвратные (замир изафи): *үз* «сам»; указательные (замир шәһадәт): *бу* «этот», *шул* «этот», «тот», *андагы* «тот»; относительные (замир нисби): *кем* «кто», *ни* «что», *кайсы* «который», *нинди* «какой», *кемнең* «чей»; вопросительные (замир сөаль): *кем* «кто», *ни* «что», *кайсы*

«чей», *ничә* «сколько» и др.; принадлежные (хужалык замиры), которые образуются через добавление к личным, возвратным и относительным местоимениям суффиксов *-м/-ым/-ем*, *-ың/-ең*, *-ның/-нең*; неопределенные (замир нәмәгълүм): *бер кемсә* «кто-то», *кем булса* «кто-нибудь»; определенные (замир мәгълүм): *һәр бер* «каждый», *һәр һәрсә* «всякое», *һәр кайсы* «каждый» и др. Принадлежащие местоимения помимо указанной формы имеют еще два типа. Первый (мөстәкыйль дәрәжә) образуется через присоединение суффикса *-ныкы/-неке*, который в настоящее время представляет категорию принадлежности местоимений. Второй тип (исал дәрәжә) образуется через суффиксы *-ым/-ем/-м*, *-ың/-ең/-ң*, *-ы/-е*, *-сы/-се*, которые в современной грамматике рассматриваются как показатели категории принадлежности имен. Местоимения подобно именам существительным склоняются по падежам, но при этом претерпевают несколько иные словоизменения, которые излагаются в соответствующих комментариях, снабженных таблицами [165, с. 13–18].

Четвертая часть трактата отведена глаголу. Глаголы делятся на три основные группы: основные (асли), временные (замани) и вторичные (фәрги); они также могут быть утвердительными (мөсбәт) и отрицательными (мәнфи) (совр. аспекты глагола).

Основная форма глагола (масдар) не указывает на время, образуется с помощью суффиксов *-мак/-мәк* и *-маска/-мәскә* для утвердительного и отрицательного аспектов соответственно. Масдар имеет следующие разновидности: 1) масдар действия (гамәл масдары), требующий дополнения в именительном падеже: *сукмак* «ударять», *күрмәк* «видеть»; 2) масдар середины (урта масдары), не требующий дополнения: *ятмак* «лежать», *очмак* «лететь»; 3) воз-

вратный масдар (кайтару масдары) – суффикс *-ын/-ен/-н*: *күренмәк* «показываться», *юынмәк* «мыться»; 4) взаимно-совместный масдар (алышу масдары) – суффикс: *-ыш/-еш/-ш*: *аралашмәк* «общаться», *күрешмәк* «встречаться»; 5) страдательный масдар (мөбтәлә масдары) – суффикс: *-ыл/-ел/-л*: *язылмәк* «быть написанным», *укылмәк* «быть прочитанным»; 6) понудительный масдар (мөтәгәдди – көчләмәк масдары). Последний тип масдаров имеет две степени. Первая образуется при помощи суффиксов *-т*, *-ыр/-ер/-р*: *каратмәк* «заставить смотреть», *качырмәк* «заставить прятать», *яздырмәк* «заставить писать». Вторая оформляется через суффиксы *-дыр/-дер*, *-тыр/-тер*, *-дырт/-дерт*, *-тырт/-терт*: *сөйләттермәк* «заставить говорить (посредством третьего лица), *яздыртмәк* «заставить писать (посредством третьего лица)» (совр. осложненная форма понудительности).

Спрягаясь, глаголы изменяются по лицам и числам. При этом они принимают соответствующие суффиксы. Времена глагола следующие: настоящее (замани хәл), прошедшее (замани мазый), будущее (замани мөстәкбаль).

Глагол настоящего времени кроме синтетической формы (хәли шөһуди) *язамын* имеет и аналитическую форму (хәли кыяс), состоящую из неизменяемого смыслового глагола в третьем лице единственном числе и спрягаемого вспомогательного глагола *торган*, например: *яза торганмыз*.

Глагол прошедшего времени имеет девять форм, шесть из которых аналитические:

1. Мазый мутлак шөһуди (прошедшее категорическое): *яздым* «я написал».

2. Мазый нәкълинең беренче дәрәжәсе (прошедшее результативное первого вида) (совр. прошедшее

результативное). Образуется путем присоединения к причастию прошедшего времени личных суффиксов: *язганмын* «я уже взял».

3. Мазый нәкълинең икенче дәрәжәсе (прошедшее результативное второго вида). Образуется путем присоединения к деепричастию прошедшего времени (формируется посредством суффикса *-ын/-ен*) личных суффиксов: *языпмын* «я уже написал».

4. Мазый мәжһүл (прошедшее неопределенное) (совр. прошедшее незаконченное) имеет в основе глагол настоящего времени, к которому присоединяется вспомогательный глагол *иде* «был», изменяемый по лицам и числам: *яза идем* «я тогда писал».

5. Мазый чандбар (прошедшее незаконченное) состоит из глагола будущего времени в третьем лице и спрягаемого вспомогательного глагола *иде*: *язар идем* «я бы написал».

6. Мазый гозар беренче дәрәжә (преждепрошедшее время первого вида). Образуется путем сочетания глагола мазый нәкъли первой степени и спрягаемого вспомогательного глагола *иде*: *язган идем* «я тогда написал».

7. Мазый гозар икенче дәрәжә (преждепрошедшее время второго вида). Представляет собой конструкцию из глагола прошедшего результативного времени второй степени и спрягаемого вспомогательного глагола *иде*: *язып идем* «в процессе моего письма».

8. Мазый бәгид чандбар (давно прошедшее незаконченное) (совр. прошедшее многократное). Имеет в основе глагол хәли кыйәс, к которому присоединяется изменяемый по лицам и числам вспомогательный глагол *иде*: *язган идем* «я обычно писал».

9. Мазый бәгид мәжһул (давно прошедшее неопределенное). Состоит из причастия прошедшего времени, к которому присоединяются суффиксы принадлежности, и неизменяемого вспомогательного глагола *бар*: *язганым бар* «я когда-то писал».

Будущее время глагола представлено тремя формами:

1. Заман мөстәкбаль (будущее время) *языр* «он напишет» (совр. будущее неопределенное), образуется посредством суффикса *-ыр/-ер/-р*.

2. Мөстәкбаль икенче дәрәжә (будущее время второго вида) (совр. желательное наклонение), оформляется через суффиксы *-гай/-гәй*, *-кай/-кәй*: *язгаймын* «написал бы я».

3. Мөстәкбаль шартый (будущее обусловленное) состоит из спрягаемого основного глагола, образующегося при помощи суффикса *-са/-сә*, и модального слова *кирәк* «надо», например: *язсам кирәк* «я напишу».

В повелительном наклонении употребляются глаголы только 2-го и 3-го лица: *яз* «пиши», *языгыз* «пишите», *язсын* «пусть он пишет», *язсыннар* «пусть они пишут».

Условное наклонение глагола (фигыль шартый) помимо простой своей формы – *язсам* «если я напишу» – имеет следующие аналитические варианты:

1. Шарт кыяси (аналогичное условие) образуется путем прибавления к аналитической форме глагола настоящего времени (хәли кыяс) глагола *булмак* «быть», употребленного в условном наклонении, изменяемого по лицам: *яза торган булсам* «если бы я продолжал писать».

2. Шарт йекбар (ирреальное условие) образуется путем прибавления к причастию прошедшего времени изменяемого по лицам глагола *булмак*, стоящего в условном наклонении: *язган булсам* «если бы я написал».

3. Шарт мөстәкбаль (будущее условие) образуется путем прибавления к глаголу условного наклонения, принимающего личные суффиксы, вспомогательного глагола *иде*: *язсам иде* «мне бы хотелось написать».

4. Шарт тәмәнни йекбар (желаемое ирреальное условие) представляет собой конструкцию, состоящую из глагола первой степени прошедшего результативного времени, и вспомогательного глагола *булмак*, употребленного в условном наклонении, принимающим суффиксы лица, и неизменяемого глагола *иде*: *язган булсам иде* «если бы я закончил писать».

5. Шарт тәмәнни чандбар (желаемое реальное условие) образуется путем прибавления к глаголу настоящего времени третьего лица вспомогательного неизменяемого глагола *торган*, глагола *булмак*, принимающего суффиксы лица, и глагола *иде*: *яза торган булсам иде* «если бы я писал» [165, с. 18–32].

В пятой и шестой частях трактата излагаются вторичные глаголы (эфгаль фэргья), к которым относятся причастия (эфгаль истимрарийя) и деепричастия (эфгаль мокарэбэ).

Причастия являются адъективированными глаголами, которые, сочетая в себе признаки глагола и прилагательного, изменяются по временам и падежам. Причастие настоящего времени образуется: 1) посредством суффикса *-гучы/-гүче*: *язгучы* «пишущий»; 2) путем добавления к смысловому глаголу в третьем лице единственном числе вспомогательного глагола *торган*: *яза торган*. Причастие прошедшего времени оформляется через суффиксы *-ган/-гән*, *-мыш/-меш*: *күргән* «видевший», *язмыш* «писавший». Причастие будущего времени образуется посредством суффиксов *-ар/-эр*, *-ачак/-эчэк*,

-асы/-эсе, -макчы/-мәкче: *язар*, *язачак*, *язасы*, *язмакчы* «который напишет».

Деепричастия – это адвербализированные глаголы. Деепричастие настоящего времени образуется посредством суффиксов *-а/-ә*, *-й*: *тора* «стоя», *күрә* «видя». Деепричастие прошедшего времени оформляется с помощью суффиксов *-ын/-еп*, *-гач/-гәч*: *язын*, *язгач* «написав», *күргәч* «увидев». Деепричастие будущего времени образуется при помощи суффикса *-ганчы/-гәнче*: *язганчы* «прежде, чем написать», *белгәнче* «прежде, чем узнать» [165, с. 32–33].

Седьмой раздел посвящен наречиям, которые делятся на четыре вида: основные, заимствованные, производные, составные.

Основные наречия (асыл адәтләр) представлены собственными таковыми; к ним относятся: *аз* «мало», *күп* «много», *соң* «поздно» и др.

Заимствованные наречия (алынган адәтләр) представлены словами арабского и персидского происхождения: *тәхкыйк* «действительно», *шаять* «возможно», *даим* «постоянно и т.п.

Производные наречия (ясалган адәтләр) являются словами, представляющими другие части речи, употребленные в той или иной падежной форме: *кичәсен* «вечером» (вин. п.), *бушка* «впустую» (дат. п.), *дустлык белән* «по-дружески» (совмест. п.).

Составные наречия (жыелган адәтләр) представляют конструкции из двух либо трех слов: *бу вакытта* «в это время», *һичкайда* «нигде», *көн саен* «каждый день», *һәр-кайчан* «всегда» [165, с. 33–34].

Во второй части трактата освещаются второстепенные части предложения; сюда входят обстоятельство (зарыф),

которое представлено суффиксами со значением обстоятельства и признака – *-да/-дә, -дан/-дән, -ча/-чә*, – послелоговыми и послеложными словами, союзы (соединительные, противительные, разделительные, подчинительные) и междометия [165, с. 34–35].

Оставшиеся разделы пособия посвящены синтаксису, орфографии и пунктуации.

Арабские термины, использованные в пособии
М. Умидбаева «Татарча нәхүнең мохтәсары»

Части речи: исме сыйфат (имя прилагательное), киная (местоимение), фигыль (глагол), зарыф (обстоятельство), гатыф (союз), нидә (междометие), адәт (частица, суффикс);

семантические разряды существительных: исме галәм (имя собственное), исме женес (имя нарицательное);

категория числа: мөфрәд (единственное число), жәмг (множественное число);

времена глагола: замани хәл (настоящее время), замани мазый (прошедшее время), замани мөстәкбаль (будущее время);

наклонения глагола: әмер (повелительное), фигыль шартый (условное).

Персидские термины и грамматические
наименования на их основе

Времена глагола: мазый мутлак шөһуди (простая форма глагола прошедшего времени), мазый чандбар (прошедшее незаконченное), мазый гозар беренче дәрәжә (преждепрошедшее время первой степени), мазый гозар

икенче дәрәжә (преждепрошедшее время второй степени), мазый бәгид чандбар (прошедшее незаконченное в прошлом), мазый нәкъли (прошедшее результативное), мазый мәжһүл (прошедшее неизвестное), мазый бәгид мәжһүл (прошедшее неизвестное в прошлом);

формы условного наклонения: шарт тәмәнни чандбар (желаемое реальное условие), шарт йекбар (ирреальное условие), шарт тәмәнни йекбар (желаемое ирреальное условие);

безличные формы глагола: эфгаль истимрарийя (причастия), эфгаль мокарэбә (деепричастия);
вәжһ (лицо).

Собственно татарские термины на основе арабских слов

Падежи: исем төшеме (именительный), изафә төшеме (родительный), мэдэд төшеме (совместный), зарыф төшеме (предложный);

разряды местоимений: замир шәхси (личные), замир шәһадэт (указательные), замир изафи (возвратные), замир нисби (относительные), замир сөаль (вопросительные);

разряды числительных: баш хисабы (количественные), рәтләү хисабы (порядковые), бүлем хисабы (разделительные), ваклау хисабы (дробные);

времена глагола: хәл шөһуди (синтетическая форма глагола настоящего времени), хәли кыяс (аналитическая форма глагола настоящего времени), мазый мәжһүл (прошедшее неизвестное), мазый бәгид мәжһүл (прошедшее неизвестное в прошлом), мөстәкбаль икенче дәрәжә (вторая степень будущего времени), мөстәкбаль шарты (условие в будущем);

формы условного наклонения: шарт кыяси (аналогичное условие), шарт мөстәкбаль (будущее условие);

виды масдаров: гамәл масдары (масдар действия), урта масдары (масдар середины), кайтару масдары (возвратный масдар), алышу масдары (взаимно-совместный масдар), мөбтәла масдары (страдательный масдар), мөтәгадди – көчләмәк масдары (понудительный масдар);

группы глаголов: фигыль асли (основной глагол), фигыль замани (временной глагол), фигыль фәрги (вторичный глагол);

аспекты глагола: фигыль мөсбәт (утвердительный глагол), фигыль мәнфи (отрицательный глагол);

исме вөжүд (имя существительное), исме мәжмәг (имя собирательное).

«Төрки сарыфы» («Морфология татарского языка») А. Мухаммадрахима

Первые страницы пособия отводятся материалу по орфографии и фонетике. Татарский алфавит состоит из 34 букв, в котором помимо 29 арабских – вместе с хамзой – имеется 5 дополнительных графем для обозначения специфических татарских звуков: پ – п, چ – ч, ژ – ж, گ – г, ئ – н. Кроме букв, по аналогии с арабским языком, используются также и огласовки (харакат) для передачи гласных звуков [197, с. 2–4].

Части речи представлены именем (исем), глаголом (фигыль) и частицей (хәреф). Классификация частей речи и их определения идентичны арабским. Имя – это слово, самостоятельно указывающее на какое-либо значение, вне связи со временем. Глагол – слово, самостоятельно указывающее на какое-либо значение в связи с одним из трех

видов времени. Частица – слово, не указывающее на значение самостоятельно.

Имя делится на следующие семантические разряды: существительное (исме зат), прилагательное (исме сый-фат), местоимение (замир).

Местоимение имеет три лица: первое (мөтәкәллим), второе (мухатаб), третье (гаиб). Имя существительное может быть собственным (исме хас/галәм) и нарицательным (исме женес), употребляться в единственном (мөфрэд) и множественном числах (жәмг), склоняться по падежам (ахваль). Падежи (хэл) следующие: 1) именительный (ялангач/мөжәррэд) – *каләм* «карандаш»; 2) винительный (аны кылынмыш/мәфгуль биһ) – *каләмне* «карандаш»; 3) место-временной (анда кылынмыш/мәфгуль фиһ) – *каләмдә* «в карандаше»; 4) исходный (андан кылынмыш/мәфгуль минһ) – *каләмдән* «из карандаша»; 5) дательный (аңа кылынмыш/мәфгуль иләйһ) – *каләмгә* «карандашу»; 6) направительный (аның өчен кылынмыш/мәфгуль ләһ) – *каләм өчен* «для карандаша»; 7) совместный (аның белән кылынмыш/мәфгуль мәгәһ) – *каләм белән* «карандашом»; 8) приставительный (аңа кушылмыш/мозаф иләйһ) – *каләмнең* «карандаша»; 9) принадлежный (гайресенә кушылмыш/мозаф) – *каләме* «его карандаш».

Конструкция, состоящая из двух слов, в которой первое слово (мозаф в переводе с арабского означает «приставляемое») приставляется ко второму (мозаф иләйһ – то, к чему приставляют), называется *изафә*, например: *баланың китабы* «книга ребенка».

Существует три типа словосочетаний (мураккәб): словосочетание принадлежности (мураккәб изафи) – *баланың китабы* «книга ребенка»; описательное словосочетание

(мураккэб васфи) – *ак кагэд* «белая бумага»; словосочетание отношения (мураккэб иснэди) *каләм камышдыр* «перо – это камыш».

Имеется категория так называемых местоимений принадлежности (замир изафи) (совр. суффиксы принадлежности): *китабым* «моя книга», *китабың* «твоя книга», *китабы* «его книга» и т.д. При склонении данные местоимения принадлежности получают несколько иной фонемный состав.

Конструкция, содержащая в себе значение уподобления, называется *изафэ тәшбиһия*, что значит «уподобительный изафет», например: *гылем дарьясы* «река знания», где знание сравнивается с рекой. Изафет, в котором раскрывается вид предмета, называется *изафэ бәяния* (разъяснительный изафет): *каен агачы* (дерево береза). Изафет, в котором вид предмета не разъясняется, называется *изафэ ләмия* (изафет «ляма»): *баланың китабы* «книга ребенка». Данная конструкция получила такое название по той причине, что в подобных словосочетаниях арабского языка подразумевается предлог *ли* «для» [197, с. 4–15].

Атрибутивное слово (сыйфат) служит для раскрытия свойства какого-либо предмета и употребляется перед определяемым словом (мәусуф), как слово *яшель* «зеленое» в словосочетании *яшель байрак* «зеленое знамя». Такого рода словосочетание называется «атрибутивная конструкция» (мураккэб васфи).

По способу образования прилагательные делятся на традиционные (сэмагый) и образованные по аналогии (кыяси). Традиционные прилагательные являются таковыми изначально (*кызыл* «красный», *ак* «белый»), в отличие от образованных по аналогии, оформляющихся посред-

ством суффиксов (адэт) (*әдәпле* «воспитанный», *үткен* «острый», *яхшырак* «превосходный») [197, с. 15–18].

Числительные (исме гадэд) состоят из четырех разрядов: количественные (гадэд асли): *бер* «один», *ике* «два», *өч* «три»; порядковые (гадэд васфи): *беренче* «первый», *икенче* «второй», *өченче* «третий»; дробные (гадэд кәсри): *өчтән бер* «одна третья», *ундан ике* «две десятых», *йөздән ун* «десять сотых»; разделительные (гадэд тәүзигый): *берәр* «по одному», *бишәр* «по пять», *алтышар* «по шесть» [197, с. 18–20].

Указательные местоимения (исме ишарә) (*бу* «этот/эта» – для указания на близкие предметы; *шул* «тот/та» – для указания на отдаленные предметы; *теге* «этот/эта» – для указания на значительно отдаленные предметы) способны склоняться по падежам и принимать суффиксы принадлежности.

Местоимения делятся на четыре типа: личные (замир шәхси): *мин* «я», *син* «ты», *ул* «он»; принадлежные (замир изафи) – суффиксы принадлежности в примерах: *китабым* «моя книга», *китабың* «твоя книга», *китамыбыз* «наша книга»; относительные (замир нисби), примыкающие к сказуемому: *мин халфәмен* «я учитель», *син халфәсең* «ты учитель», *ул халфәдер* «он учитель»; глагольные (замир фигъли) – суффиксы лица в глаголах: *яздым* «я написал», *яздың* «ты написал», *язды* «он написал»; описательные (замир васфи) – суффиксы *-гы/-ге*: *укудагы* «который на учебе», *өйдәге* «который в доме» [197, с. 20–25].

Основой глагола является масдар, который образуется посредством суффикса *-мак/-мәк*: *язмак* «писать», *укымак* «читать».

Глаголы и масдары относительно утверждения и отрицания действия бывают утвердительными (*мәсбәт*):

язмак «писать», *язды* «он написал» и отрицательными (мәнфи). Вторая форма образуется посредством вставки суффикса *-ма/-мә*: *язмамак* «не писать», *язмады* «он не написал».

От основного масдара образуется четыре типа масдаров: утвердительный (масдар тәъкиди): *язмаклык* «писать», *курмаклек* «видеть»; легкий (масдар тәхфифи): *язма*, *курмә*; результатный (хасыль масдар): *язмыш*, *курмеш*; имя-масдар (исме масдар): *язу*, *күрү* [197, с. 25–28].

Далее следует материал синтаксического характера, где описываются компоненты предложения [197, с. 28–33].

Глаголы могут быть употреблены в действительном (мәгълүм) и страдательном залогах (мәжһүл), быть переходными (мөтәгәдди) и непереходными (ләзим). Страдательный залог образуется посредством суффикса *-л*: *язды* «написал» – *язылды* «был написан». Для преобразования непереходных глаголов в переходные используются суффиксы *-дыр/-дер*, *-т*: *көл* «смейся» – *көлдөр* «рассмеши», *аша* «ешь» – *ашат* «корми» (совр. понудительный залог). Эти же суффиксы используются для преобразования переходных глаголов в вдвойне и втройне переходные: *көл* «смейся», *көлдөр* «рассмеши», *көлдөрт* «рассмеши».

Основной масдар служит производной для образования пятнадцати типов словоформ: 1) повелительное наклонение глагола (боермак сыйгасы /эмер): *күр* «смотри»; 2) прошедшее категорическое время глагола (үткәнне күреп сөйләү сыйгасы/мазый шөһүди): *күрде* «он видел»; 3) прошедшее результативное время глагола (үткәнне күчереп сөйләү сыйгасы/мазый нәкъли): *күргән* «он уже видел»; 4) настоящее время глагола (хәзерге эшнен сыйгасы/хәл): *күрә* «он видит»; 5) будущее время глагола (охшаучы сыйга /мозариг): *күрер* «он увидит»; 6) форма

будущего действия (килэчэк эшнең сыйгасы/мөстэкбаль): *курғай* «увидел бы он»; 7) форма долженствования (лэзим эшнең сыйгасы/фигыль вөжүби): *курмале* «следует увидеть»; 8) условное наклонение глагола (шарт булган эшнең сыйгасы/фигыль шартый): *күрсә* «если он увидит»; 9) имя действующего (причастие действительного залога) (кылучының исеме/исме-л-фагыйль): *күрүче* «видящий»; 10) имя подлежащее (причастие страдательного залога) (кылынмышның исеме /исме-л-мәфгуль): *күрелүче* «видимый»; 11) имя усиленного качества (күп кылучының исеме/исме мөбаләга): *күрүчән* «внимательный»; 12) имя времени совершения действия (эш заманының исеме/исме заман): *күрерчак* «время видеть»; 13) имя места совершения действия (эш урынының исеме /исме мэкән): *күрертөш* «место обзора»; 14) имя орудия совершения действия (эш коралының исеме/исме аләт): *күргеч* «инструмент для смотра»; 15) имя превосходного совершения действия (артык кылучының исеме/исме тәфзыйль): *күрүчерәк* «видящий лучше» [197, с. 34–48]. Здесь также наблюдается перенос из арабской грамматической системы типов словоформ – производных от масдара.

В заключительной части трактата освещаются частицы (хәрәф), состав которых неоднороден и включает междометия, наречия, словоизменяемые суффиксы, послелоги, союзы и частицы [197, с. 48–54].

Арабские термины, использованные в пособии А. Мухаммадрахима «Төрки сарыфы»

Части речи: исме зат (имя существительное), исме сыйфат (имя прилагательное), фигыль (глагол), замир (местоимение), исме гадәд (числительное), хәрәф (частица);

семантические разряды существительных: исме хас/галәм (имя собственное), исме женес (имя нарицательное);

категория числа: мөфрэд (единственное число), жәмг (множественное число);

падежи: мөжаррэд (именительный), мөфгуль биһ (винительный), мөфгуль фиһ (место-временной), мөфгуль ләһ (направительный падеж), мөфгуль мэгәһ (совместный), мозаф иләйһ (приставительный);

категория лица: мөтәкәллим (первое лицо), мухатаб (второе лицо), гаиб (третье лицо);

разряды прилагательных: исме сыйфат сәмагый (традиционные), исме сыйфат кыяси (образованные по аналогии);

залог глагола: мэгълүм (действительный), мәжһүл (страдательный);

времена глагола: хәл (настоящее), мозариг (настоящее-будущее), мөстәкбаль (будущее);

типы словоформ: исме-л-фагыйль (имя действителя), исме-л-мөфгуль (имя поддейственное), исме мөбаләга (имя усиленного качества), исме заман (имя времени совершения действия), исме мәкән (имя места совершения действия), исме аләт (имя орудия совершения действия), исме тәфзыйль (имя превосходного совершения действия);

типы словосочетаний: изафә (изафет), изафә тәш-биһия (уподобительный изафет), изафә бәяния (разъяснительный изафет), изафә ләмия (изафет «ляма»), мураккәб (словосочетание), мураккәб изафи (словосочетание принадлежности), мураккәб васфи (описательное словосочетание), мураккәб иснәди (словосочетание относительное);

различные термины и понятия: адэт (суффикс), хэл (падеж), маусуф (определяемое слово), исме ишарэ (указательные местоимения), исме масдар (имя-масдар), фигыль мөтэгэдди (переходный глагол), фигыль лэзим (непереходный глагол), эмер (повелительное наклонение глагола), фигыль шартый (условное наклонение глагола).

Персидские термины

Времена глагола: мазый шөһүди (прошедшее категорическое), мазый нэкъли (прошедшее результативное).

Собственно татарские термины на основе арабских слов

Падежи: мәфгуль минһ (исходный), мәфгуль иләйһ (дательный), мозаф (принадлежный);

разряды местоимений: замир шәхси (личные), замир изафи (принадлежащие), замир нисби (относительные), замир фигъли (глагольные), замир васфи (описательные);

разряды числительных: гадэд асли (количественные), гадэд васфи (порядковые), гадэд кәсри (дробные), гадэд тәүзигый (разделительные);

аспекты глагола: фигыль мөсбәт (утвердительный глагол), фигыль мәнфи (отрицательный глагол);

виды масдаров: масдар тәъкиди (масдар подтверждение), масдар тәхфифи (легкий масдар), хасыль масдар (масдар результата);

фигыль вөжүби (форма долженствования).

«Төрки сарыфы» («Морфология татарского языка»)

А. Максуди

Объем трактата – 48 страниц. На титульном лице говорится о том, что данное пособие было написано по образу арабских, персидских, русских и французских грамматик. Во вводной части приводятся сведения относительно этимологии слова «тюрк», некоторые исторические данные о татарах и сведения о местах расселения наиболее крупных тюркских народов [203, с. 2–3].

Первые разделы учебника посвящены вопросам фонетики и орфографии. Татарский алфавит помимо 28 арабских букв имеет дополнительные 5 символов: پ – п, چ – ч, ژ – ж, گ – г, ئڭ – н. Буквы ث, ح, ذ, ض, ظ, ع наличествуют только в арабских заимствованиях. Отдельно упоминается символ ؤ – в, который присутствует во заимствованиях из русского языка. Часть букв татарского языка имеет постоянное мягкое либо твердое произношение; некоторые буквы могут произноситься обоими способами, в зависимости от позиции в слове. Первая группа: ت – т (теш), س – с (сез), ك – к (кер), گ – г (ги), ه – h (ah); вторая группа: ط – т (таш), ص – с (саз), ق – к (кар), غ – г (гы), خ – х (ах); третью группу образуют остальные буквы [203, с. 4–8].

В татарском языке имеется восемь частей речи: местоимение (замир), имя существительное (исем), имя прилагательное (сыйфат), имя числительное (гадэд), глагол (фигыль), наречие (каид), частица (адэт), междометие (савыт). Как можно заметить, здесь, в отличие от арабской классификации частей речи (имя, глагол, частица), такие разряды имени как существительное, прилагательное, местоимение, числительное и наречие автор рассматривает как отдельные части речи наряду с глаголом и частицами.

Последние представлены различными релятивными суффиксами и послелогоми. Отметим также, что междометия в арабской грамматике входят в класс частиц.

Местоимения делятся на пять следующих разрядов: личные (шәхес замирлары): *мин* «я», *без* «мы», *син* «ты», *сез* «вы», *ул* «он/она», *алар* «они»; повествовательные (хәбәр замирлары): *минекә* «мой», *безнеке* «наш», *синекә* «твой», *сезнеке* «ваш», *аныкы* «его», *аларныкы* «их» (совр. местоимения с суффиксом принадлежности *-ныкы/-неке*); притяжательные (мозаф замирлары): *минем*, *безнең*, *синең*, *сезнең*, *аның*, *аларның* (совр. местоимения в притяжательном падеже); указательные местоимения (ишарә замирлары): *бу* «этот», *болар* «эти», *теге* «тот», *тегеләр* «те», *шул* «тот», *шулар* «те»; вопросительные местоимения (сөаль замирлары): *кем* «кто», *кемләр* «кто» (мн. ч.), *ни* «что», *ниләр* «что» (мн. ч.), *кайсы* «который», *кайсылар* «которые», *нинди* «какой», *ниндиләр* «какие».

Личные местоимения делятся на три лица: мөтәкәллим (1-е лицо), мохатаб (2-е лицо), гаиб (3-е лицо); могут быть в единственном (мөфрәд) и множественном числах (жәмг). Личные, повествовательные, притяжательные и указательные местоимения способны изменяться по лицам и числам. Такое явление называется «сарыф». Вопросительные местоимения изменяются только по числам [203, с. 7–10].

Имена существительные делятся на две группы: собственные (галәм) и нарицательные (женес), подобно местоимениям могут употребляться в единственном и множественном числах – последнее образуется посредством суффикса *-лар/-ләр*, – а также изменяться по лицам и числам, следуя за притяжательным местоимением: *аның киеме* «его одежда», *аларның киемләре* «их одежды», *аның*

киемләре «его одежды», *аларның киемләре* «их одежды»; *синең киемең* «твоя одежда», *сезнең киемегез* «ваши одежды», *синең киемләрең* «твои одежды», *сезнең киемләрегез* «ваши одежды»; *минем киемем* «моя одежда», *безнең киемебез* «наша одежда», *минем киемләрем* «мои одежды», *безнең киемләребез* «наши одежды» (совр. суффиксы принадлежности). Таким образом автор указывает на морфолого-синтаксический способ выражения категории принадлежности.

Конструкция, состоящая из притяжательного местоимения и существительного (*аның киеме* «его одежда»), называется *мозаф вә мозаф иләйһ*, где *мозаф* – существительное, *мозаф иләйһ* – притяжательное местоимение. Аналогичные по структуре конструкции могут состоять из имен в обеих частях, например: *егетебезнең киеме* «одежда нашего парня» (совр. 3-й тип тюркского изафета) (аффиксы первого компонента в данных конструкциях являются суффиксами притяжательного падежа). В некоторых случаях суффикс принадлежности в первом компоненте может отпадать: *агач алмасы* «яблоко дерева» (совр. 2-й тип тюркского изафета). Члены подобных конструкций могут менять позиции: *Кесәсе Биктимерның бик тирән* «У Биктимера глубокий карман».

Имена существительные могут принимать семь падежных форм (игъраб), в зависимости от того, на какой вопрос они отвечают.

Основной падеж (бәйән): *кем* «кто»? *кеше* «человек»; *ни* «что»? *кием* «одежда».

Притяжательный падеж (мозаф иләйһ): *кемнең* «чей»? *кешенең* «человека»; *нинең* «чей»? *киемнең* «одежды».

Направительный падеж (мәфгуль иләйһ): *кемгә* «кому»? *кешегә* «человеку»; *нигә* «чему»? *киемгә* «одежде».

Винительный падеж (мәфгуль биһ): *кемне* «кого»? *кешене* «человека»; *нине* «что»? *киемне* «одежду».

Место-временной падеж (мәфгуль фиһ): *кемдә* «где»? *кешедә* «у человека»; *нидә* «у чего»? *киемдә* «у одежды».

Исходный падеж (мәфгуль минһ): *кемнән* «от кого»? *кешедән* «от человека»; *нидән* «от чего»? *киемдән* «от одежды».

Подобный падеж (мисал): *кемчә* «как»? *кешечә* «по-человечески»; *ничә* «как»? *киемчә* «подобно одежде». Данный падежный аффикс в настоящее время соответствует суффиксу наречия.

Склонение слов, имеющих при себе суффиксы принадлежности, несколько отличается от склонения слов, у которых таковых нет. Суффикс *-га/-гә* направительного падежа в 1-м и 3-м лицах заменяется на *-ма/-мә* и *-на/-нә*: *киемемә*, *туныма*; *киеменә*, *тунына*. В 3-м лице вместо суффикса винительного падежа *-ны/-не* используется суффикс *-ын/-ен*. При присоединении в 3-м лице суффиксов место-временного, исходного и подобного падежей (*-да/-дә*, *-дан/-дән*, *-ча/-чә*), перед ними добавляется суффикс *-н*: *киемендә*, *тунында*; *киемендән*, *тунындан*; *киеменчә*, *тунынча*. Свою систему склонения имеют и местоимения.

Основной падеж: *мин* «я», *без* «мы»; *син* «ты», *сез* «вы»; *ул* «он», *алар* «они».

Притяжательный падеж: *минем* «мой/моя», *безнең* «наш»; *синең* «твой/твоя», *сезнең* «ваш»; *аның* «его/ее», *аларның* «их».

Направительный падеж: *миңа* «мне», *безгә* «нам»; *сиңа* «тебе», *сезгә* «вам»; *аңа* «ему/ей», *анларга* «им».

Винительный падеж: *мине* «меня», *безне* «нас»; *сине* «тебя», *сезләргә* «вас»; *аны* «его/ее», *анларны* «их».

Место-временной падеж: *миндә* «у меня», *бездә* «у нас»; *синдә* «у тебя», *сездә* «у вас»; *анда* «у него/нее», *анларда* «у них».

Исходный падеж: *миндән* «от меня», *бездән* «от нас»; *синдән* «от тебя», *сездән* «от них»; *андан* «от него/нее», *алардан* «от них».

Подобный падеж: *минемчә* «по моему», *безнеңчә* «по нашему»; *синеңчә* «по твоему», *сезнеңчә* «по вашему»; *аныңчә* «по его/ее», *аларча* «по ихнему».

Имена существительные, к которым присоединяются следующие суффиксы, преобразуются в прилагательные: *-чы/-че* (совр. суффикс существительного), *-лы/-ле*, *-сыз/-сез*, *-гы/-ге*, *-кы/-ке*, *-даш/-дәш* (совр. суффикс существительного), *-сыман/-семән*, *-ныкы/-неке* (совр. суффикс принадлежности).

При присоединении к нарицательным существительным суффикса *-лык/-лек*, образуется имя места: *агачлык* «место, где растут деревья», *үләнлек* «поляна» [203, с. 11–18]. Термин для данного типа словоформ заимствован из арабских грамматик.

Прилагательные – это слова, которые главным образом отвечают на вопросы *кайсы* «который»? *нинди* «какой»? Они могут быть как исконными (чын сыйфат), так и производными (ясалма сыйфат).

В некоторых случаях к прилагательным присоединяются суффиксы *-рак/-рәк*, *-сыман/-семән*, (совр. послелог) *-сымак/-семәк* (совр. послелог), *-ча/-чә* (совр. суффикс наречия). Таким способом образуется форма сравнительных прилагательных (чагыштыру сыйгасы): *кечкенәрәк* «меньше», *ваксыман* «мельче», *салкынча* «холоднее». При помощи суффикса *-лык/-лек* образуются имена абстрактные (мәгънәви женес): *зурлык* «величи-

на», *суыклык* «холод». Подобно именам существительным и местоимениям прилагательные изменяются по падежам [203, с. 18–19].

Числительные (гадәд) бывают двух видов: полные (бөтен санлар) и частичные (өлеш санлар). К первым относятся все известные числительные, начиная с одного. Ко вторым относятся слова, обозначающие дробные части полных числительных: *икедән бер* «одна вторая», *өчтән ике* «две третьих».

В некоторых случаях к числительным присоединяются суффиксы *-ау/-әү*, *-ар/-әр/-р*, *-шар/-шәр*, *-ынчы/-енче*, *-лык/-лек*, *-лан/-лән*. В случае с суффиксами *-ынчы/-енче* и *-лык/-лек* образуются прилагательные: *беренче* «первый», *икенче* «второй», *өчлек* «на троих», *алтылык* «на шестерых» [203, с. 20–21].

Парадигматический ряд глагола представлен следующими классами форм: инфинитив (масдар), прошедшее время (мазый), настоящее время (хэзер), будущее время (мөстәкбаль), повелительное наклонение (эмер), условное наклонение (шарт), форма долженствования (вөжүб), деепричастие (хэл), причастие (фагыйль), причастие страдательного залога (мәфгуль биһ).

Глаголы помимо своей утвердительной формы (вөжүди сыйга) могут иметь и отрицательный аспект (гәдәми сыйга), который образуется при помощи суффиксов *-ма/-мә*, *-мы/-ме*, *-мыйче/-мийче*, *-мас/-мәс*. Также глаголы, в зависимости от того, производится ли действие самим субъектом или же оно направлено на него, образуют действительный (мәгълүм сыйга) и страдательный залоги (мәжһүл сыйга). Страдательный залог выражается посредством суффиксов *-ын/-ен/-н*, *-ыл/-ел/-л*. Первый добавляется в том случае, когда последней коренной буквой глагола

основного залога является л: *белу* «знать» – *белену* «делаться явным», *эшләу* «работать» – *эшләнү* «делаться»; в большинстве других случаев примыкает суффикс *-ыл/-ел/-л*: *сату* «продавать» – *сатылу* «продаваться», *язу* «писать» – *язылу* «писаться» [203, с. 21–24].

Существует четыре варианта масдаров: 1) *белу* «знать», *язу* «писать», *эшләу* «работать»; 2) *белмәк*, *язмак*, *эшләмәк*; 3) *белмәклек*, *язмаклык*, *эшләмәклек*; 4) *белеш*, *язмыш*, *эшләш*. Некоторые масдары оканчиваются на *-ыч/-еч*: *сөөнеч* «радость», *куаныч*. В такого рода словах преобладают грамматические свойства имени существительного. Глаголы, так же как и имена, способны изменяться по лицам и числам.

Глаголы прошедшего, настоящего и будущего времен имеют по три формы.

Формы прошедшего времени: прошедшее категорическое (күрелгән мазый): *белде* «он узнал», *язды* «он написал», *эшләде* «он сделал»; прошедшее результативное (ишетелгән мазый): *белгән* «он уже знал», *язган* «он уже написал», *эшләгән* «он уже сделал»; преждепрошедшее (хикәя мазые): *белгән иде* «он тогда знал», *язган иде* «он тогда писал», *эшләгән иде* «он тогда делал».

Формы настоящего времени: обычное настоящее (гадәти хәзер): *белә* «знает», *язә* «пишет», *эшли* «работает»; настоящее длительное (дәвами хәзер): *белмәктә* «он знает», *язмакта* «он пишет», *эшләмәктә* «он работает»; настоящее в прошлом (мазый хәзери): *белә иде* «он тогда знал», *язә иде* «он тогда писал», *эшли иде* «он тогда работал» (совр. прошедшее незаконченное).

Формы будущего времени: 1) *белер* «он узнает», *язар* «он напишет», *эшләр* «он сделает» (совр. будущее неопределенное); 2) *беләчәк* «он непременно узнает», *язачак* «он

непрерывно напишет», *эшләячәк* «он непрерывно сделает» (совр. будущее категорическое); 3) *беләсе* «он узнает», *язасы* «он напишет», *эшлисә* «он сделает» (данная форма выражает «действие, которое непрерывно должно совершиться в будущем» [154, с. 95]). От этих трех аналитических форм посредством вспомогательного глагола *иде* «быть» образуется столько же синтетических конструкций, которые автор оставил без комментариев, поскольку их освоение для юных учащихся явилось бы затруднительным [203, с. 24–32].

Повелительное наклонение глагола имеет четыре формы: повеление (өстәү эмере): *бел* «знай», *белсен* «пусть он знает»; *яз* «пиши», *язсын* «пусть он пишет»; категорическое приказывание (боеру эмере): *белче*, *белсенче*, *язчы*, *язсынчы*; спрашивание (үтенү эмере): *белсәнә*, *белсенлә*, *язсана*, *язсынла*; мольба (дога эмере): *язгай идең*, *язгай иде*. Суффиксы *-чы/-че*, *-сана/-сәнә* – совр. частицы спрашивания; *-ла/-лә* – усилительная частица.

Условное наклонение глагола имеет пять форм: настоящее условие (хәзер шарты): *белсә* «если он узнает», *язса* «если он напишет», *эшләсә* «если он сделает»; прошедшее условие (мазый шарты): *белсә иде* «если бы он знал», *язса иде* «если бы он написал», *эшләсә иде* «если бы он сделал»; будущее условие (мөстакбаль шарты): *беләсе булса* «если он будет знать», *язасы булса* «если он будет писать»; внезапное условие (кинәтлек шарты): *белде исә* «как только он узнает», *язды исә* «как только он напишет»; ирреальное условие (булмаган шарт): *белгән булса иде* «если бы он знал», *язган булса иде* «если бы он написал».

При присоединении к глаголу условия настоящего времени модального слова *кирәк* «надо», образуется форма изъявления надежды (өмет сыйгасы): *белсә кирәк* «он

должно быть знает». В некоторых случаях к глаголу условия настоящего времени добавляется частица *-да/-дә* в значении *дәхи* (союз «и»), образуя «присоединенное условие» (магтуф шарт): *белсә дә* «если даже он узнает», *язса да* «если даже он напишет», *эшләсә дә* «если даже он сделает» (совр. частица, придающая условному наклонению глагола уступительное значение). Если к тому же глаголу присоединяются междометия наподобие *һай, ай*, образуется желательное наклонение (кызыгу сыйгасы): *һай белсә* «ох, если бы он знал», *ай язса* «эх, если бы он написал». Форма условия прошедшего времени также может употребляться для изъявления надежды [203, с. 32–35].

Форма долженствования (вөжүби сыйга) представлена пятью конструкциями: 1) *белмәле* «необходимо знать», *язмәле* «необходимо писать», *эшләмәле* «необходимо делать»; 2) *белергә тиешле, язарга тиешле, эшләргә тиешле*; 3) *белергә кирәк, язарга кирәк, эшләргә кирәк*; 4) *белмәй ярамы, язмай ярамы, эшләмәй ярамы*; 5) *белергә ярамы, язарга ярамы*.

Деепричастие (хәл) относительно времени другого действия может выражать следующие действия: 1) одновременное (хәзерге хәл): *белеп* «зная», *язып* «в процессе письма», *эшләп* «делая»; 2) предшествовавшее (әлеке хәл): *белгәнче* «прежде, чем узнать», *язганчы* «до того, как он написал», *эшләгәнче* «до того, как он сделал»; 3) следовавшее (соңгы хәл): *белгәч* «узнав», *язгач* «написав», *эшләгәч* «сделав»; 4) отсутствовавшее (гәдәми хәл): *белмәс борын* «не зная ранее», *язмас борын* «не писав ранее», *эшләмәс борын* «не сделав ранее»; 5) повторяемое (текрарле хәл): *яза-яза* «в процессе письма», *ашый-ашый* «в процессе еды», *карый-карый* «посматривая». Деепричастия не изменяются ни по числам, ни по лицам.

Причастие (фагыль) – глагольная форма, указывающая на исполнителя действия, – имеет четыре формы: 1) обычное причастие (гадэти фагыль): *белүче* «знающий», *язучы* «пишущий», *эшләүче* «работающий»; 2) превосходное причастие (артык фагыль): *белүчән* «знающий много», *язучан* «пишущий много», *эшләүчән* «трудолюбивый»; 3) причастие желания (арзулы фагыль): *белмәкче* «знать», *язмакчы* «писать», *эшләмәкче* «работать»; 4) причастия, образованные по традиции (сэмагый фагыль): *иренчәк* «ленивый», *уенчак* «игривый». Последний тип причастий может быть образован также посредством других суффиксов, наиболее распространенные из которых: *-гач/-гәч* (*белгәч* «знающий», *ашагач* «кушающий»), *-кач/-кәч* (*йоткач* «глотающий», *типкәч* «пинающий»), *-кан/-кән* (*качкан* «трусливый», *үткән* «острый»), *-ган/-гән* (*азган* «непослушный»), *-емсәк/-амсак* (*йөрөмсәк* «ходящий», *ашамсак* «кушающий»), *-чык/-чек* (*чуалчык* «запутанный», *өйрәнчек* «пытливый»), *-чан/-чән* (*иярчән* «повторяющий»), *-мешәк* (*киелмешәк* «одеваемый»), *-ләк*, *-калак* (*качкалак* «прячущийся»), *-ак* (*уенак* «играющий»), *-мер* (*үсмер* «растущий»), *-кыр/-кер* (*тапкыр* «находчивый», *үткер* «сообразительный»), *-әм* (*түзәм* «терпеливый»), *-әч* (*кәләч* «смеющийся»), *-у* (*калку* «поднимающийся»), *-ы* (*кауры* «линяющий»), *-кү* (*иңкү* «опускающийся»), *-гак/-гәк* (*бизгәк* «украшающий»), *-как/-кәк* (*куркак* «трусливый»), *-ынкы/-енке* (*чыгынкы* «выступающий»), *төшенке* «подавленный»), *-чы/-че* (*сакчы* «охраняющий»).

От некоторых форм причастий путем наращивания суффикса *-рак/-рәк* образуются сравнительные формы (чагыштыру сыйгасы): *белүчерәк* «более знающий», *язучырак* «пишущий больше», *белүчәнрәк* «знающий больше», *язучанрак* «пишущий больше».

Причастия страдательного залога (мәфгуль) помимо известного способа образования от причастий действительного залога (при помощи суффиксов *-ын/-ен/-н*, *-ыл/-ел/-л*: *белүче* «знающий» – *беленүче*, *беленүчән* «известный»; *белмәкче* «знать» – *беленмәкче* «стать известным») могут быть представлены формами страдательного залога глаголов прошедшего результативного, например, *беленгән* «ставший известным», и будущего времен – *беленәчәк* «будет известным». Существуют и другие формы образованных по традиции причастий при помощи следующих суффиксов: *-ма/-мә* (*ярма* «крупа», *катлама* «покрывало», *бүлмә* «комната», *сөзмә* «то, что процедили»), *-ыш/-еш* (*таныш* «знакомый», *белеш* «известный»), *-ныч* (*кызганыч* «вызывающий жалость», *таяныч* «опора»), *-өк/-ек* (*өзек* «оборванный», *китек* «расколотый»), *-ык* (*ачык* «открытый», *ябык* «закрытый»), *-гыч/-геч* (*жәсирән-геч* «вызывающий отвращение»), *-чык* (*болганчык* «сумятица», *валчык* «крошка»), *-тык* (*жәсиентык* «сборник», *сыентык* «собрание»), *-ынкы/-енке* (*салынкы* «расслабленный», *күтәрэнке* «преподнятый», *эленке* «вялый»), *-лы* (*тулы* «полный»), *-ым/-ем* (*алым* «доход», *салым* «налог»), *-чәк* (*кимерчәк* «хрящ»).

Форма страдательного залога может быть только у переходных глаголов (мәфгулле фигыль) [203, с. 36–40].

От некоторых глаголов и имен путем суффиксации образуется «форма орудия» (корал сыйгасы): *-ма/-мә* (*кабартма* «пышка», *эләктермә* «крючок»), *-гыч/-геч* (*кыргыч* «терка», *сөзгеч* «сито»); *-кыч/-кеч* (*ачкыч* «ключ», *чүкеч* «молоток»), *-гы/-ге* (*чалгы* «коса»), *-кы/-ке* (*чапкы* «резак», *себерке* «метла»), *-ка* (*тотка* «ручка»), *-чык/-чек* (*капчык* «мешок», *бөркәнчек* «покрывало»), *-к* (*урак* «серп»), *-лык/-лек* (*намазлык* «молитвенный ков-

рик», *киемлек* «комод»), -ү (*үлчәү* «весы»). Определение для данного вида словоформ заимствовано из арабской грамматики.

Аналогичным способом образуется «форма места» (*урын сыйгасы*), как упоминалось выше, также заимствованная из грамматики арабского языка: *болынлык* «луг», *таулык* «гористая местность», *печәнлек* «место сенокоса», *үләнлек* «травянистая местность», *баткак* «болото», *тайгак* «гололед», *усақсар* «осинник», *каенсар* «березняк» и т.д. Такого рода словоформы традиционны, т.е. от известных слов этого типа новые не образуются. В тех же случаях, когда требуется получить форму места при отсутствии вышеупомянутой, используется глагол обычного настоящего времени (*гадәти хәзер*) третьего лица совместно с вспомогательным глаголом *торган*: *яза торган урын* «место где пишут», *укый торган бүлмә* «комната для чтения».

Вопросительная форма образуется при помощи частицы (*адәт*) *-мы/-ме*, которая ставится в конце слова: *белә ме* «знает ли он», *белде ме* «узнал ли он».

Помимо приведенных десяти глагольных форм и конструкций имеются и другие, наиболее известные из которых две: конструкция предположения (*геман сыйгасы*) и форма убежденности (*якыйн сыйгасы*).

Конструкция предположения имеет три временных варианта: 1) прошедшее время – *белгән булса кирәк* «возможно он уже знал»; 2) настоящее время – *белә торгандыр* «возможно он знает»; 3) будущее время – *белсә кирәк* «возможно он будет знать». Аналитические глаголы подобной семантики могут также образовываться посредством таких слов (*адәт*) как *богай* «вероятно», *шаять* «возможно».

Форма убежденности образуется путем добавления частиц *ич*, *бит*, *ләбаса* «ведь»: *белде ич*, *белде бит*, *белде ләбаса* «он ведь узнал».

В некоторых случаях глаголы прошедшего и будущего времен употребляются в значении инфинитива, приобретая притяжательные суффиксы: *белдеге*, *беләсе* «знать». Таким способом образуется притяжательная форма (мозаф сыйгасы).

В татарском языке наличествует и так называемая «конструкция желания неудачи» (*бәдхәллык сыйгасы*), которая образуется посредством суффиксов *-гыры/-гере*, *-кыры/-кере*: *кыргыры* «пусть он одичает», *каткыры* «пусть он засохнет», *үлгере* «пусть он умрет», *беткере* «пусть он сгинет».

В оренбургском наречии башкирского языка присутствует форма, которая может указывать как на усиленное, так и на ослабленное действие. Данный тип словоформ оформляется посредством суффикса (адәт) *-ынкыры/-енкере*: *аңланкыры* «смышленный», *сизенкере* «чувствительный». В языке казанских татар вместо нее используются сочетания, состоящие из основного и вспомогательного глаголов *тәшү*, *бирү*: *сәя тәшү*, *яратарак бирү* «любить в некоторой степени».

В татарском языке имеется несколько глаголов, которые главным образом употребляются вместе с прилагательным (сыйфатлы фигылләр); к ним относятся: *итү* «делать» – *симез итте* «сделал жирным», *имәк* «быть» – *симез иде* «был жирным», *булу* «быть» – *симез булды* «был жирным», *күрү* «считать» – *симез күрде* «посчитал жирным», *табу* «находить» – *симез тапты* «нашел жирным», *дийү* «говорить» – *симез диде* «сказал, что жирный».

Существуют также глаголы, с которыми в некоторых случаях употребляются глаголы настоящего времени (фигылле фигыллэр); таковыми являются: *белу* «догадаться что-либо сделать» – *ашый белде* «догадался есть»; *алу* «мочь» – *ашый алды* «смог есть»; *язу* «едва не сделать что-либо» – *ашый язды* «едва не съел»; *төшу* «начинать» – *ашый төште* «начал есть»; *тору* «продолжать» – *ашый торды*; *бирү* «продолжать» – *ашый бирде* «продолжил есть»; *калу* «оставаться» – *ашый калды*; *утыру* «оставаться» – *ашый утырды* «остался кушать»; *куйу* «закончить делать что-либо» – *ашый куйды* «закончил есть».

Конструкция, состоящая из смыслового глагола настоящего времени и вспомогательного глагола *торган*, несет значение наречия: *ашый торган кеше* – *ашаучы кеше* «кушающий человек»; *ашый торган аш* – *ашала торган аш* «суп, который едят»; *ашый торган урын* – *анда ашала торган урын* «место, где кушают».

Некоторые глаголы употребляются с первой формой глагола будущего времени, оканчивющегося на *-га/-гә*: *белергә тырышты* «старался узнать», *белергә кызыкты* «желал узнать», *белергә теләде* «хотел узнать», *белергә кушты* «велел узнать», *белергә димләде* «предложил узнать», *белергә кыстады* «принудил узнать».

Имеются также образования, в которых к основному глаголу добавляется глагол третьей формы будущего времени третьего лица либо деепричастие: *ашыйсы килде* «захотелось кушать», *ашап алды* «поел».

Глаголы *итмәк*, *кылмак* «делать» могут объединяться в конструкции с инфинитивами (*масдарлы фигыллэр*), представляющими собой заимствования из арабского, персидского, европейских языков: *тәхсин итте*, *тәхсин*

кылды «улучшил», *геман итте*, *геман кылды* «подумал», *принимать итте* «принял».

Глагол *имәк* может принимать одно из двух значений («быть», «склонять») в зависимости от контекста: *башын иде* «склонил свою голову», *симез иде* «был жирным». В первом случае он является обычным спрягаемым глаголом; во втором – вспомогательным.

По способу образования глаголы бывают исконные (чын фигылләр), например: *белү* «знать», *язу* «писать», *эшләү* «работать», и производные (ясалган фигылләр), образующиеся от других частей речи: *тимерләү* «покрывать железом», *сыйлау* «угощать», *тигезләү* «выравнивать».

Путем наращивания определенных суффиксов семантические особенности глаголов могут варьироваться (кушымталы фигылләр). Так, суффиксы *-дыр/-дер*, *-т*, *-р*, *-дәр/-тәр*, *-кар/-кәр*, *-гәз/-кәз*, *-гәр*, *-кыр/-кыз*, *-гыз*, *-тер* преобразуют непереходные (мәфгулсез) глаголы в переходные (мәфгулле): *калу* «оставаться» – *калдыру* «оставлять»; *йоклау* «спать» – *йоклату* «усыплять», *күчү* «переходить» – *күчерү* «переводить»; *түнү* «сваливаться» – *түнтәрү* «валить»; *аву* «падать» – *авдару* «заставить упасть»; *үтү* «проходить» – *үткәрү* «пропускать»; *мену* «подниматься» – *менгерү*, *менгезү* «поднимать»; *яту* «ложиться» – *яткыру*, *яткызу* «укладывать»; *тору* «вставать» – *торгызу* «поднимать»; *килү* «приходить» – *китерү* «приводить».

При употреблении глаголов с суффиксами *-дыр/-дер* и *-т* полученные непереходные глаголы требуют использования наречий (каид): *Дәресне белдем* «Я усвоил урок» – *Галигә дәресне белдердем* «Я объяснил урок Гали».

При совместном употреблении вышеупомянутых двух суффиксов используются два наречия: *Валидән Гали-*

гә дәресе белдертем «Я поручил Вали объяснить урок Гали». Вәлидән Гәлигә ашны ашаттырдым «Я велел Вали накормить Гали супом».

Суффикс *-ш* указывает на то, что действие совершается двумя субъектами: *карашу* «смотреть друг на друга»; *күрешү* «здороваться».

Суффиксы *-ыштыр/-ештер* и *-гала/-гәлә* указывают на неполноту действия: *караштыру* «посматривать»; *язгалау* «пописывать».

Посредством суффикса *-н* образуется возвратная форма глагола (ихтиярлы мәжһүл сыйгасы): *киенү* «одеваться», *бизәнү* «украшаться».

Буквы, из которых состоят глаголы, могут быть основными (төп хәрәфләр) и дополнительными (кушма хәрәфләр). Такое деление букв, по всей вероятности, заимствовано из арабских грамматических трактатов, в которых можно заметить аналогичный подход. Для того, чтобы узнать какие буквы глагола основные, его следует поставить в форму третьего лица единственного числа прошедшего времени [203, с. 40–48].

Арабские термины, использованные в пособии

А. Максуди «Төрки сарыфы»

Части речи: исем (существительное), сыйфат (прилагательное), замир (местоимение), гадәд (числительное), фигыль (глагол), адәт (частица, послелог, суффикс);

семантические разряды существительного: галәм (имя собственное), женес (имя нарицательное);

категория числа: мөфрәд (единственное число), жәмг (множественное число);

падежи: мозаф илэйһ (притяжательный), мэфгуль биһ (винительный), мэфгуль фиһ (место-временной);

категория лица: мөтэкәллим (первое лицо), мохатаб (второе лицо), гаиб (третье лицо);

времена глагола: мазый (прошедшее время), хәзер (настоящее время), мөстәкбаль (будущее время);

наклонения глагола: әмер (повелительное), шарт (условное);

безличные формы глагола: фагыль (причастие), хәл (деепричастие);

различные наименования и термины: игъраб (склонение имени по падежам), мозаф вә мозаф илэйһ (изафетная конструкция), мэфгуль биһ (причастие страдательного залога), масдар (инфинитив).

Персидские термины и грамматические наименования на их основе

Междометие (савыт), геман сыйгасы (формула предположения), бәдхаллык сыйгасы (формула желания неудачи).

Собственно татарские термины на основе арабских слов

Падежи: бәйән (основной), мэфгуль илэйһ (направительный), мэфгуль минһ (исходный), мисал (подобный);

разряды местоимений: шәхес замирлары (личные), хәбәр замирлары (повествовательные), мозаф замирлары (притяжательные), ишарә замирлары (указательные), сөаль замирлары (вопросительные);

времена глагола: хикяэ мазые (преждепрошедшее), гадэти хэзер (обычное настоящее), дэвами хэзер (настоящее длительное), мазый хэзери (настоящее в прошлом);

формы условного наклонения: хэзер шарты (настоящее условие), мазый шарты (прошедшее условие), мөстакбаль шарты (будущее условие), кинэтлек шарты (внезапное условие), булмаган шарт (ирреальное условие), магтуф шарт (присоединенное условие);

аспекты глагола: вөжүди сыйга (утвердительная форма), гэдэми сыйга (отрицательная форма);

безличные формы глагола: гадэти фагыйль (обычное причастие), сэмагый фагыйль (причастие, образованное по традиции), хэзерге хэл (деепричастие, выражающее действие, происходящее одновременно с основным действием), гэдэми хэл (деепричастие, выражающее действие, отсутствовавшее перед основным действием), текрарле хэл (повторяемое деепричастие);

различные термины и наименования: каид (наречие), мэфгулле фигыль (переходный глагол), мэфгүлсез фигыль (непереходный глагол), якыйн сыйгасы (глагольная форма убежденности), мозаф сыйгасы (притяжательная форма глагола), ихтиярлы мәжһүл сыйгасы (возвратная форма глагола), вөжүби сыйгасы (форма долженствования).

Выводы

Изучение грамматического материала и терминологического аппарата арабографичных пособий по татарскому языку, применявшихся в татарских профессиональных школах во второй половине XIX – начале XX в., позволило нам подвести следующие итоги:

1. Авторы предлагают различные группировки частей речи. Классификацию частей речи в большей степени, чем

у других авторов, за исключением первой работы К. Насыри, соответствующей принятой в настоящее время, приводит А. Максуди.

2. В семантическом отношении имена собственные и нарицательные выделяются во всех монографиях, кроме первого пособия К. Насыри. Помимо этого А. Максуди и К. Насыри в «Анмузадже» отмечают имена абстрактные; в «Анмузадже» также описываются имена конкретные; М. Умидбаев описывает имена собирательные.

3. Категория принадлежности в грамматиках указанного периода как таковая отдельно не рассматривается, однако соответствующие форманты так или иначе выделяют все авторы: Г. Фейзханов, М. Умидбаев, А. Мухаммадрахим – в качестве местоимений принадлежности; К. Насыри – в качестве слитных местоимений; А. Максуди суффиксы принадлежности называет буквами, которые присоединяются ко второму компоненту изафетной конструкции (*аның киеме* «его одежда»).

4. Авторы приводят различные системы склонения имени. Принятые в настоящее время шесть падежных форм отмечают Г. Фейзханов, А. Мухаммадрахим и А. Максуди.

5. Категории числа и лица описываются во всех грамматиках; вопрос рода (его выражение лексическими средствами) освещается у трех авторов – К. Насыри, Г. Фейзханова и М. Умидбаева.

6. Разряды и степени сравнения прилагательных получили различную классификацию; уменьшительная степень не освещена ни в одной из работ.

7. Способность глагола изменяться по лицам и числам и употребляться в одном из двух аспектов отмечена всеми авторами; явление переходности и непереходности опи-

сывают Г. Фейзханов, М. Умидбаев, А. Мухаммадрахим, А. Максуди.

8. Каждый из авторов дает собственную систему времен глагола. Формы прошедшего категорического, прошедшего результативного, настоящего и будущего неопределенного рассматриваются в каждом из пособий.

9. Категория наклонения отдельно описывается только в работе К. Насыри «Краткая татарская грамматика...». В трудах других авторов формы наклонений глагола включены в различные рубрики.

10. Пять залоговых форм глагола выделяют К. Насыри и М. Умидбаев; Г. Фейзханов отмечает четыре формы; А. Мухаммадрахим и А. Максуди – три.

11. Способы действия глаголов отражены у К. Насыри и А. Максуди, которые приводят две формы протекания действия (периодическая повторяемость и нерегулярная повторяемость или неполнота). В первом пособии К. Насыри также приводится третья форма, означающая неполное действие, с суффиксами *-сымак/-семәк*, *-сырмак/-сермак*.

12. Местоимения и числительные получили различное деление на разряды.

13. В исследованных трактатах описываются и различные формы глагола: инфинитив, имя действия, причастие и деепричастие.

Инфинитив и имя действия описываются у К. Насыри в первой его работе, а также у А. Мухаммадрахима и А. Максуди. Г. Фейзханов, М. Умидбаев и К. Насыри в «Анмузадже» приводят описание только инфинитивной формы.

Причастия и деепричастия освещают К. Насыри – в обоих трактатах – М. Умидбаев и А. Максуди; при чем

последний приводит формы причастия для действительного и страдательного залогов. Г. Фейзханов и А. Мухаммадрахим описывают только причастные формы двух залогов.

14. Наречие в качестве самостоятельного класса слов рассматривают К. Насыри, М. Умидбаев и А. Максуди. Г. Фейзханов и А. Мухаммадрахим приводят некоторые наречные формы в разделе о частицах.

15. Послелого, союзы, частицы и междометия Г. Фейзханов, К. Насыри и А. Мухаммадрахим включают в раздел частиц. М. Умидбаев и А. Максуди выделяют междометия в качестве отдельной разновидности слов. Союзы в качестве частей речи отдельно рассматривает только М. Умидбаев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе была предпринята попытка на основе сравнительного изучения грамматических трактатов по арабскому языку, использовавшихся в татарских конфессиональных школах до начала XX в., и учебников по татарской грамматике, написанных для татароязычных учащихся во второй половине XIX – начале XX вв., определить степень влияния арабской грамматики и ее терминосистемы на развитие и становление грамматической теории и терминологии татарского языка. Исследованные нами монографии по арабскому и татарскому языкам позволили сделать следующие заключения.

На протяжении долгого времени в качестве учебных пособий по арабскому языку татары использовали такие, популярные во всем мусульманском мире грамматические трактаты, как «ал-Анмузадж» аз-Замахшари, «ал-Кафийа» Ибн Хаджиба, «ал-‘Авамил ал-ми’а» ал-Джурджани и работы других авторов. Среди них были как грамматические пособия общего характера, в которых излагалась морфология и синтаксис арабского языка, так и учебники, посвященные каждой из отраслей грамматики в отдельности. К первым относятся сочинения аз-Замахшари и

Ибн Хаджиба; ко вторым – трактат ал-Джурджани, «Мукаддима-и Бедон», «Шарх ‘Абд Аллах», «Сарф Му‘иззи». Первый посвящен синтаксису арабского языка, последние три – морфологии.

В конце XIX – начале XX в., на волне реформации системы образования в Европе, создаются современные арабские грамматики на татарском языке для учащихся начальных классов медресе. Несмотря на все имеющиеся различия в структурном и тематическом планах, учебники арабского языка как средневековых восточных, так и татарских авторов конца XIX – начала XX в. идентичны относительно терминологического аппарата и грамматического материала, что обусловлено устоявшимися традициями арабского языкознания.

Учебники по грамматике татарского языка, предназначенные для учащихся-татар, писались на основе пособий по арабскому языку, что нашло свое отражение в системе терминов, классификации частей речи, их разрядах и грамматических категориях.

Арабские термины использовались для названия большинства грамматических явлений татарского языка; в некоторых случаях употреблялись персидские термины, главным образом при описании категории времени глагола. Для обозначения специфических грамматических явлений татарского языка в том числе употреблялись и оригинальные термины на основе арабской лексики (*мәфгуль илэйһ* – притяжательный падеж, *замир сөаль* – вопросительное местоимение, *каид* – наречие) либо сочетания слов из татарского и арабского языков (*исем төшеме* – именительный падеж, *асыл сан* – количественное числительное, *булмаган шарт* – ирреальное условие).

Классификация частей речи, аналогичная арабской, приводится в учебнике К. Насыри «Анмузадж» и в пособии А. Мухаммадрахима. Суффиксы принадлежности в качестве слитных местоимений рассматривает К. Насыри, который вместе с Г. Фейзхановым выделяет также и «относительные местоимения». Уменьшительная степень прилагательных не получила описания ни у одного из авторов. Формы изъявительного, сослагательного, условного и повелительного наклонений, по аналогии с арабской грамматикой, приводят Г. Фейзханов, М. Умидбаев и А. Максуди. Лишь две залоговые формы – в зависимости от известности либо неизвестности субъекта действия – в рамках одной рубрики освещают Г. Фейзханов, А. Мухаммадрахим и А. Максуди. Две причастные формы, следуя в арабском русле, в качестве имени действующего и имени подлежащего безотносительно ко времени освещают Г. Фейзханов и А. Максуди. Деепричастия не получили описания у Г. Фейзханова и А. Мухаммадрахима. Наречия, исходя из лексических значений, на два разряда (места и времени) делит К. Насыри. Частицы, послелого, союзы и междометия в группу служебных слов объединяют К. Насыри и Г. Фейзханов.

Наиболее наглядно специфические аспекты татарского языка относительно арабского проявляются в категории склонения имени, степенях сравнения прилагательного, системе времен, наклонений и залогов глагола, классификации местоимений и числительных. Это обусловлено тем, что в арабском языке насчитывается всего три падежа, три времени, четыре наклонения и два залога глагола. Прилагательное имеет две формы степеней сравнения (положительная и сравнительная); местоимения представлены слитными (соответствуют

суффиксам принадлежности и показателям субъекта действия в глаголе), отдельными (соответствуют личным местоимениям) указательными и относительными; числительное не группируется по разрядам.

В изученных нами татарских грамматиках число падежей варьируется от четырех до девяти. Г. Фейзханов приводит восемь падежных форм, К. Насыри – четыре и шесть в «Краткой грамматике татарского языка...» и «Ан-музадже» соответственно, М. Умидбаев и А. Максуди – семь, А. Мухаммадрахим – девять. Превосходную степень прилагательных отмечают К. Насыри, М. Умидбаев и Г. Фейзханов.

Структурные различия имели место и при описании системы времен глагола. Так, Г. Фейзханов выделяет семь временных форм, К. Насыри – три в первой работе и шесть во второй, А. Мухаммадрахим – пять, А. Максуди – восемь. Наиболее обстоятельно к этому вопросу подошел М. Умидбаев, описавший четырнадцать временных форм глагола, в том числе и аналитические.

По аналогии с грамматическим учением арабов, за исключением первого пособия К. Насыри, в исследованных нами татарских грамматиках категория наклонения как таковая не нашла своего отдельного описания, но глагольные формы, соответствующие тем или иным из них, упоминаются либо в качестве отдельных форм, выражающих отношение содержания высказывания к действительности, либо в составе различных рубрик. Так, К. Насыри и А. Мухаммадрахим отмечают формы всех пяти традиционно выделяемых наклонений – изъявительного, повелительного, желательного, условного и сослагательного. Но если первый приводит их в составе самостоятельного раздела, то второй – в числе

производных инфинитива (масдара). Г. Фейзханов освещает формы первых четырех наклонений в качестве отдельных форм. М. Умидбаев аналогичным образом приводит формы изъявительного, повелительного и условного наклонений, а форму желательного – в контексте времен глагола. А. Максуди отмечает формы первых четырех наклонений в составе парадигмы глагольных словоформ.

К. Насыри единственный, кто освещает все пять залоговых форм татарского глагола в самостоятельном разделе. Г. Фейзханов приводит формы четырех залогов глагола, но в различных разделах: форму действительного залога упоминает под рубрикой масдара, форму понудительного залога – в разделе о переходных глаголах, суффикс страдательного залога – в разделе об имени поддейственном, отдельно освещает форму взаимно-совместного залога. М. Умидбаев описывает пять залоговых форм в разделе инфинитива. А. Мухаммадрахим освещает четыре из пяти залоговых форм глагола. Так, помимо суффиксов действительного и страдательного залогов в его пособии упоминается суффикс понудительного залога (в разделе о переходных и непереходных глаголах), а также форма основного залога в разделе о масдарах. А. Максуди также выделяет пять залоговых форм глагола, две из которых (действительный и страдательный залогов) включает в раздел о залогах, а оставшиеся три рассматривает в разделе «Кушымталы фигылләр» («Глаголы, имеющие суффиксы»).

В свете вышеизложенного можно сделать заключение том, что в середине XIX – начале XX в. шел процесс формирования грамматической теории татарского языка, о чем свидетельствуют различия в описании тех или иных

его грамматических явлений. Тем не менее, в учебных пособиях того периода грамматический строй татарского языка был изложен достаточно подробно, особенно если учесть то обстоятельство, что они составлялись для учащихся школ. В основе этого процесса преобладало имевшее прочно утвердившиеся традиции арабское грамматическое учение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллин, Я.Г. Джадидизм среди татар: возникновение, развитие и историческое место / Я.Г. Абдуллин. – Казань: Иман, 1998. – 41 с.
2. Абдуллин, Я. Каюм Насыри / Я. Абдуллин // Татарские интеллектуалы. – Казань: Магариф, 2005. – С. 34.
3. Абдусаматов, М. Форс тили / М. Абдусаматов. – Ташкент: Укитовчи, 1971. – 423 с.
4. Авхадиев, И.Ш. Арабско-тюркский словарь XVI века / И.Ш. Авхадиев // Вопросы татарского языкознания. – Казань: Изд-во КГУ, 1965. – С. 343–344.
5. Адыгамов Р.К. Габдрахим Утыз-Имяни / Р.К. Адыгамов. – Казань: Фэн, 2005. – 234 с.
6. Амирханов, Р.М. Система конфессионального образования у татар: становление и формы функционирования / Р.М. Амирханов // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. – Казань: Фэн, 2006. – С. 215.
7. Амирханов, Р.У. Татарский народ и Татарстан в начале XX века / Р.У. Амирханов. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – 152 с.
8. Ауэзова, З.-А. М. Предисловие / З.-А. М. Ауэзова // Ал-Кашгари М. Диван лугат ат-Турк / М. Ал-Кашгари. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – С. 28–38.

9. Әхмәтжанов, М.И. Мирас истәлекләре / М.И. Әхмәтжанов. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. – Б. 4–5.

10. Байбулатова, Л.Ф. Асар Ризы Фахретдина / Л.Ф. Байбулатова. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. – 174 с.

11. Бартольд, В.В. Сочинения / В.В. Бартольд. – М.: Наука, 1973. – Т. 8. – 723 с.

12. Баттал-Таймас, Г.Г. Два брата Максуди / Г.Г. Баттал-Таймас. – Казань: ФЭН, 1999. – 144 с.

13. Бәширова, И.Б. XIX гасыр ахыры – XX йөз башы татар әдәби теле тарихы: исем категорияләре һәм фигыль наклонениеләрендә әдәби норма, норма вариантлыгы һәм функциональ-стилистик вариантлык / И.Б. Бәширова – Казан: КДТУ нәшр., 1999. – 576 б.

14. Белкин, В.М. Арабская лексикология / В.М. Белкин. – М.: Изд-во МГУ, 1975. – 200 с.

15. Бигиев, М.Д. Избранные труды / М.Д. Бигиев. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – Т. 1. – 336 с.

16. Бигиев, М.Д. Избранные труды / М.Д. Бигиев. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. – Т. 2. – 256 с.

17. Валидов, Д. Очерк истории образованности и литературы татар (до революции 1917 г.) / Д. Валидов – М., Пг.: Госиздат, 1923. – 107 с.

18. Валидов, Д. О словаре турецких языков Махмуда Кашгарского / Д. Валидов // Вестник научного общества татароведения. – Акад. Центр Народного Комиссариата Просвещения ТССР, 1927. – № 7. – С. 107.

19. Валиуллин, Р.Н. Учебники для татарских мектебе и медресе и их роль в развитии национального образования / Р.Н. Валиуллин // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. – Казань: ФЭН, 2006. – С. 243–248.

20. Валиуллин, Р.Н. Татарские учебники по гуманитарным дисциплинам (конец XIX – начало XX века): авто-

реф. дис. ... канд. филол. наук / Р.Н. Валиуллин. – Казань, 2001. – 28 с.

21. Валиуллина, З.М. К истории изучения частей речи в татарском языкознании / З.М. Валиуллина // Вопросы тюркского языкознания. – Казань: КГПИ, 1976. – С. 48–69.

22. Вәлиди, Ж.Ж. Сайланма хезмәтләр / Ж.Ж. Вәлиди. – Казан: Мәгариф, 2007. – 271 б.

23. Второй форум «Фаизхановские чтения». Сборник Второго ежегодного форума «Фаизхановские чтения». – Н. Новгород: Изд-во НИМ «Махинур», 2006. – 96 с.

24. Ганиев, Ф.А. Введение: Татарское языкознание за 50 лет / Ф.А. Ганиев // Проблемы лексикологии и лексикографии татарского языка. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1992. – С. 3–5.

25. Ганиев, Ф.А. Вопросы морфологии татарского языка / Ф.А. Ганиев. – Казань: Татар. кн. изд-во: 1980. – 80 с.

26. Ганиев, Ф.А. О синтетических и аналитических падежах в татарском языке / Ф.А. Ганиев // Вопросы тюркологии. – Казань: КГПИ, 1970. – С. 75.

27. Ганиев, Ф.А. Проблемы словообразования в тюркских языках / Ф.А. Ганиев. – Казань: Фикер, 2002. – 367 с.

28. Ганиев, Ф.А. Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке / Ф.А. Ганиев. – Казань: Татар. кн. изд-во: 1974. – 231 с.

29. Гаффарова, Ф. Ахмедхади Максуди / Ф. Гаффарова // Татарские интеллектуалы. – Казань: Магариф, 2005. – С. 189 – 195.

30. Гранде, Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении / Б.М. Гранде. – М.: Вост. лит., 2001. – 592 с.

31. Гранде, Б.М. Введение в сравнительное изучение семитских языков / Б.М. Гранде. – М.: Вост. лит., 1998. – 439 с.

32. Гиганов, И. Грамматика татарского языка, сочиненная в Тобольской главной школе учителем татарского языка

Софийского собора священником Иосифом Гигановым / И. Гиганов. – Спб.: Императорская Академия наук, 1801. – 187 с.

33. Гиганов, И. Слова коренные, нужнейшие к сведению для обучения татарскому языку / И. Гиганов. – Спб.: Императорская Академия наук, 1801. – 75 с.

34. Давлетшин, Г.М. Волжская Булгария: духовная культура / Г.М. Давлетшин. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. – 192 с.

35. Демирчизаде, А.М. Грамматика турецко-татарского языка профессора Казем-Бека / Демирчизаде А.М. // Проблемы тюркологии и истории востоковедения. Казань: Изд-во КГУ, 1964. – С. 57–69.

36. Дмитриев, Н.К. Грамматическая терминология в учебниках родного языка (татарских, башкирских и чувашских) / Н.К. Дмитриев. – М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1955. – С. 3–29.

37. Дмитриева, Л.В. Описание тюркских рукописей института востоковедения / Л.В. Дмитриева, С.Н. Муратов. – М.: Наука, 1975. – Вып. 2. – 230 с.

38. Дмитриева, Л.В. Каталог тюркских рукописей института востоковедения РАН / Л.В. Дмитриева. – М.: Вост. лит., 2002. – 616 с.

39. Джафар, М. Грамматика персидского языка / М. Джафар. – М.: Типография Оттона Осиповича Гербака, 1901. – 350 с.

40. Жәләй, Л. Татар теленең тарихи морфологиясе (очерклар) / Л. Жәләй. – Казан: Фикер, 2000. – 288 б.

41. Закиев, М.З. Азбука Сагита Хальфина / М.З. Закиев // Хальфин С. Азбука татарского языка. – М.: Изд-во МГУ. – 1996. – С. 7.

42. Закиев, М.З. Введение (раздел IV) / М.З. Закиев // Современный татарский литературный язык. – М.: Наука, 1969. – С. 44–46.

43. Закиев, М.З. Влияние Казанского университета на развитие тюркологии в первой половине XIX века (до 1855 г.)

/ М.З. Закиев // Вопросы татарского языкознания. – Казань: Изд-во КГУ, 1965. – С. 357–390.

44. Закиев, М.З. Волжские булгары и их потомки / М.З. Закиев, Я.Ф. Кузьмин-Юманди. – М.: Инсан, 1993. – 160 с.

45. Закиев, М.З. Некоторые вопросы развития татарского литературного языка / М.З. Закиев // Вопросы татарского языкознания. – Казань: Изд-во КГУ, 1965. – С. 5–12

46. Закиев, М.З. Проблемы языка и происхождения волжских татар / М.З. Закиев. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. – 304 с.

47. Закиев, М.З. Происхождение тюрков и татар / М.З. Закиев. – М.: Инсан, 2003. – 496 с.

48. Закиев, М.З. Роль идей М.В. Ломоносова в становлении лингвистических взглядов представителей казанской школы тюркологов / М.З. Закиев // Вопросы тюркологии. – Казань: КГПИ, 1970. – С. 15–20.

49. Закиев, М.З. Татары: Проблемы истории и языка / М.З. Закиев. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1995. – 464 с.

50. Закиров, Р.Р. Теоретический курс арабского языка / Р.Р. Закиров. – Казань: ТГГПУ, 2006. – 122 с.

51. Зейналов, Н. Самоучитель по чтению Священного Корана / Н. Зейналов. – Дербент: Му‘минин, 2003. – 96 с.

52. Зиннатуллина, К.З. К проблеме залогов в современном татарском литературном языке / К.З. Зиннатуллина // Вопросы тюркологии. – Казань: КГПИ, 1970. – С. 40–41.

53. Ибраһимов, Г.Г. Татар телен тикшерү юлында / Г.Г. Ибраһимов // Әсәрләр. Сигез томда. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1987. – Т. 8. – Б. 109–129.

54. Иванов, М. Татарская грамматика, составленная Мартинианом Ивановым / М.И. Иванов. – Казань: Типография Императорского Казанского ун-та, 1842. – 341 с.

55. Иванов, В.Б. Учебник персидского языка / В.Б. Иванов. – М.: МГУ, 1999. – Ч. 1. – 163 с.

56. Идиятуллина, Г.Г. Абу-н-Наср Курсави / Г.Г. Идиятуллина. – Казань: Фэн, 2005. – 172 с.

57. Идиятуллина, Г.Г. Введение / Г.Г. Идиятуллина // Курсави А. Наставление людей на путь истины. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – С. 25.

58. Идиятуллина, Г.Г. Развитие религиозной мысли в Золотой орде и Казанском ханстве / Г.Г. Идиятуллина // История мусульманской мысли в Волго-Уральском регионе. – Казань: Изд-во ДУМ РТ, 2009. – С. 82–83.

59. Идиятуллина, Г.Г. Становление и развитие мусульманской традиции в период Волжской Булгарии (IX – первая половина XIII вв.) / Г.Г. Идиятуллина // История мусульманской мысли в Волго-Уральском регионе. – Казань: Изд-во ДУМ РТ, 2009. – С. 64–68.

60. Из глубины столетий / Сост. Хамидуллина Б.Л. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2000. – 271 с.

61. Измайлов, И.Л. Ислам и мусульманская культура в Волжской Булгарии / И.Л. Измайлов // История татар с древнейших времен. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2006. – Т. 2. – С. 549–557.

62. Ислам в истории и культуре татарского народа / редкол.: Абдуллин Я.Г., Амирханов Р.М., Султанов Ф.М. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2000. – 203 с.

63. Исследования по татарскому языку / ред.: Д.Г. Тумашева, В.Х. Хаков. – Казань: Изд-во КГУ, 1977. – 156 с.

64. Истоки татарского литературного языка / ред.: М.З. Закиев, Д.Б. Рамазанова, Х.Р. Курбатов. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1988. – 126 с.

65. История татарского литературного языка (XIII – первая четверть XX в.) / сост. и отв. ред. Х.Р. Курбатов. – Казань: Фикер, 2003. – 656 с.

66. Каримуллин, А.Г. Возникновение татарского книгопечатания по татарской филологии / XVII – 1-я пол. XIX в.:

автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Г. Каримуллин. – Казань, 1968. – 27 с.

67. Каримуллин, А.Г. Востоковедные фонды Казанского университета / А.Г. Каримуллин // Проблемы востоковедения. – 1959. – № 1. – С.153–157.

68. Каримуллин, А.Г. Возникновение Российского книгопечатания арабским шрифтом / А.Г. Каримуллин // Народы Азии и Африки. – 1969. – № 3. – С. 100.

69. Каримуллин, А.Г. У истоков татарской книги / А.Г. Каримуллин. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1971. – 224 с.

70. Каримуллин, А.Г. Татар теле белеме библиографиясе / А.Г. Каримуллин. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1958. – 115 б.

71. Ал-Кашгари, М. Диван лугат ат-Турк / М. Ал-Кашгари. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 1288 с.

72. Кемпер, М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане. Исламский дискурс под русским господством / М. Кемпер; пер. с нем. И. Гилязов. – Казань: Российский исламский ун-т, 2008. – 675 с.

73. Ковалев, А.А. Учебник арабского языка / А.А. Ковалев, Г.Ш. Шарбатов. – М.: Вост. лит., 1998. – С. 85.

74. Кононов, А.Н. История изучения тюркских языков в России / А.Н. Кононов. – Ленинград: Наука, 1982. – 359 с.

75. Короглы, Х.Г. Древнетюркская письменность / Х.Г. Короглы // Средневековая татарская литература (VIII – XVIII вв.). – Казань: Фэн, 1999. – С. 20.

76. Курсави, А. Наставление людей на путь истины / А. Курсави. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – 304 с.

77. Ломоносов, М.В. Труды по филологии / М.В. Ломоносов. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 7. – 993 с.

78. Мазитова, М.А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (Первая половина XIX века) / М.А. Мазитова. – Казань: Изд-во КГУ, 1972. – 225 с.

79. Мазитова, М.А. Мухаммед-Галей Махмудов / М.А. Мазитова // Вопросы татарского языкознания. – Казань: Изд-во КГУ, 1965. – С. 400–405.

80. Марджани, Ш. Зрелая мудрость в разъяснении догматов ан-Насафи / Ш. Марджани. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. – 479 с.

81. Марджани, Ш. Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара / Ш. Марджани. – Казань: Фэн, 2005. – Ч. 1. – 255 с.

82. Махмутов, М.И. Фонетическое и грамматическое освоение арабских заимствований: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 1966. – 20 с.

83. Махмутов, М.И. Арабско-татарско-русский словарь заимствований / М.И. Махмутов, К.Х. Хамзин, Г.Ш. Сайфуллин. – Казань: Иман, 1993. – Т. 1. – 448 с.

84. Махмутов, М.И. Арабско-татарско-русский словарь заимствований / М.И. Махмутов, К.Х. Хамзин, Г.Ш. Сайфуллин. – Казань: Иман, 1993. – Т. 2. – С. 449–854.

85. Мәржани, Ш. Мөстафәдел әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында файдалынган хәбәрләр) / Ш. Мәржани. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. – 415 б.

86. Мелиоранский, П.М. Араб-филолог о турецком языке / П.М. Мелиоранский. – Спб.: Типография Императорской Академии наук, 1900. – С. 2–7.

87. Мирзагитов, Р.Х. Лингвистическое образование татар XIX века / Р.Х. Мирзагитов. – Казань: ТГГПУ, 2006. – 75 с.

88. Мир Ислама. Казань: Мастер Лайн. – 1999. – № 1. – 243 с.; 2005. – № 3. – 223 с.

89. Мифтахова, И.Г. Развитие грамматической теории в татарском языкознании. Самостоятельные части речи (по татарским грамматикам XIX – начала XX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.Г. Мифтахова. – Казань, 1988. – 29 с.

90. Мифтахова, И.Г. История татарских грамматик: исследования именных частей речи (XIX – начало XX вв.) / И.Г. Мифтахова. – Казань: Хәтер, 1998. – Ч. 1. – 162 с.

91. Мифтахова, И.Г. История татарских грамматик: исследования глагола, местоимения и наречия (XIX – начало XX вв.) / И.Г. Мифтахова. – Казань: Хәтер, 1999. – Ч. 2. – 168 с.

92. Муртазин, М. Введение в Коранические науки / М. Муртазин. – М.: МИУ, 2006. – 160 с.

93. Мухаметшин, Р.М. Татары и ислам в XX веке / Р.М. Мухаметшин. – Казань: Фэн, 2003. – 303 с.

94. Мухаметшин, Р.М. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке / Р.М. Мухаметшин. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – 246 с.

95. Насыри, К. Әнмүзәж / хезмәтнең хәзерге басмасын редакцияләү жаваплы редактор Я.С. Ахметгалиева тарафыннан башкарылды. – Казань, 1975. – 213 б.

96. Насыров, К. Татарская грамматика, изложенная в примерах / К. Насыров. – Казань: Типография Казанского ун-та, 1860. – 80 с.

97. Некоторые итоги и задачи изучения татарского литературного языка / сост. и отв. ред. Ф.Г. Гарипова – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1992. – 139 с.

98. Нуриева, А.Х. Система спряжения глагола по категориям времени в татарском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Х. Нуриева. – Казань, 1961. – 22 с.

99. Нуриева, Ф.Ш. Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского языка золотоордынского периода / Ф.Ш. Нуриева. – Казань: КГУ, 2004. – 376 с.

100. Общественно-политическая мысль и духовная культура народов Поволжья и Приуралья (XIX–XX вв.). Проблемы изучения. Сборник статей и сообщений научной конференции, посвященной памяти профессора С.М. Михайловой

// под. ред. Г.П. Мягковой, Р.А. Набиева. – Казань: Изд-во КГУ, 2008. – 512 с.

101. Персидско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1985. – Т. 1. – 800 с.; Т. 2. – 864 с.

102. Проблемы тюркологии и истории востоковедения / ред.: М.З. Закиев, А.С. Шафман, Д.Г. Тумашева. – Казань: Изд-во КГУ, 1964. – 282 с.

103. Рахимов, С. Габдрахман Гумари / С. Рахимов // Татарские интеллектуалы. – Казань: Магариф, 2005. – С. 151–166.

104. Рахимов, С. Абдурахман Умеров: личность и судьба / С. Рахимов. – Казань: Рухият, 2003. – С. 303–321.

105. Реформатский, А.А. Введение в языковедение / А.А. Реформатский. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 536 с.

106. Саттаров, Г.Ф. Этнонимы в топонимии и антропонимии Татарии / Г.Ф. Саттаров // Исследования по татарскому языкознанию. – Казань: Изд-во КГУ, 1977. – С. 46.

107. Сафиуллина, Р.Р. Арабская книга в духовной жизни татарского народа / Р.Р. Сафиуллина. – Казань: Алма-Лит, 2003. – 211 с.

108. Сафиуллина, Ф.С. Татарский язык (интенсивный курс) / Ф.С. Сафиуллина, К.С. Фатхуллова. – Казань: Тарих, 2005. – С. 418.

109. Сафиуллина, Ф.С. Хусейн Фейзханов / Ф.С. Сафиуллина // Вопросы татарского языкознания. – Казань: Изд-во КГУ, 1965. – С. 413–415.

110. Сафиуллина, Ф.С. Татарская грамматика в аспекте влияния русских и арабских грамматик / Ф.С. Сафиуллина, И.Г. Мифтахова // Казанское востоковедение: традиции, современность, перспективы. Тезисы и краткое содержание докладов Международной научной конференции 10–11 октября 1996 г. – Казань: Изд-во Фест, 1997. – С. 54–57.

111. Современный татарский литературный язык / Н.Б. Бурганова и др. – М.: Наука, 1969. – 380 с.
112. Старинин, В.Г. Структура семитского слова / В.Г. Старинин. – М.: Вост. лит., 1963. – 116 с.
113. Старотатарский литературный язык: исследования и тексты / сост. И.А. Абдуллин. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1991. – 112 с.
114. Структура и история татарского языка / ред.: Д.Г. Тумашева, А.Х. Нуриева. – Казань: Изд-во КГУ, 1982. – 156 с.
115. Тазиева, Л.К. Лексическое и грамматическое освоение личных имен арабского происхождения в истории татарской ономастики / Л.К. Тазиева // Структура и история татарского языка. – Казань: Изд-во КГУ, 1982. – С. 128.
116. Татарская грамматика. Т. 2. Морфология / Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1993. – 397 с.
117. Татарская лексика в семантико-грамматическом аспекте / ред.: Г.Х. Ахунзянов, Ш.Н. Асылгареев. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1988. – 128 с.
118. Татарская энциклопедия в 6 т. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2002. – Т. 1. – С. 116.
119. Троянский, А. Краткая татарская грамматика священника Александра Троянского / А. Троянский. – Казань: Типография Коковиной, 1860. – 234 с.
120. Усманов, М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. / М.А. Усманов. – Казань: Изд-во КГУ, 1972. – 224 с.
121. Утыз-Имяни, Г. Избранное / Г. Утыз-Имяни. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. – 320 с.
122. Ушаков, В.Д. Несвободные словосочетания в современном литературном арабском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.Д. Ушаков. – М., 1964. – 20 с.
123. Фахретдин, Р. Асар / Р. Фахретдин. – Казань: Изд-во Рухият, 2006. – Т. 1. – 360 с.

124. Фахрутдинов, Р.Р. Татарское просветительство и реформаторство XIX – начала XX веков / Р.Р. Фахрутдинов, Ф.А. Жестовская. – Казань: Магариф, 2005. – 111 с.

125. Хабутдинов, А.Ю. Движение абызов и некоторые аспекты функционирования ислама в татарском обществе / А.Ю. Хабутдинов // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. – Казань: ФЭН, 2006. – С. 161.

126. Хабутдинов, А.Ю. Хусаин Фаизханов у истоков общественного движения мусульман-татар / А.Ю. Хабутдинов, Д.Ф. Мухетдинов, О.Н. Сенюткина. – Н. Новгород: Изд-во НИМ «Махинур», 2006. – 96 с.

127. Хайрутдинов, А.Г. Введение в историю арабского языка / А.Г. Хайрутдинов. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани, 2006. – 92 с.

128. Хаков, В.Х. Введение (раздел II) / В.Х. Хаков // Современный татарский литературный язык. – М.: Наука, 1969. – С. 14.

129. Хаков, В.Х. Татар әдәби теле тарихы / В.Х. Хаков. – Казан ун-ты нәшр., 1993. – 326 б.

130. Хаков, В.Х. Тел – тарих көзгесе (Язык – зеркало истории) / В.Х. Хаков. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. – 295 б.

131. Халидов, А.Б. Арабские рукописи и арабская рукописная традиция / А.Б. Халидов. – М.: Изд-во Наука, 1985. – 303 с.

132. Халидов, Б.З. Учебник арабского языка / Б.З. Халидов. – Ташкент: Укитовчи, 1977. – С. 333.

133. Хальфин, И. Азбука и грамматика татарского языка с правилами арабского чтения, преподаваемая в Императорской Казанской гимназии / И. Хальфин. – Казань: Типография Казанского ун-та, 1809. – 106 с.

134. Хальфин, С. Азбука татарского языка / С. Хальфин. – М.: Изд-во МГУ. – 1996. – 60 с.

135. Хангильдин, В.Н. Татарская грамматика Каюма Насырова «Энмузедж» / В.Н. Хангильдин // Вопросы языкознания. – 1956. – № 4. – С. 99–103.

136. Хэйретдинова, Т.Х. Татар тел белеме библиографиясе (1981 – 1997) / Т.Х. Хэйретдинова, Ф.С. Хәкимжан. – Казан: ТДГИ нәшр., 1998. – 204 б.

137. Хәкимжан, Ф.С. Татар әдәби теле: Фонетика: Югары уку йортлары студентлары өчен / Ф.С. Хәкимжан. – Казан: ТДГИ нәшр., 2001. – 108 б.

138. Хрестоматия по исламу / сост. С.М. Прозоров. – М.: Вост. лит., 1994. – 238 с.

139. Хисамова, Ф.М. Письменно-литературный язык XVII – первой четверти XX в. / Ф.М. Хисамова // История татарского литературного языка (XIII – первая четверть XX в.). – Казань: Фикер, 2003. – С. 419.

140. Хисамова, Ф.М. Татарский язык в восточной дипломатии России (XVI – начало XIX вв.) / Ф.М. Хисамова. – Казань: Мастер Лайн, 1999. – С. 29–37.

141. Хисамова, Ф.М. Татар теле морфологиясе / Ф.М. Хисамова. – Казан: Мәгариф нәшр., 2006. – Б. 93.

142. Хисамутдинова, Л. Галимджан Баруди / Л. Хисамутдинова // Татарские интеллектуалы. – Казань: Магариф, 2005. – С. 87–101.

143. Шагаль, В.Э. Учебник арабского языка / В.Э. Шагаль, М.Н. Мерекин, Ф.С. Зябиров. – М.: Воениздат, 1983. – 784 с.

144. Шамсутдинова, Р.Р. Из истории учебников мусульманских школ (конец XIX – начало XX вв.) / Р.Р. Шамсутдинова // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Реализация национально-регионального компонента исторического образования в национальных республиках Поволжья и Приуралья: проблемы и перспективы» (30 октября 2003 г.). – Казань: Институт истории АН РТ, 2003. – 108 с.

145. Шарбатов, Г.Ш. Арабистика в СССР / Г.Ш. Шарбатов. – М.: Вос. лит., 1959. – 127 с.

146. Шарбатов, Г.Ш. Современный арабский язык / Г.Ш. Шарбатов. – М.: Вост. лит., 1961. – 112 с.

147. Юзеев, А.Н. Философская мысль татарского народа / А.Н. Юзеев. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. – 214 с.

148. Юзеев, А.Н. Татарская философская мысль конца XVIII – XIX вв. / А.Н. Юзеев. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2001. – 192 с.

149. Юлдашев, А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках / А.А. Юлдашев. – М.: Наука, 1965. – 275 с.

150. Юлдашев, А.А. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках / А.А. Юлдашев. – М.: Наука, 1977. – 270 с.

151. Юсупова, А.М. Роль Кандалий в демократизации татарского литературного языка середины XIX века (по данным лексики) / А.М. Юсупова // Структура и история татарского языка. – Казань: Изд-во КГУ, 1982. – С. 110.

152. Юсупов, М.Х. Галимджан Баруди / М.Х. Юсупов. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2003. – 208 с.

153. Юсупов, М.Х. Шигабутдин Марджани / М.Х. Юсупов. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – 271 с.

154. Юсупов, Ф.Ю. Изучение татарского глагола / Ф.Ю. Юсупов. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. – 287 с.

155. Юшманов, Н.В. Грамматика литературного арабского языка / Н.В. Юшманов. – М.: Наука, 1985. – 175 с.

156. Юшманов, Н.В. Краткая грамматика арабского языка / Н.В. Юшманов. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1964. – 98 с.

157. أبجد. – كازان: Типография Казанского ун-та، ١٨٥٠. – ٨ ب.
158. ابن حاجب عثمان. شرح الوافية نظم الكافية / عثمان ابن حاجب. – النجف: مطبعة الأدب، ١٩٨٠. – ٣٨٠ ص.
159. ابن حاجب عثمان. الكافية / عثمان ابن حاجب. – قران: قران اونيوبرسييتيني ننگ طبع خانه سى، ١٨٨٩. – ٢٧ ص.
160. ابن مالك محمد. الفية في النحو والصرف / محمد ابن مالك. – الرياض: دار المغني للنشر والتوزيع، ٢٠٠٠. – ١٦٩ ص.
161. ابن هشام جمال الدين. مغني اللبيب / جمال الدين ابن هشام. – بيروت: دار الفكر، ١٩٩٢. – ١٠١٣ ص.
162. الأردبيلي جمال الدين. شرح الأنموذج / جمال الدين الأردبيلي // هذا كتاب الأنموذج. قران: المطبعة الايمبيراطورية، ١٩٠١. – ص. ٩٧-٢.
163. أزهرى عثمان. كتاب نصاب الزمان في علم الصرف والميزان / عثمان أزهرى. – قران: مطبعة كريميه، ١٩٠٤. – ٢٠ ب.
164. الفية ابن مالك ترجمسى. مترجم عطاء الله عبيد اللين. – قران: مطبعة كريميه، ١٩٠٧. – ٧٥ ب.
165. أميدبايف محمد سليم. تاتار نحوسى ننگ مختصرى / محمد سليم أميدبايف. – كازان: Типография Б.Л. Домбровского، ١٩٠١. – ٥٢ ب.
166. البارودى صالح جان. تقريب الأذهان من تجويد القرآن / صالح جان البارودى. – قران: قران اونيوبرسييتيني ننگ طبع خانه سى، ١٨٩٩. – ٢٤ ب.
167. البارودى صالح جان. صرف عربى / صالح جان البارودى. – قران: دومبراوسكى ننگ مطبعة سى، ١٨٩٨. – ٧١ ب.

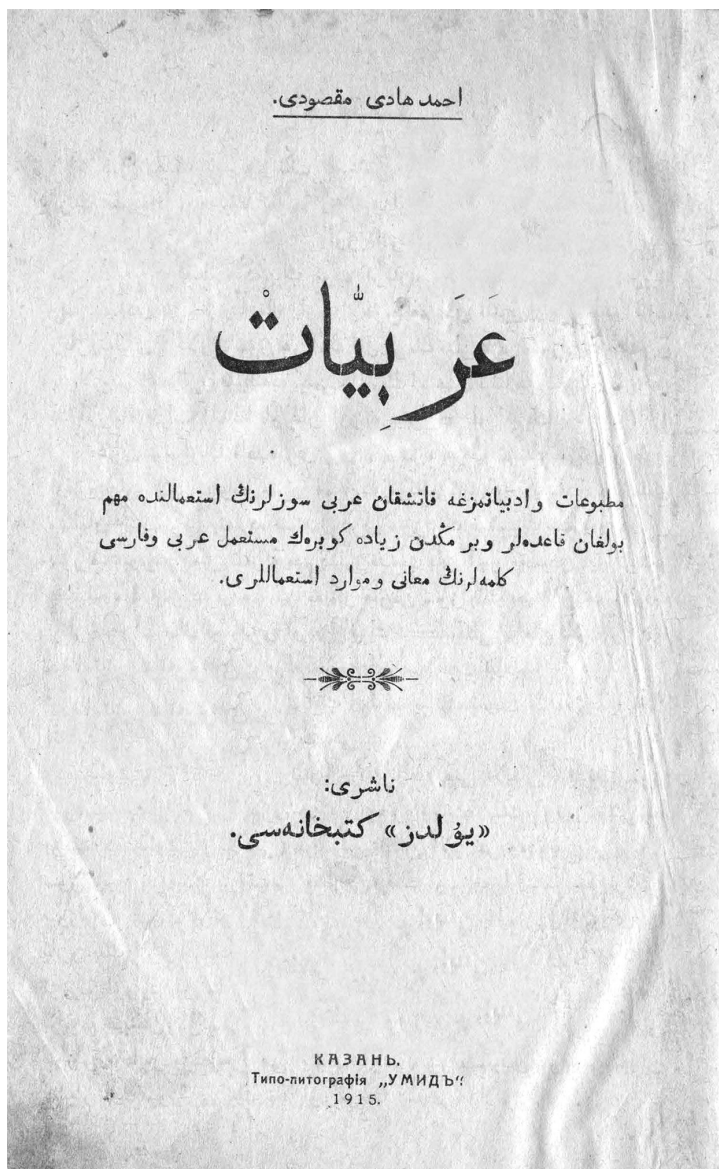
172 Развитие татарской грамматической теории...

168. البارودي صالح جان. فتح التجويد / صالح جان البارودي. - قزان: قزان خزانه مطبعه سي، ١٣١٣. - ١٢ ب.
169. البارودي صالح جان. عين المطلب في شرح أبيات حسن المشرب / صالح جان البارودي. - قزان: دار الفنون مطبعه سي، ١٣١٠. - ٣١ ب.
170. البارودي عالم جان. لغات ثلاث زبان / عالم جان البارودي. - قزان، ١٨٩٢. - ٤٠ ب.
171. البارودي عالم جان. حسن المشرب في صرف لسان العرب / عالم جان البارودي. - قزان: مطبعه كريميه، ١٩٠٨. - ١٠٠ ب.
172. البارودي عالم جان. مدخل عربية / عالم جان البارودي. - قزان: مطبعه وپچسلاف، ١٣١٢. - ٤٩ ب.
173. تحرير الفوائد على الأتمودج // هذا كتاب الأتمودج. قزان: المطبعة الإمبراطورية، ١٩٠١. - ص. ٩٨-١٧٢.
174. الجورجاني عبد القاهر. العوامل / عبد القاهر الجورجاني // قواعد الإعراب والعوامل مع شروحهما. - قزان: المطبعة الإمبراطورية، ١٨٩٠. - ص. ٢٧-٤٧.
175. الحاجطرخاني عبد الرحمن. معلم صرف لسان العرب / عبد الرحمن الحاجطرخاني. - قزان: مطبعه كريميه، ١٩١٥. - ٩٠ ب.
176. الحاجطرخاني عبد الرحمن. معلم نحو لسان العرب / عبد الرحمن الحاجطرخاني. - قزان: مطبعه كريميه، ١٩٠٣. - ٣٦ ب.
177. حسن عباس. النحو الوافي / عباس حسن. - مصر: دار المعارف، ١٩٧٥. - ج. ١. - ٧١٢ ص.
178. الدحداح أبو فارس. شرح ألفية ابن مالك / أبو فارس الدحداح. - الرياض: مكتبة العبيكان، د. س. - ص. و. ه.

179. الدمنهوري محمد. مختصر الشافعي على متن الكافي في علمي العروض والقوافي / محمد الدمنهوري. - قزان: مطبعة الخزانة، ١٣١٢. - ٧٨ ص.
180. رضا محمد. مقدمة / محمد رضا // أسرار البلاغة للجرجاني. - جدة: دار المدني، د. س. - ص. ١٣-١٦.
181. الزركلي خير الدين. الأعلام / خير الدين الزركلي. - بيروت: دار العلم للملايين، ١٩٨٦. - م. ٦. - ص. ٢١١.
182. الزمخشري محمود. هذا كتاب الأنموذج / محمود الزمخشري. - قزان: المطبعة الإمبراطورية، ١٩٠١. - ١٧٢ ص.
183. السيوطي جلال الدين. المزهري في علوم اللغة / جلال الدين السيوطي. بيروت: مكتبة عصرية، ١٩٨٦. - ج. ١. - ٦٦١ ص.
184. شرح عبد الله // مقدمه بدان مع شرح عبد الله ومعزى. - قزان: المطبعة الإمبراطورية، ١٨٩٤. - ص. ١٩-١٠٠.
185. صرف معزى // مقدمه بدان مع شرح عبد الله ومعزى. - قزان: المطبعة الإمبراطورية، ١٨٩٤. - ص. ١٠١-١١٢.
186. الطنطاوي أحمد. نشأة النحو وتاريخ أشهر النحاة / أحمد الطنطاوي. - القاهرة: دار المعارف، ١٩٩٥. - ٣٢٥ ص.
187. عبد الحميد محمد. دروس التصريف / محمد عبد الحميد. - بيروت: مكتبة العصرية، ١٩٩٥. - ص. ٢٢٤.
188. عبد العزيز أمير. دراسات في علوم القرآن / أمير عبد العزيز. - بيروت: مؤسسة الرسالة، ١٩٨٣. - ٢٨٩ ص.

189. عبد النصير عبد القيوم اعلیٰ. النموذج / عبد القيوم عبد النصير اعلیٰ. - قزان: اونيويرستينى ننگ، طبع خانه سى، ۱۸۹۵. - ۹۰ ب.
190. عليي موسى. تمهيد / موسى عليي // شرح الوافية نظم الكافية لابن حاجب. - النجف: مطبعة الأدب، ۱۹۸۰. - ص. ۲۵-۵۱.
191. الغلابيني مصطفى. جامع الدروس العربية / مصطفى الغلابيني. - بيروت: مكتبة العصرية، ۱۹۹۶. - ج. ۱. - ص. ۱۵۵؛ ج. ۲. - ص. ۳۳۸.
192. الفيروزآبادي محمد. القاموس المحيط / محمد الفيروزآبادي. - بيروت: دار الفكر، ۱۹۹۵. - ص. ۱۲۳۰.
193. فيض خان عبد العلام. تثار تلى كا قسقه چه علم صرف / عبد العلام فيض خان. - قزان: قزان اونيويرستينى ننگ طبع خانه سى، ۱۸۸۷. - ۳۲ ب
194. القرني مهدي. الترتيب الصرفي في مؤلفات النحوية والصرفية إلى أواخر القرن العاشر الهجري / مهدي القرني. - د. م. د. س. - ص. ۲-۸.
195. القسطنطيني مصطفى. كشف الظنون / مصطفى القسطنطيني. - بيروت: دار الفكر، ۱۹۹۰. - م. ۱. - ص. ۱۸۵.
196. المبارك عبد الحسين. الفهارس الفنية لشرح مفصل لآين يعيش / عبد الحسين المبارك. - بيروت: عالم الكتب، ۱۹۸۸. - ۱۴۸ ص.
197. محمد رحيم أحمد جان. تركى صرفى / أحمد جان محمد رحيم. - قزان: خاريطونف مطبعه سى، ۱۹۰۵. - ۵۶ ب.
198. مصطفى إبراهيم. إحياء النحو / إبراهيم مصطفى. - القاهرة، ۱۹۹۲. - ۲۰۰ ص.
199. المعجم الوسيط. - طهران: المكتبة العلمية، د. س. - ج. ۲. - ص. ۵۵۵ - ۱۰۸۱.

200. مقدمه بدان // مقدمه بدان مع شرح عبد الله ومعزى. - قزان: المطبعة الايمبراطورية، ١٨٩٤. - ص. ٢-١٨.
201. مقصودى أحمد هادى. استفتاح / أحمد هادى مقصودى. - قزان: المطبعة الايمبراطورية، ١٩٠٩. - ١١٦ ب.
202. مقصودى أحمد هادى. استكمال / أحمد هادى مقصودى. - قزان: المطبعة الايمبراطورية، ١٩٠٩. - ١٧٦ ب.
203. مقصودى أحمد هادى. توركى صرفى / أحمد هادى مقصودى. - Казань: Типо-литография И.Н. Харитонова، ١٩١٠. - ٤٨ ب
204. مقصودى أحمد هادى. القوانين النحوية / أحمد هادى مقصودى. - Казань: Типо-литография И.Н. Харитонова، ١٩١١. - ٦٠ ب.
205. مقصودى أحمد هادى. عربيات / أحمد هادى مقصودى. - Казань: Типо-литография «Умидъ»، ١٩١٥. - ١١٢ ب.
206. مولوى داود. حاشية للمولوى داود / داود مولوى // هذا كتاب الأنموذج. قزان: المطبعة الايمبراطورية، ١٩٠١. - ص. ٢-٥٧.
207. النجار محمد. ضياء السالك إلى أوضح المسالك / محمد النجار. - القاهرة: مكتبة ابن تيمية، د. س. - ج. ١. - ٤٢٤ ص.
208. الينبو عاوي غنيم. الدراسات اللغوية عند ابن مالك بين فقه اللغة وعلم اللغة / غنيم الينبو عاوي. - مكة المكرمة: جامعة أم القرى، ١٩٩٧. - ٤٥٣٢ ص.

Максуди А. 'Арабийят. Обложка книги

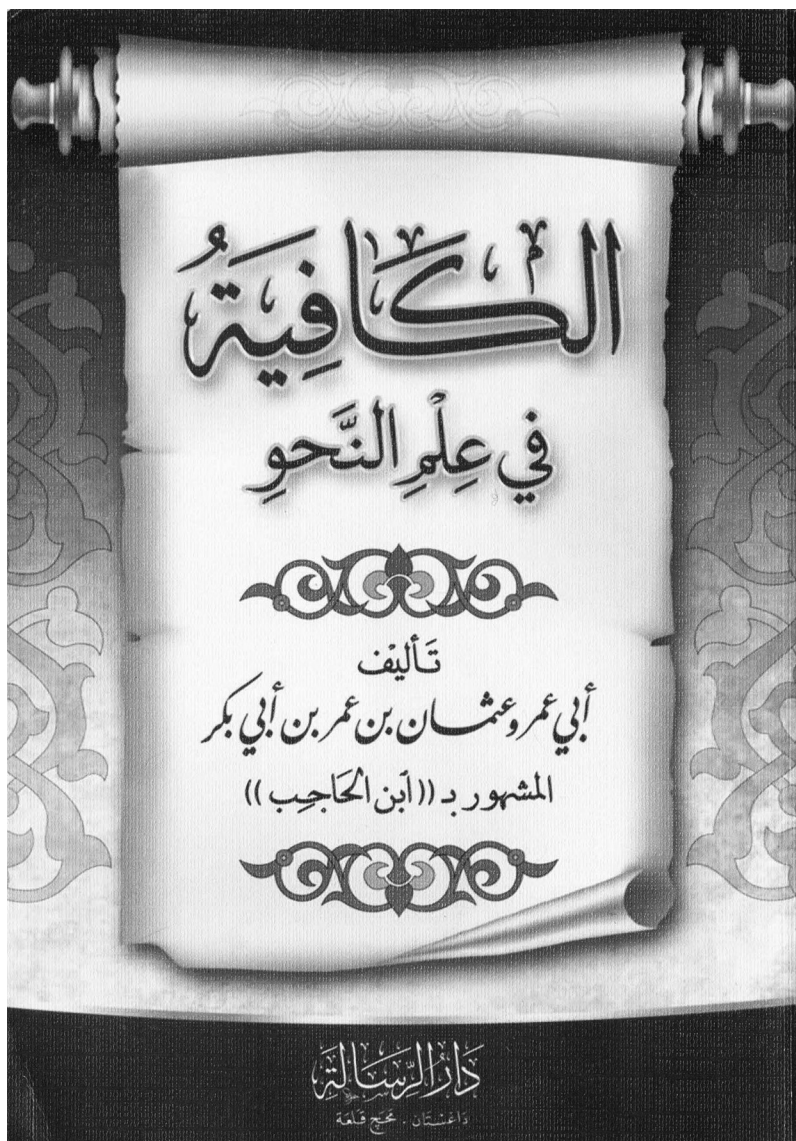
مقدمه.

دین مبینہنی عرب ملت نچیبہسی واسطہسی ایلہ قبول ایٹکانلگمزدن بزنک محاورہ تلمزگہ بیک کوب عربی سوزلر قاتشقان. علوم و فنون اؤچون کیرہکلی بولغان اصطلاحی سوزلر اوز تلمزده بولماغانلقدن بسو زمانده ادبی تلمزگده عربی اصطلاحات بیک کوب کرگان. حاضر بو زمانده تانارچه یا تۆرکچه ادبی بر خط یا مقاله یازو اؤچون هم ادبی تلمده یازغان خط، کتاب و گازیتهلرنی آکلاو اؤچون هر کیمگه اقل بر مک قدر عربی سوزلرنک معنالرن بلو لازمدر. معنالرن بلوگنده بیتنی، آلارنک استعمال فیلنا طورغان اورنلرنده هم اورنینه قاراب آلماشا طورغان اوزگهرشلرنده بلو کیرهک بولادر.

عربی سوزلرنک قاعدهلری بیک کوبدر، عرب تلینک صرف و نغون اوفؤمیچی آلارنی بلوب بئرو ممکنده توکلدر. شو یله ایسهده، هر مدنی مسلمان کتاب و گازیتهلرده مستعمل عربی سوزلرنک همه سینک معنا و قاعدهلرن بلورگه مجبوردر. ملی تلمزگه مهم بسر خدمت بابی آچو مقصودی ایله اؤشبو کتابده مک قدر عربی هم بسر مقدار فارسی سوزلرنک معنالرن هم آلارنک تانارچهده استعمال فیلنولری اوچون بیک کیرهکلی بولغان قاعدهلرن قؤة حافظه نک ضابطنه موافق بر نظم طبعی اوزره ترتیب قیلدم.

بسو کتابده عربی قاعدهلرنک اسلوب بیانینه تعجب ایتمه سون، آنک انتظامی ویکیلگی شول اسلوبندهدر.

دقت فیلناچق حال عرب تلمده هرکه لرنک، (یعنی گلاسنى حرفلرنک) سوز اورتاسینه یازلماولریدر. عربی حرکتلر، یعنی اؤست، آست، اؤتور بیک تسقا بولسه لرده، طاوشلی (گلاسنى) حرفلرلر. لکن آلار عر بچده هیج بر وقتده سوز اچینه یازلمیلر، یازلسلر، فقط بر حرفنک اؤستینه یا آستینه غنه یازلالر. سوزلرنی درست اوفو اؤچون هر سوزنی اؤستنی، آستنی و اؤتوری بله یازو بیک لازم ایسهده، حرف آرسنده یازلماغانلقلرنین و آلارنی سوکندن ترفو طوروده بر مشقت بولماغانلقدن عربی سوزلرنی حرکتلر یازو عادت بولوب کیتکان. اؤلده عربلر اوزلریده حرکتلر یازغانلر، آلاردن آلقان سوزلرنی حاضر بزده حرکتلر ایتوب یازامز. شول سببدن عربچه بلمه گان کیشیلر اول سوزلرنی بیک خطا اوقی و خطا استعمال قیللر.

Ибн Хаджиб. Ал-Кафийа. Обложка книги

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ

الْكَلِمَةُ لَفْظٌ وَضِعَ لِمَعْنَى مُفْرَدٍ، وَهِيَ: اسْمٌ وَفِعْلٌ وَحَرْفٌ؛
لِأَنَّهَا إِمَّا أَنْ تَدُلَّ عَلَى مَعْنَى فِي نَفْسِهَا، أَوْ لَا، الثَّانِي الْحَرْفُ،
وَالْأَوَّلُ إِمَّا أَنْ يَقْتَرِنَ بِأَحَدِ الْأَزْمِنَةِ الثَّلَاثَةِ أَوْ لَا، الثَّانِي الْإِسْمُ،
وَالْأَوَّلُ الْفِعْلُ، وَقَدْ عَلِمَ بِذَلِكَ حَدُّ كُلِّ وَاحِدٍ مِنْهَا.
الْكَلَامُ، مَا تَضَمَّنَ كَلِمَتَيْنِ بِالْإِسْنَادِ، وَلَا يَتَأْتَى ذَلِكَ إِلَّا فِي
اسْمَيْنِ أَوْ فِي اسْمٍ وَفِعْلٍ.

¹ - اللفظ أعم من الكلمة، لأن كل كلمة لفظ دون العكس، كما أن كل جوز
مدور، وكل مدور ليس بجوز.

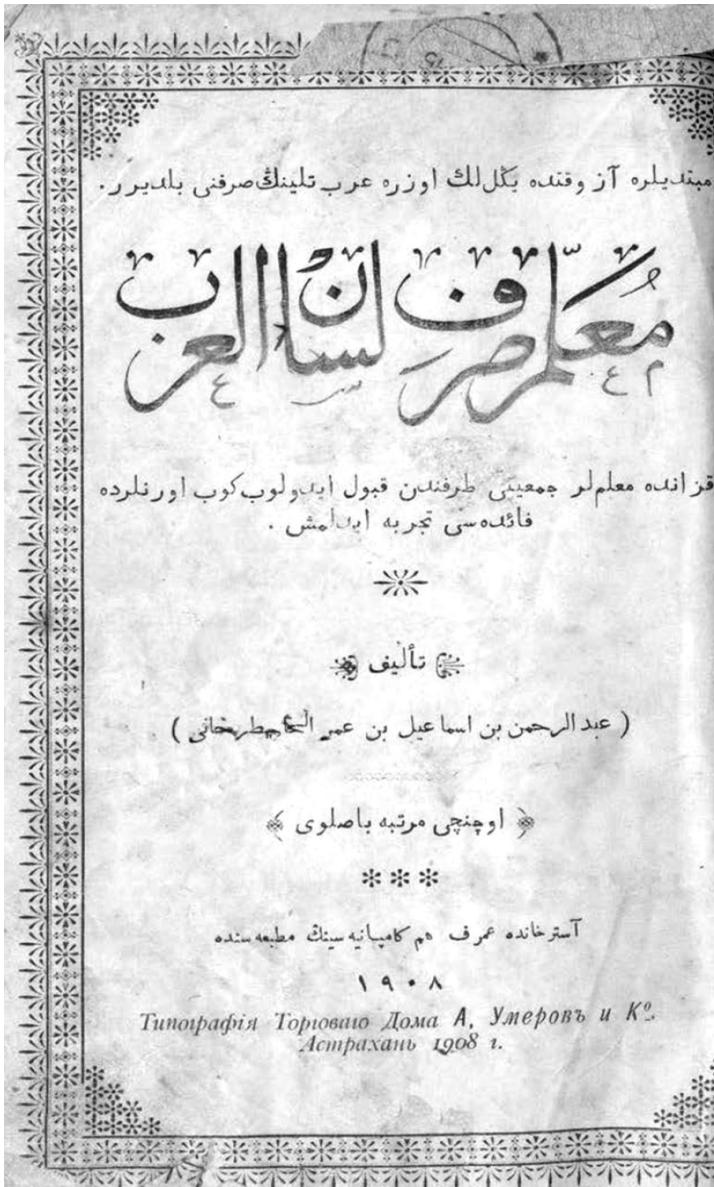
² - المعنى ما يقصد بشيء، فهو إما (مفعل) اسم مكان بمعنى المقصد، أو
مصدر ميمي بمعنى المفعول، أو مخفف بمعنى اسم مفعول كرمي.

³ - إنما قدم الاسم على الفعل والحرف لحصول الكلام من نوعه دون
أخويه، نحو: «زيد قائم». والمقصود من معرفة الكلم الكلام والأحوال التي
تعرض له من الإعراب وغيره، ثم قدم الفعل على الحرف لأنه وإن لم يأت من
الفعلين كلام، لكنه يكون أحد جزئي الكلام، نحو: «ضرب زيد»، بخلاف الحرف
فإنه يكون جزءاً منه أصلاً.

⁴ - الكلام في اللغة ما يتكلم به قليلاً كان أو كثيراً.

⁵ - أي: تضمناً حاصلاً بسبب إسناد إحدى الكلمتين إلى الأخرى، والإسناد
نسبة إحدى الكلمتين حقيقة أو حكماً إلى الأخرى، بحيث تفيد المخاطب فائدة
يصح السكوت عليها.

⁶ - لامتناع الإسناد في غيرهما، و(في) بمعنى (من)، أي: من اسمين، فلا يكون
الظرف والمظروف شيئاً واحداً.

Умари А. Му'аллим сарф лисан ал-'араб. Обложка книги

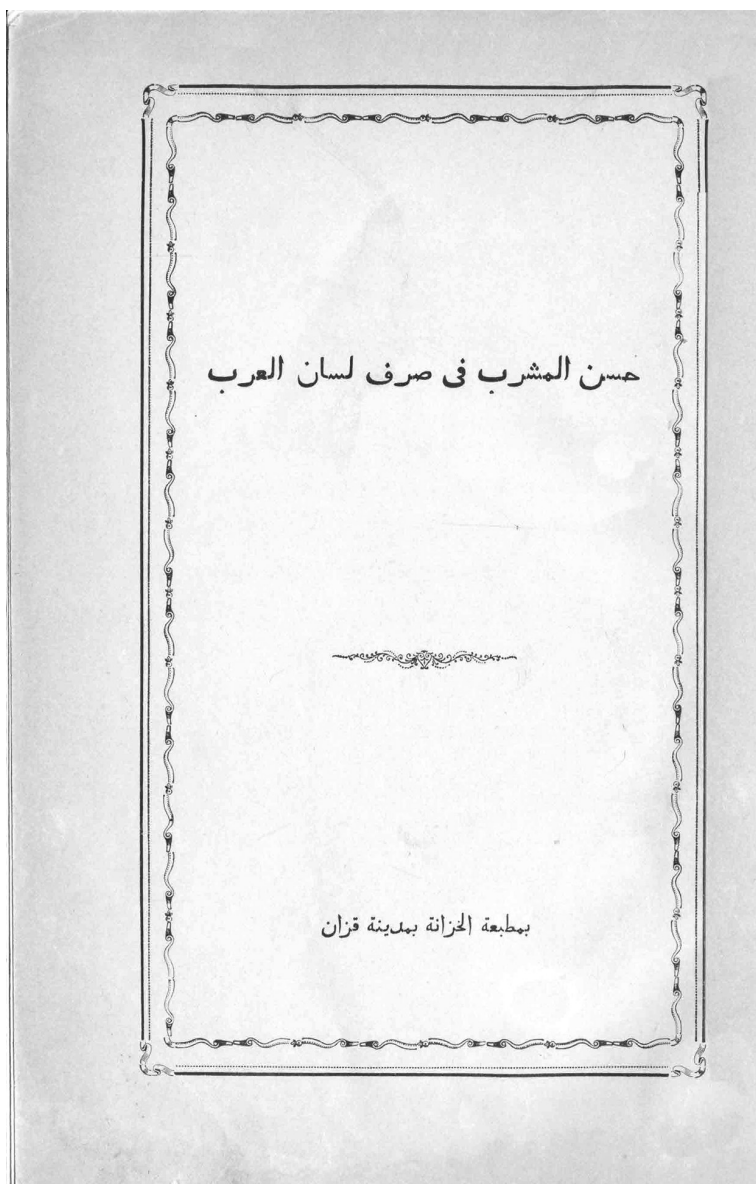
«معلم صرف لسان العرب»

(مقدمه)

عرب تلى بزم دينمىڭ تلى اولمىغىدىن آنى بلمىك بىزىز دىناوادىبا ضروردر. وهر بىر بات تلىنى بلمىك شول تلىنىڭ صرفىنى بلمىك ايسله اولمىغىدىن هر بىرده صبىلارغە تركى تانىغاندىن صوك عرب تلىنىڭ صرفىنى اوقوتقىمىڭ دستور توتلمىشدر. ايمىدى بزم صبىلارغە صرف اوقتە باشلاندىڭ عربچە تاللىق قلمىش رساله اردن اوقتمىڭ موافق دىگلىر. زىرا عرب تلىدىن بىرده خبىرى بوق بالاغە اولمىغانىنى ملاحظە قىلدىمىڭ نائىبا قاعدەلەرنى آڭلاتقىمىڭ زورمشقە اولەدر. اهل بخاراغە اياروب سارت بالارى اچچون فارسىچە، تاللىق قلمىش «شرح عبد الله» كتابىنى اوقتمىڭ ايسه بزم ترك بالارىنى اوگراتمىڭ دىگلىر بىتون بىتونلا اداشمىمىڭ. اما اوز تامزچە اوقوتلسە بالاغە بىك راحتلىك ايسله آڭلاتوب آز زمانىدە مقصودغە ايرىشلاچىمىڭ. بو فائىدەلەرنى ملاحظە قىلوب وطمىمىڭ بالارىنىدە برىخىمت ايتمىڭ نىيەتتە اوز تامزچە اوشىمىڭ «معلم صرف لسان العرب» نى بازمىدە مياشيرة ايتىمىڭ. و فعللىرىنىڭ هر بابىدە نىچە، تورلى كلىمىش مصدرلەرنىڭ وز نلرۇنى هم مثاللەرنىڭ ذكر ايدوب تركىچە معنىلەرنى بيان قىلىمىڭ.

(اخطار)

حرمتا و معلم افندىلارم! بو رساله نىڭ امتحانلارنىدە بازمىش سۇال اردن باشقە مقاللاردا كىتروپ شا كردلردن صوراسمىڭ صرفىنى آڭلى باشلاغىچە آز آز عربچە، سويلانوب اوگرەتسەڭز آنلارنىڭ عرب تلى بامىك لىرىنىدە كوب سبب اوور ايدىڭز. و بو رساله نى تمام اينكاچ نحو اوگراتمىڭ، كە كرىشكە بزم «معلم نحو لسان العرب» ايسله اوقوتوب بىر مرتبە تجرىبە ايدىرساڭز فائىدە سىنى كندىرگىز تقدير ايدىرساڭز.

Баруди Г. Хусн ал-машраб фи сарф лисан ал-'араб.
Обложка книги

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
I. Учебники по арабской грамматике, распространенные среди татар во второй половине XIX – начале XX века	15
1.1. История проникновения мусульманского образования в татарское общество	15
1.2. Труды по арабской грамматике иностранных авторов, распространенные среди татар во второй половине XIX – начале XX века	21
1.3. Учебники арабской грамматики татарских авторов конца XIX – начала XX века	38
2. Граматики татарского языка, написанные во второй половине XIX – начале XX века	67
2.1. Формирование татарского литературного языка и его грамматической теории	67
2.2. Учебники татарского языка второй половины XIX века, составленные на русском языке	74
2.3. Учебники татарского языка конца XIX – начала XX века, составленные на татарском языке	80
Заключение	151
Литература	157

Научное издание

Салахов Абдулла Мунирович

**РАЗВИТИЕ ТАТАРСКОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ
(на материале грамматик татарского и арабского языков
XIX – нач. XX века)**

Редактор *А.А. Мартьянова*

Компьютерная верстка *Л.Ш. Давлетишиной*

Дизайн обложки *А.В. Булатова*

Подписано в печать 20.10.2017 г.

Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,7. Уч.-изд.л. 11,8. Тираж 200. Заказ

Оригинал-макет подготовлен

в Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
420111, Казань, ул. К. Маркса, 12

ООО «ТКС Контакт»

420021, Казань, ул. Г. Тукая, 91